

Лютер Д. Рид

ЛЮТЕРАНСКАЯ ЛИТУРГИЯ

*Исследование Общего богослужения
Лютеранской церкви в Америке*

WORLD WIDE PRINTING
DUNCANVILLE, USA
2003

**The translation and publishing of this book
has been made by Lutheran Heritage Foundation**

Translation: *Victor Genke*

Editing: *Liudmila Genke*

Consultation in liturgics and Church music: *Boris Arkadyev*

Making-up: *Elena Kiseleva*

All rights reserved. No part of this book may be reproduced, stored in a retrieval system, or transmitted, in any form or by any means, electronic, mechanical, photocopying, recording, or otherwise, without the prior written permission of the Lutheran Heritage Foundation.

The Lutheran Heritage Foundation of Education and Culture
P. O. Box 11, Moscow, 127521

**Перевод на русский язык и публикация данной книги
выполнены Фондом «Лютеранское наследие»**

Переводчик: *Виктор Генке*

Редактор русского текста: *Людмила Генке*

Консультант по литургике и церковной музыке: *Борис Аркадьев*

Верстка: *Елена Киселева*

Все права на перевод принадлежат Фонду «Лютеранское наследие». Ни одна часть этой книги не может перепечатываться, копироваться, храниться или передаваться механическими, электронными, фотографическими, магнитными или любыми другими способами без предварительного письменного разрешения Фонда.

Культурно-просветительский Фонд «Лютеранское наследие»
127521, Москва, а/я 11

Originally published in the USA under the title *The Lutheran Liturgy. A Study of the Common Service of the Lutheran Church in America*, by Luther D. Reed, Copyright © 1947, Muhlenberg Press, Philadelphia

The Lutheran Liturgy, Russian version. Copyright © 2003, Lutheran Heritage Foundation, P. O. Box 46, Sterling Heights, MI 48311.
Лютеранская литургия (на русском языке). Все права сохранены © 2003, Фонд «Лютеранское наследие», P. O. Box 46, Sterling Heights, MI 48311.

С В Е Т Л О Й
П А М Я Т И

†

КАТАРИНЫ ЭШБРИДЖ РИД

†

Д О Р О Г О Й
СПУТНИЦЕ,
ЧЬИ ВЕРА И
О Т В А Г А
ПРЕОДОЛЕЛИ
ВСЕ НЕВЗГОДЫ,
ЧЬИ ЛЮБОВЬ И
С Л У Ж Е Н И Е
ПРИНЕСЛИ
РАДОСТЬ В ЭТУ
СУРОВУЮ ЮДОЛЬ

Тот, кто стремится найти Христа, сначала должен найти Церковь. Ибо как можно знать, где Христос и где — вера в Него, если человек не знает, где собраны верующие во Христа? Тот, кто хочет узнать что-либо о Нем, не должен полагаться на самого себя, ему не следует с помощью своего разума строить собственный мост на небеса. Он должен обратиться к Церкви и там обрести познание. Церковь — это не дерево и камни, это собрание тех, кто верует во Христа. Человек должен быть с ними и наблюдать, как они веруют, учат и живут.

МАРТИН ЛЮТЕР

ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Издание, которое Фонд «Лютеранское наследие» предлагает вниманию читателя, представляет собой развернутый комментарий к так называемой «Книге Общего богослужения», которая долгое время использовалась в Объединенной Лютеранской Церкви в Соединенных Штатах. Возможно, читатель уже задается вопросом: какой смысл публиковать перевод комментированного служебника, который не только никогда не был принят в русскоязычных лютеранских приходах, но и вышел из употребления в Америке? Чем он может быть полезен в России? Однако причины, по которым этот проект был утвержден и признан жизненно важным, весьма веские.

Прежде всего, Общее богослужение как тип литургии создавался в конце XIX и начале XX вв. тремя поколениями наиболее выдающихся лютеран Америки. Была проделана колоссальная работа, в ходе которой были детально изучены все без исключения лютеранские богослужебные уставы, принятые в разных землях в период, непосредственно последовавший за Реформацией. Субъективность отбора материалов была сведена к минимуму, так как основополагающий принцип составления новой службы заключался в отборе только тех элементов и форм, которые присутствовали в «чистых лютеранских литургиях шестнадцатого века». Таким образом, Общее богослужение — это лютеранское богослужение *par excellence*, уникальный свод наилучших литургических форм Лютеранской церкви, своего рода идеальная, практически совершенная служба, и при этом основанная на абсолютном консенсусе древних источников, а не на частных предпочтениях составителей или вкусах конкретной эпохи. Именно это позволило Общему богослужению стать основой объединения нескольких Лютеранских церквей Америки в единое целое.

Автор книги, Лютер Д. Рид, принимал активное участие в составлении «Книги Общего богослужения». Было бы трудно найти человека, который смог бы прокомментировать этот служебник с большим мастерством, знанием дела и профессионализмом. Однако задача автора была шире: прекрасно осознавая уникальность материала, он писал не просто разъяснения к конкретному документу; он создавал развернутый комментарий к лютеранской службе как таковой, с учетом ее глубокой связи с западной

литургической традицией в целом. Поразительное сочетание энциклопедической учености автора с его умением изложить информацию сжато, не теряя при этом ничего принципиально важного, делает эту книгу великолепным образцом исследования, обладающего лучшими качествами учебника по литургии и одновременно практического руководства для приходских пасторов и музыкальных работников. Редчайший материал найдут здесь и специалисты по средневековой латыни, а также все те, кто интересуется историей немецкого и английского языков.

Один французский исследователь текстологии Нового Завета писал: «Язык — это сеть, наброшенная на реальность вещей. Другой язык — другая сеть. Размер ячеек совпадает крайне редко». Действительно, уловить в сети русского языка специфически западные категории литургического мышления не всегда легко. Это особенно справедливо в отношении самих богослужебных текстов, находящихся в тесной связи с исключительно строгими, ясными и лаконичными формами латинских сакраментариев. Тем не менее было сделано все возможное — а в некоторых случаях даже больше — для того, чтобы строгое соблюдение грамматических и стилистических норм русского языка в максимальной степени сочеталось с точной передачей не только смысла оригинала, но и его формы.

Хочется верить, что издание этой книги станет заметным событием церковной жизни всех лютеран, совершающих богослужение на русском языке.

Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков. Аминь.

ВИКТОР ГЕНКЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В этой книге представлено истолкование лютеранской литургии и ее музыки, как они отражены в «Книге Общего богослужения» Объединенной Лютеранской Церкви. Изложенные здесь практические соображения могут служить руководством для священников, органистов и хормейстеров.

Идеально точное исполнение каждого указания этой книги само по себе не стало бы воплощением намерений автора. Обретение верного отношения к совместному поклонению верующих Богу, к литургии в целом гораздо важнее мастерского владения тонкостями.

Отличительные формы и обряды богослужения в Церкви исполнены глубокого смысла, прекрасны и уникальны. Стоящее за ними вдохновение не является в первую очередь художественным, вера здесь играет гораздо более важную роль. Совместное, общее выражение преклонения пред величием и благостью Бога и восприятие Его благодати во Христе Иисусе привели к возникновению общих средств выражения благодарности и мольбы. Церковь создавала свою литургию, используя богатый опыт веры и молитвы многих стран и времен, усилив и украсив ее средствами архитектуры, музыки и других искусств.

Лютеранская церковь как одно из исторических литургических вероисповеданий имеет к этому наследию не просто некое отдаленное отношение. Присущее ей глубокое понимание сути Евангелия и особый дар ее членов позволили ей упростить и очистить исторические богослужения Церкви и обогатить их своим собственным вкладом — молитвами, гимнами и литургической музыкой. Эта книга написана для священников, органистов и хормейстеров. Автор стремился дать им представление о размахе и значении, о единстве и гармоничной красоте литургических и музыкальных форм, а также возбудить в них желание изучать и истолковывать эти формы, наблюдая их в богослужении, исполненном порядка, достоинства и красоты.

Кроме того, хотелось бы, чтобы эта работа помогла тем исследователям, которые принадлежат к иным исповеданиям и мало осведомлены в этой сфере, расширить познания о лютеранской литургии, примечательной уже тем, что стала первой полной литургией на языке народа, опередив на многие десятилетия — в таких странах, как Германия, Швеция и

Дания — замечательное достижение Англиканской церкви, «Книгу общей молитвы». Одна из трех великих литургий западной церкви, лютеранская литургия заслуживает детального сравнения с другими двумя, и в книге сравнительный метод применялся регулярно и последовательно. Исследование показывает, что лютеранский обряд чище, чем римско-католический, проще и в то же время полнее и единообразнее, чем англиканский, и в такой же мере является подлинной частью исторической церковной традиции, в какой это можно утверждать о первых двух упомянутых исповеданиях. Его отличительными чертами, помимо простоты и поддержания исторической преемственности, являются доктринальная чистота и последовательность, объективная выразительность, поощрение участия прихожан в богослужении и полные литургические тексты (интроиты, градуалы, антифоны и респонсории) для хорового исполнения.

Церковное богослужение следует проводить так, как установила Церковь. Литургия — это не просто собрание, которое проходит по определенной программе. Литургическая практика — нечто большее, чем просто соблюдение правил и распорядка. Формы, которые Церковь совершенствовала в течение веков, необходимо использовать искренне и с пониманием, по общепризнанному церемониалу.

Такие крайности, как индивидуализм или чрезмерное преклонение перед обрядом, не дают адекватного представления о культуре и жизни Церкви. Безграмотный индивидуализм пренебрегает опытом вселенской Церкви, выводит на первый план личные особенности и предпочтения и вызывает чувство раздражения своими грубыми и нелепыми экспериментами. Пристрастие к вычурной церемониальности хотя и основывается на любви к литургии и высокой оценке достоинства, красоты и благоговения, фокусирует внимание на внешних аспектах, и, концентрируясь на видимом, теряет ту силу, которую следовало бы придать вещам более значимым. Великое тело Церкви живет, движется и существует между двумя этими крайностями. Оно утверждается и объединяется грамотным и разумным соблюдением обычаев. Это исследование выходит в свет для представителей той большой группы священнослужителей, которая предана нормальному, репрезентативному типу богослужения, простому по форме и духу, но красивому и точному во всех деталях.

Но даже в рамках этой средней группы существуют допустимые различия в практике. Нужно прилагать все возможные усилия к тому, чтобы во всей Церкви использовался полный текст литургии (обряда Церкви). Детали церемониала могут быть приняты и употребляться в большей или меньшей степени. Общины, которые будут следовать указаниям, содержащимся в этой работе, получают умеренно богатую разновидность службы. Общины, следующие менее сложной форме, получают упрощенную службу. Подобные различия в оформлении богослужения

не влияют на сущностное единство содержания и духа, которое гарантирует литургия, если — и это очень важно — текст литургии используется во всей полноте и если каждая деталь, проста она или сложна, исполняется правильно.

«Книга Общего богослужения» не дает практически никаких указаний относительно темпа, громкости, оттенков и других музыкальных выразительных средств. Ее составители знали, что хоры сильно различаются по численному составу, вокальным данным и подготовке. Текст был положен на музыку, но вопрос ее интерпретации был оставлен на усмотрение исполнителей. Сейчас становится очевидным общее стремление получить более конкретное руководство, так, чтобы выразительные и духовно назидательные службы преподавались с разумной степенью единообразия.

Органисты и хормейстеры могут достигнуть совершенства в их особом труде лишь в том случае, если они осознают литургические ценности. Чтобы выяснить, как следует петь, мы прежде должны понять, что именно мы поем. В этой книге изложены представления, почерпнутые из лучших литургических и музыкальных традиций Церкви, а затем даны указания относительно музыкальной интерпретации и выразительных средств. Те, кто знаком с предметом не понаслышке, поймут, что автор стремился познакомить читателя скорее с результатами своего труда, чем отразить сам процесс исследования.

Изложенные здесь указания и предложения ни в коей мере не несут в себе духа догматичности, словно бы иных истолкований нет и быть не может. Они даны в надежде внести вклад в развитие этого важного предмета. Поскольку христианское богослужение — наука живая, окончательных и бесповоротных вариантов в ней просто нет. Для тех, кто хотел бы расширить свои познания в этой области, в книге даны многочисленные ссылки на авторитетные источники.

Основной текст набран крупным шрифтом; исторические и прочие детали, которые могут быть малоинтересны широкой аудитории, набраны шрифтом помельче; ссылки на источники и библиографические данные — самым мелким шрифтом, в примечаниях и в конце разделов.

План этой книги основан на личном опыте автора. Участвуя в подготовке «Книги Общего богослужения», он в течение многих лет преподавал литургику и церковную музыку в теологической семинарии, а также проводил конференции по вопросам музыки и богослужения. Он обратил внимание на тот факт, что священники и богословы в целом проявляют интерес к литургии, немного меньше интересуются сборником гимнов и полностью безразличны к музыке в Церкви. В то же время органисты и хормейстеры, испытывая глубокий интерес к церковной музыке, очень мало знают о литургии, равно как об истории и теории богослужения.

Уместно будет упомянуть некоторых людей персонально. Вскоре после моего приезда в Филадельфийскую семинарию доктор Эдвард Т. Хорн, в то время пастор Церкви Троицы, Рединг, штат Пенсильвания, сказал мне, что доктор Генри Э. Джейкобс предложил ему совместно подготовить историческое введение и комментарий к «Общему богослужению». Однако занятость другой работой не позволила доктору Джейкобсу осуществить этот замысел.

Тогда доктор Хорн, который не отказался от своего плана, предложил мне осуществить его совместно с ним, хотя и выразил опасение, что времени на изыскания и сокращение материала потребуется больше, чем он мог бы высвободить. Так оно и оказалось, и потому проект снова был отложен.

Со временем необходимость задуманной работы становилась все более очевидной. Осуществляя ее в одиночку в течение многих лет и доведя ее до завершения несмотря на многие другие обязанности и заботы, я воодушевлял себя надеждой на то, что мои усилия, по крайней мере отчасти, воплощают в жизнь намерение этих двух великих христиан. В течение многих лет мы были коллегами по семинарии и сотрудниками по комитету, который готовил «Книгу Общего богослужения» Объединенной Лютеранской Церкви в Америке. Их дружбе и водительству я обязан очень многим.

Сколь многое я почерпнул из прекрасных работ глубоких исследователей, надеюсь, сполна отражено в ссылках по всему тексту книги. Кроме того, я хотел бы отметить ценную помощь моего коллеги, доктора Джорджа Р. Зельцера, который просмотрел большую часть рукописи на разных стадиях и который, помимо подготовки глоссария, сделал много полезных предложений. Доктор Теодор Дж. Тапперт, также из Филадельфийской семинарии, прочел исторический раздел (Часть I) и сделал ценные замечания по поводу содержания и библиографии. Профессор Чарльз М. Купер любезно поделился со мной плодами своего исследования по псалмам интроита и по троичным чтениям. Президент Конрад Бергендофф из Колледжа и Теологической семинарии Августана прочел первый набросок главы «Литургия в Швеции», дал мне ценные пояснения и сделал важные замечания. Уильям Т. Тиммингс, доктор музыковедения, хормейстер церкви св. Михаила в Джермантауне, просмотрел раздел, посвященный музыкальной части службы, и его опыт и вкус весьма повысили ценность данных там указаний для органистов и хормейстеров. Я хотел бы также выразить мою признательность издателям, которые профинансировали публикацию столь специального и обширного труда.

Разумеется, помощь, оказанная мне в работе над этой книгой, никоим образом не обязывает моих друзей соглашаться с каждым утверждением, которое я в ней высказал.

Я обязан также мисс Винифред В. Айзенберг и мисс Хелен Э. Пфаттайхер, сотрудницам библиотеки Филадельфийской семинарии, за работу по

сверке ссылок, сравнению текстов и по оформлению технических деталей библиографии.

Всем этим друзьям и коллегам я выражаю мою сердечную благодарность за ценную помощь.

Литургия Церкви и музыка Церкви в книге богослужения Церкви представляют собою вызов интеллекту и усердию членов каждого прихода. Каждый священник, органист, исполнитель хора и разумный прихожанин должен стремиться усвоить структуру, значение и дух церковной службы. Серьезность и артистизм могут вознести наше богослужение к новым высотам духовной реальности, красоты и силы.

ЛЮТЕР Д. РИД

Маунт Эйри, Филадельфия

День всех святых, 1946 г.

ВВЕДЕНИЕ

ТОЧКА ЗРЕНИЯ ЦЕРКВИ

Уединенная молитва — долг и привилегия личности. Она может быть безыскусной, то есть спонтанной и свободной по форме. Напротив, публичное богослужение — привилегия и ответственность Церкви. Его следует отправлять в соответствии с определенным порядком. Это не абстракция; это торжественная процедура. Это вера в действии. Необходимы соответствующие время, место, формы и музыкальное сопровождение. Благоговение, достоинство, красота и действенность достигаются уместной степенью формализма.

Церковь уделяла всему этому много внимания. Она размышляла о частных тонкостях и общих принципах богослужения так же серьезно, как над вероучительными вопросами. Долгие века, исполненные горячего стремления осуществить свою миссию, накопленный опыт работы с людьми и обстоятельствами привели к формированию зрелых убеждений и четких идеалов, а также к возникновению впечатляющего количества обрядов и церемоний.

Прежде чем приступить к рассмотрению частных вопросов, нам следует уяснить себе взгляд Церкви на литургические вопросы в целом. Для начала отметим, что сейчас наблюдается повышенный интерес ко всему, что связано с публичным богослужением. Надвигающееся на мир половодье материализма, безбожия и эгоизма ставит под угрозу все моральные и духовные ценности, но при этом усиливает стремление к духовной реальности в доме Божием. Верующие христиане повсюду твердо намерены сохранять в Церкви духовную жизнь и развивать ее самостоятельное, отдельное бытие.

Исповедания, до недавнего времени уделявшие нашему предмету лишь самое ограниченное внимание, сейчас глубоко им озабочены. Книжки и брошюры появились великое множество. В семинариях вводятся соответствующие курсы. Растет количество школ церковной музыки. Во многих случаях эти факты отражают реакцию на чрезмерное внимание к чисто интеллектуальным или эмоциональным аспектам религии. Нарождается искреннее желание восстановить утраченные или испорченные достоинство, благоговение и красоту и созидать ясное «осознание присутствия Божия». Люди стремятся возвыситься над шаткостью и посредственностью индивидуализма, принимая такую практику, которая обладает вселенским и непреходящим значением.

Церковь также включена в процессы культурного развития, которым свойственно все возрастающее осознание роли искусства и музыки. Курсы по истории и искусствам, музеи, коллекции и выставки, симфонические концерты, хоровые группы и многочисленные радиопередачи поднимают уровень критериев вкуса и приносят в самые маленькие общины и самые небогатые семьи те культурные богатства, которые прежде были доступны лишь в больших городах. Условия, при которых люди только-только вживаются в окружающую среду, ушли в прошлое. И мужчины, и женщины знают, что такое жестокость и уродство, и твердо намерены искоренить их.

В то же время в исторических литургических общинах интерес к изучению литургии не временный или недавно зародившийся, литургия здесь — объект постоянного и пристального внимания. Современное литургическое движение в этих церквях обладает богословским основанием, исторической перспективой и залогом постоянства. Этот предмет никогда не потеряет своей важности для тех, кто регулярно обретает духовное подкрепление в гармоничных, упорядоченных и прекрасных службах.

КОЛЛЕКТИВНОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ: СУЩНОСТНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ, ВСЕЛЕНСКАЯ ВАЖНОСТЬ, НЕПОВТОРИМОСТЬ

Христианское богослужение уникально, так как сама Церковь отличается от любого другого человеческого сообщества. Церковь — вселенское и неизменное установление в мире, подверженном изменениям. Ее божественный Основатель наложил на нее печать Своего замысла о духовном братстве, распространенном во всех странах и среди множества языков, но признающем единого Небесного Отца, единого Спасителя и единого Духа Святого и следующем общему правилу веры и жизни.

С самого начала Церковь получила постоянные духовные дары — откровение воли и благодати Божией, святые таинства и обетование о том, что Святой Дух будет пребывать с ней вовек. Христианское священство было установлено как институт ответственного руководства, орган всего церковного сообщества с особой ответственностью за преподание средств благодати и за осуществление «духовной власти», которой обладает Церковь в целом.

Явление уникальное по своим свойствам и идеалам, Церковь стремится к «духовному различению». В качестве видимой или эмпирической организации ее упорядоченная цель — жить в постоянном общении с Богом через Христа и приносить Христа и Его спасение конкретным людям, сообществам и всему миру. Эта двоякая цель осуществляется в основном через использование средств богослужения, моральной и духовной самодисциплины, а также через проявления деятельной любви. Движимые Словом, которое «вселяется в вас обильно», и благодаря просвещению и силе, даруемым Святым Духом, члены Церкви стремятся сделать реальными в своей жизни плоды Духа: любовь, радость, мир, милосердие, долготерпение, святость. Посреди усложнений и путаницы их вера находит простой божественный

план о человечестве. Они с надеждой взирают на завесу, скрывающую славу, которой еще только предстоит быть явленной.

Вне зависимости от того, чем Церковь занимается помимо этого, публичное богослужение является сущностно необходимым для ее жизни и миссии. Общее собрание и богослужение стимулируют духовное развитие и увековечивают общую веру. Верующие христиане всюду осознают глубокое внутреннее стремление «воздать Господу славу имени Его». По величию и благодати Божией, явленной во Иисусе Христе, Господе нашем, «воистину достойно, праведно и спасительно есть во всякое время и во всяком месте благодарить» Его и славить Его святое имя. Интеллектуальный и моральный аспекты присутствуют всегда. Мольбе и заступничеству отведено важное место. Однако главная движущая сила совместного богослужения — это непреодолимое чувство благоговения, благодарности и стремление прославлять Бога; желание внимать истине Божией и обрести силу святого причастия; ощущение радости от духовного общения. Христиане первых веков рисковали своей жизнью ради возможности собраться на совместное богослужение. С тех пор в течение многих веков Церковь возносила свой голос в нескончаемом песнопении, и мы можем не сомневаться в том, что сегодня без совместного богослужения любая община неизбежно погибнет.

В мире люди — это врачи, адвокаты, инженеры, механики, крестьяне, коммерсанты. Этих различий не существует в доме Божиим. Люди — духовные братья, дети единого Отца, они равны перед живым Богом и в равной степени нуждаются в Его благодати. Богатые и сильные теряют ощущение светской власти и статуса; бедные и непритязательные возносятся к утешению и надежде; богатые и бедные, сильные и слабые — все в равном положении и обретают общую силу, когда объединяются в совместном богослужении, которое обладает гораздо большим масштабом и значением, чем уединенные молитвы любого из них. Личность возносится над уровнем частного и эгоистического. Ее симпатии, желания и намерения достигают силы и широты в осознании общения с другими верующими всех стран и времен, с духами праведников, достигших совершенства, и со всем небесным собором. Несмотря на значительные и очевидные слабости отдельных людей — недостаток способностей, безразличие к проповеди, непонимание, незрелость — опыт совместного богослужения подвигает их быть преданными общине, которая, будучи мистическим телом Христа, несет Его Евангелие и Его таинства как живые средства благодати через все страны и времена.

Коллективное богослужение сущностно необходимо, вселенски значимо, уникально. Здание церкви отличается от рабочего кабинета или квартиры. Алтарь и престол говорят о Боге и о том, что свято. Литургия не похожа на книги и журналы, которые мы читаем на неделе. Дом Господень, день Господень, служба Господня занимают особое место. Поскольку верующие помнят обетование Господа: «Где двое или трое соберутся во имя Мое, там Я посреди них», — каждое богослужественное собрание проникнуто торжественностью и благоговением.

Такой опыт обрести невозможно ни в одном другом месте. Церковь в богослужении обладает фактической монополией на силу, эмоции и опыт, которые оказывают глубокое влияние на жизнь. Священное Писание и вес христианского опыта, отправление и преподавание таинств, ощущение общих даров в сочетании с личной ответственностью, глубокое волнение от участия в торжественной и вдохновенной церемонии — таковы члены того уравнивания жизни, которым обладает и которое контролирует одна лишь Церковь. Ни одно другое учреждение или установление не может состязаться с нею на этом поле. Было бы хорошо, если бы эти уникальные привилегии и возможности получили более широкое признание и содействие.

Из всех реформаторов Кранмер, пожалуй, наиболее тонко чувствовал важность вопросов, связанных с богослужением, и «Книга общей молитвы» всегда была надежной опорой англиканского исповедания. Лютер и его соратники хотя и придавали большое значение личной уверенности в прощении и мире, внутренне присущей представлению об оправдании верой, с уважением относились и к ценностям совместного богослужения. Лютеранская реформация была отмечена триумфальным восстановлением участия прихожан в службе, значительным увеличением количества причастников и расцветом литургической молитвы, конгрегационального пения, а также хоровой музыки, удивительной как по своему качеству, так и по количеству. Реформа литургии и литургического богослужения освободила вновь пробудившиеся силы как личности, так и Церкви в целом.

Публичное богослужение воплощает и развивает наилучшие, наиболее духовные силы тела Христова, вызывает к самому прекрасному во всех людях. На тех, кому малоинтересно обсуждение вопросов вероучения или даже практическое христианское служение, искренние акты коллективного богослужения производят глубокое впечатление. Лое пишет: «Как планеты вращаются вокруг солнца, так и община в своих службах, полных очарования и достоинства, движется вокруг своего Господа... Чистое исповедание не обладает более прекрасной формой, более привлекательным выражением, чем в благоговении и хвале»¹.

Религиозное убеждение возникает не в результате проповеди морального кодекса и не в крестовом походе во имя социальных реформ. Христианство запечатлевает свои притязания на нехристианский мир через публичное служение Богу и возвешение Евангелия, которое порождает новую жизнь. Своекорыстие и грязные мысли отступают, когда Церковь в общем собрании превозносит Христа, Который возлюбил нас и спас от греха и Которому принадлежит вся слава и все владычество. На любого человека такое общее богослужение, если оно обладает реальностью, силой и красотой, производит глубокое впечатление. Все три перечисленных аспекта богослужения могут оказывать на него влияние, но он должен чувствовать силу по крайней мере одного из них.

¹ Wilhelm Loehe, *Three Books Concerning the Church*, translated by Edward T. Horn, 1908, pp. 196–97.

РЕАЛЬНОСТЬ В БОГОСЛУЖЕНИИ ДОСТИГАЕТСЯ ВЕРОЙ

Многие приверженцы современного мышления рассматривают религию как побег из реальности. Они считают, что когда мы входим в церковь, чтобы помолиться, мы оставляем реальный мир за порогом. Реализм подобного рода, особенно в том виде, в каком он находит выражение в некоторых образцах современного искусства, дает неадекватное истолкование жизни, так как не приемлет духовных ценностей. Ахнув от мигающих лампочек и неоновых огней, он забыл о звездах. Такой реализм ошеломлен огромностью и сложностью окружающего мира, окружен низостью и нуждой, убежден, что человек терпит крах в большей части своих порывов. Он верит, что только материальное и слишком часто грязное может быть реальным. Рассматривая скептически даже человеческие достижения, он не ценит ни божественного творения, ни вдохновения, безразличен к сверхъестественному и духовному.

Христианин верит в такую реальность, которая включает в себя духовную составляющую. Он верит в великую объективную Реальность, Совершенно Иную, отдельную от него, в божественное Существо, Которое во Иисусе Христе явило Себя как вечного Бога и Отца человечества.

Вера предполагает откровение. Она не является просто стремлением, благочестивым желанием или красивым идеалом. Она покоится на объективном основании. Христианство по сути своей есть религия откровения. Вера — это приключение, путешествие, но в путь мы отправляемся с картой в руке, с компасом в сердце и с Голосом, который указывает нам дорогу. Бог по определению живет, любит и говорит. Он есть, и потому мы существуем; так как Он прежде возлюбил нас, мы любим Его; Он рек, и мы веруем. «В начале... Бог» — будь то в творении, в спасении или в освящении. Его откровение Самого Себя через ветхозаветных пророков завершилось в Иисусе Христе. В Нем мы созерцаем божественную славу, полную благодати и истины, любящую, милосердную, предавшую Себя за людей, страдающую и умирающую ради нашего вечного блага. Это откровение, записанное для всех родов в Писаниях и приносимое в души людей силой Святого Духа в Церкви и через Церковь, — это откровение препоясывает нашу веру и дарует силу нашей жизни.

Мы склонны преуменьшать важность той роли, которую играет в богослужении Святой Дух. В основе всего, что я могу помыслить или сделать, лежит божественная Личность, божественная энергия, вечный Бог. Не моим собственным разумом или силой могу я «уверовать в Иисуса Христа, моего Господа, или прийти к Нему, но Святой Дух призвал меня через Евангелие, просветил меня своими дарами, освятил и сохранил меня в истинной вере; так же, как Он призывает, собирает, просвещает и освящает всю христианскую Церковь на земле и сохраняет ее с Иисусом Христом в единой истинной вере»².

² Лютер, *Краткий катехизис*, объяснение третьего догмата веры.

Таким образом, вера, которая является причиной и основанием богослужения, — это нечто большее, чем философское рассуждение. Уверенность христианина начинается там, где заканчиваются философские гипотезы. Вера покоится на откровении, истинность которого она принимает и силу которого она проявляет в своем собственном опыте. В основе любой общей молитвы лежит общая вера христиан; в основе общей веры лежит откровение Бога в Иисусе Христе. Мы начинаем наши коллекты и молитвы не только с почтительного обращения к Богу, но и с определенной ссылки на какое-либо Его слово или качество. На таком предшествующем, antecedентном основании мы строим наши прошения. На Рождество мы говорим: «Боже, осиявший эту пресвятую ночь Светом истинным! Молим Тебя, даруй...» В Пепельную среду мы просим о прощении лишь после слов: «Всемогущий и вечный Боже, Который не относится с ненавистью ни к чему из того, что Сам сотворил, и прощает грехи всех, кто раскаивается; сотвори в нас сердце новое и сокрушенное». Мы говорим: «О Боже, уготовавший любящим Тебя блага, превосходящие ведение человека», прежде чем помолиться: «Излей в наши сердца такую же любовь к Тебе».

Также и в великой евхаристической молитве префация основывает наше благодарение и нашу хвалу на конкретных фактах откровения: «Воистину достойно, праведно и спасительно... *ибо* в тайне Слова, сделавшегося плотию, Ты даровал нам новое откровение Твоей славы»; «...Который на древе крестном даровал спасение человечеству». На основании этих принятых фактов мы можем сказать: «*Посему* со всеми ангелами и архангелами...» Перед каждым преподанием вечери Господней мы должны сказать: «Господь наш Иисус Христос в ночь, в которую Он был предан, взял хлеб... Сие творите в Мое воспоминание». Только после такой рецитации слов установления нашего Господа мы можем сказать: «Берите и ешьте, сие есть тело Христово, преданное за Вас».

Лютер называет такую веру, которая покоится на откровении и сосредоточена на Христе, «божественным деянием внутри нас», оно «меняет нас и возрождает нас в Боге... Вера есть живое, бесстрашное доверие благодати Божией, настолько убежденное, что человек может поручиться за него своей жизнью тысячу раз. Эта уверенность в благодати Божией и знание о ней делает людей счастливыми и смелыми в отношениях с Богом и со всем Его творением»³.

Такая живая, активная вера убеждена, что в основе всех разнообразных явлений жизни лежат вечные ценности — истина, красота, добро — и что всякая сила основана на Личности. Эту личность необходимо любить, Ей нужно поклоняться и повиноваться как всеобщему Небесному Отцу, который призывает нас к служению и вере.

Сомнение не строит соборов, не воспевает *Te Deum*, не составляет литургий. Вера же строит, молится и поет. Она наполняет дом Божий

³ "Introduction to the Epistle to the Romans," *Works of Martin Luther* (Philadelphia, 1932), Vol. VI, pp. 451-52.

музыкой и красотой, она несет вдохновение святилища в дом, в общество, в повседневную жизнь. Ибо вера по существу есть жизнь в ее полнейшем, самом прекрасном и гармоничном развитии.

Таким образом, реальность в богослужении достигается верой, которая принимает подлинность и искренность христианской традиции. Без такой веры христианское богослужение было бы фантазией, фарсом или притворством.

РЕАЛЬНОСТЬ В БОГОСЛУЖЕНИИ ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ ОБЩИНОЙ

Коллективное богослужение — это искреннее выражение веры в существование Бога и убежденности в том, что люди могут совместно общаться с Ним. Неважно, какие частные представления задействованы в акте богослужения — благоговение, исповедание, поминовение, благодарение, прославление, жертва и приношение, моление или заступничество — все они являются лишь частью более широкой идеи коллективного общения с Богом. Уильям Адамс Браун говорил: «В конечном счете мы приходим к следующему: либо мы одни в мире, перед лицом его неразгаданных тайн и ужасных трагедий, и можем полагаться только на помощь других смертных, таких же темных и беспомощных, как мы сами, либо существует Некто, слышащий нас, когда мы говорим, и могущий ответить, когда мы зовем... Человек, который научился молиться, больше не одинок в мире. Он живет в доме своего Отца»⁴.

Это базовое представление об общении особенно ярко выделено в лютеранстве. Оно обладает фундаментальной важностью для учения Церкви о личности Христа и для концепции крещения и вечера Господней. Оно неотъемлемо от учения о Церкви и от ее доктрины о нераздельности Святого Духа и Слова Божия. В сфере поклонения лютеранство требует большего, чем просто стремление или физическое созерцание. Оно надстраивает свои богослужебные формы на представлении о духовном контакте и обмене духовной силой.

Лютер с наивной прямоотой выразил эту мысль так: «Таковы суть два священнических служения: слушать, как говорит Бог, и говорить к Богу, Который нас слышит. Через благословение, через проповедь и преподавание святых таинств Бог нисходит на землю и говорит со мной; здесь я слушаю Его и вновь поднимаюсь к Нему, и говорю к слуху Бога, внимающего моим молитвам».

В другой раз он определил природу и задачу богослужения следующим образом: «Дабы мы собирались в одно время и в одном месте; дабы мы слышали Слово Божие и приносили Богу как свои нужды, так и нужды других общин; и дабы мы возносили к небу сильную, серьезную молитву и вместе прославляли Божие благословение благодарностью»⁵.

⁴ William Adams Brown, *The Life of Prayer in a World of Science* (New York: Charles Scribner's Sons, 1927), pp. 179–180.

⁵ «Проповедь на освящение замковой церкви в Торпгау», 1544, *Luthers Werke*, Weimar Ausgabe, Bd. 49, p. 594.

Меланхтон в двадцать четвертом артикуле своей «Апологии» («О мессе») развивает эту концепцию богослужения, проводя четкое различие между сакраментальным и жертвенным аспектами, где первый есть дар Бога и выражение Его воли, а второй — наш ответ в молитве, прославлении и благодарении.

Доктор Фон Огден Вогт характеризует сосредоточенность лютеран на общении как «сбалансированную модель инициации и ответа», которая охватывает благодать Бога и приношение человека. Он пишет: «Возможно, такое описание богослужения истинно, и открытие иных действительных моделей богослужения невозможно»⁶. В любом случае такая модель является коррективом к субъективизму, столь характерному для большей части протестантских традиций современности, в рамках которых преувеличенный интерес к психологии религии, судя по всему, усиливается. Она представляет собой утверждение объективной реальности Бога и нашей веры в Его любовь к нам и в Его откровение нам. На этом объективном основании Лютеранская церковь разработала богатое и непревзойденное по качеству и широте собрание гимнов, молитв, проповедей и музыкальных произведений.

Общение в широком смысле подразумевает не только личный контакт с Богом, но и братство с другими верующими. Публичное богослужение свидетельствует о вере в то, что когда группа, представляющая «общение святых», в единении входит в общение с Богом, реализуется духовный опыт высочайшего качества.

Наш Господь дал Своим ученикам молитву, которая по своей форме подразумевает использование в группе. Его слова «Где двое или трое соберутся во имя Мое, там Я посреди них» гарантируют Его особое присутствие с Церковью как собранием. Св. Павел призывал своих слушателей: «Не будем оставлять собрания своего». Свои представления о сакраментальном общении он развил в учение о теле Христовом: «Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба» (1 Кор. 10:17). Лютер заново открыл и вывел на первый план значимость христианского общения в связи с богослужением и с причастием. В своей «Проповеди о причастии» 1519 г. он говорит: «Христос со всеми Его святыми есть одно духовное тело, точно так же, как жители одного города являются общиной и телом и каждый гражданин связан со своим соседом и со всем городом. Также и все святые — члены во Христе и в Церкви, которая есть

⁶ *Modern Worship*, p. 42. Доктор Вогт (*op. cit.*, p. 53) рассматривает разные «модели богослужения», и тот тип, который он впервые описал в своей работе *Art and Religion*, он организывает в семикомпонентную психологическую программу. В нее входят видение, смирение, оживотворение, воспоминание, просветление, посвящение и мир. Некорректно было бы противопоставлять этой системе «простую структуру» инициации и ответа как исчерпывающее описание всего того, что происходит в лютеранской литургии. Ее также можно разложить на различные элементы, такие как исповедание, устремление, хвала, наставление, молитва, заступничество, поминовение, благоговение, принятие, благодарение и т. д. Дело в том, что в богослужебном опыте лютеранина представление об общении как об активном обмене, который имеет место между Богом и человеком, пронизывает все эти элементы не механически или прагматически, а в самом общем смысле.

вечный духовный град Бога... Таким образом, получение причастия в хлебе и вине — это не что иное, как получение знака этого общения и слияния со Христом и с Церковью... Когда мы верно применяем это таинство, Христос со всеми святыми принимает нашу форму по Его великой любви, и вместе с нами борется против греха, смерти и всякого зла. Через это и мы воодушевляемся в любви на то, чтобы принять Его форму, довериться Его праведности, жизни и спасению; и так, через общение между Его благословенностью и нашей скорбью, стать одним хлебом, одним телом, одной чашей, и все это делить как общее.»⁷

Этот аспект подчеркивают и современные руководители. Вильгельм Лое говорит: «Мы рождены для общения... Господь сотворил землю не для одного человека... Небеса — не для одного человека... Общение Церкви Божией есть общение святых... В моем пути через эту темную долину я не один... Церковь — это вечное общение и здесь, и в будущем»⁸. Фридрих Гейлер подчеркивает необходимость «коллективной молитвы» и в последнем предложении главы, посвященной «Молитве в публичном богослужении», говорит: «Духовное служение Богу в собрании духовно зрелых личностей есть высочайшая и чистейшая форма поклонения, подлинное богослужение»⁹. Эмиль Бруннер борется против индивидуализма как против «бича нашего времени» и призывает к тому единству личности и общины, в которой и заключается «христианская концепция личности и общества». Он говорит: «Чтобы человек смог осознать, что есть истина и что — ложь, чтобы он смог осознать, что истина — это не его частная собственность, нечто, имманентное ему самому, Бог в Своей мудрости так все устроил, что истина не может быть найдена в одиночку. Чтобы обрести ее, человек должен войти в общение. Слово Божие можно найти только в том, что говорит Церковь»¹⁰. Профессор Роберт Вилль из Страсбурга в своем монументальном труде *Le Culte* разрабатывает идею о том, что в публичном богослужении индивидуальный религиозный опыт усиливается в атмосфере религиозной коллективности, обладающей духовным единством и универсальностью¹¹.

Церковь — это нечто большее, чем совокупность ее членов. В качестве сообщества, живого тела она обладает такими функциями и возможностями, которые не присущи одиночному опыту людей вне группы. Коллективное богослужение — это нечто иное, нечто более сильное, чем просто сумма молитв конкретных людей. Даже там, где всего пять-шесть человек совместно молятся в тишине, ощущается особое коллективное качество поклонения.

Итак, духовные ценности публичного богослужения значимы для всех людей. Богословы могут устремить свой мысленный взор к сфере чистой

⁷ «Проповедь о причастии тела Христова и об общении», 1519, *Luthers Werke*, Weimar Ausgabe, Bd. 2, pp. 743–48.

⁸ Wilhelm Loehe, *Three Books Concerning the Church*, pp. 3–13.

⁹ Friedrich Heiler, *Prayer*, p. 346.

¹⁰ Emil Brunner, *The Word and the World* (New York: Scribner's, 1931), pp. 118–119.

¹¹ Отрывки из этих авторов в английском переводе можно найти в книге Bernard Eugene Meland, *Modern Man's Worship*, главы 4–8.

теологии, философии религии и критики. Но даже они не могут найти полного удовлетворения лишь в этих предметах. Если они хотят, чтобы их душа оставалась живой, они должны присоединиться к другим верующим в храме. Ибо великое тело Церкви, коллективное богослужение более значимы и конструктивны, чем любой другой фактор христианского опыта. Литургия и литургический год, с его регулярным раскрытием и преподаванием средств благодати, поддерживают недельный и сезонный ритм, который сохраняет духовное здоровье Церкви. Литургия дисциплинирует, направляет и расширяет индивидуальный религиозный опыт каждого конкретного христианина¹².

Силу в богослужении обуславливает чистота

Если реальность в богослужении достигается за счет веры и поддерживается через общение с Богом в братстве с другими верующими, сила в богослужении реализуется в чистоте.

В науке считается трюизмом, что в химических препаратах, лекарствах и в пище сила напрямую соотносится с чистотой. Здоровье и физическая крепость зависят от чистоты и отсутствия инфекции. Электрическая энергия ослабевает из-за короткого замыкания, коррозии и загрязненных контактов. Телескопы и микроскопы работают только в том случае, если их линзы чистые. Точно так же и в богослужении силу обуславливает чистота.

Прежде всего, цель богослужения должна быть великой и святой — оно должно быть устремлено к тому, что вечно и свято, к вечному и святому Богу. Общение и совместное поклонение могут быть важны и в связи с другими целями, но общение и собрание ради контакта с Богом в Его трансцендентной святости, мощи и любви привлекают всех людей на основании возвышенности и чистоты мотива. Сила, которая внутренне присутствует этой чистой и величественной цели, повсюду воздвигла церкви и соборы, создала литургии и гимны, кантаты и антемы, вдохновила благороднейшие образцы искусства в истории человечества.

Сегодня мы знаем о вселенной намного больше, чем царь Давид. И все же мы находим предвосхищение сокровеннейших движений нашей души в истории псалмопевца, который взывал к Творцу мира: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня». Ибо во внутреннем святилище наших душ мы находим то же самое содержание, которое знал Давид, — то же моральное неустройство и бесчестие. Мы также знаем о том, что нечистота есть бессилие, что грех приводит к страданию. Мы также знаем, что подлинное удовлетворение можно обрести лишь в общении и в гармонии с Богом и что лишь чистые сердцем могут узреть Его. Эти убеждения помогают христианам отбросить нечистые мотивы и призывать благословение Божие с сердцем, исполненным осознания прощения. Не случайно в

¹² Более полное рассмотрение вопроса о социальных ценностях богослужения см. в книге А. Г. Hebert, *Liturgy and Society*.

течение тысячелетия, или даже дольше, частная подготовка священника к публичному служению нормативно начиналась со службы исповедания и отпущения грехов, как и все современные общественные богослужения.

Помимо своей высокой и святой цели, богослужение должно быть наделено чистым содержанием и чистой формой. Нет большей нечистоты, чем ересь. Нечистое учение может быть преподано в проповеди, в литургической формулировке, в гимне и даже в неверном церемониале или неуместном украшении. Поэтому исторические литургические церкви позаботились о том, чтобы в ходе работы над их литургиями и сборниками гимнов подготовленные специалисты продумали каждое предложение, изучили каждую фразу, рассмотрели каждый случай написания слова с прописной буквы и постановку всех знаков препинания, чтобы сохранить не только литературное изящество, но также и ясное, последовательное изложение доктринальных истин.

Следует упомянуть также о светских влияниях, которые часто путают и затемняют христианское мышление и служение. Когда религия — это нечто лишь немногим большее, чем дешевая сентиментальность, невозможно никакое ясное понимание ее предпосылок или принципов. Церковь мыслится как некое агентство социального обеспечения, занятое общественными реформами. Христианское священство в таком понимании едва отличимо от персонала социальных служб.

Там, где превалируют подобные представления, концепция самого богослужения и того, как его следует проводить, неизбежно опускается до очень низкого уровня. Церковные помещения, организованные по принципу «сцена — зрительный зал», предполагают светские обстоятельства и повод собрания. «Богослужebные программы», построенные вокруг злободневных тем, дают возможность постоянного внесения изменений. Дешевые, шумные приветствия и нервная манера говорить до, во время и после богослужения, задуманные как «радушный прием» новичков, отвлекают и смущают серьезных верующих. В проповедях, составители которых углубляются в самые специальные области истории, литературы, философии, искусства и международных связей, слишком редко говорится о Христе и о Его Евангелии. Неотесанность и явные ошибки в речи и в поведении искажают прочтение службы, равно как и подачу проповеди. Самолюбивые, ограниченные молитвы, в которых нет ни благоговения, ни благородства мысли, оставляют присутствующих на богослужении верующих в рамках духовной посредственности и вялости. Музыка, исполняемая в излишне сентиментальной или вычурной манере, отвлекает или даже оскорбляет слух и не трогает душу. Объявления на общественную или светскую тематику — от церковных обедов до тривиальных забот прихода — цепями приковывают мысли верующих к земле.

Разве преувеличением будет сказать, что все эти и подобные им явления — нечистота, которая выхолащивает, искажает и ослабляет структуру богослужения, приводя к «короткому замыканию» систему его духовной действенности? Все, кроме наилучшего и наичистейшего из всего, чем мы

обладаем, недостойно приношения всемогущему Богу. Ничто, кроме подкрепления духовности в атмосфере благоговения не удовлетворит томления духа и не направит верующих из дома Божия полными горячего желания новых свершений. Богослужение должно быть возвышено над уровнем банального и секулярного. Литургия не должна выглядеть, как еженедельник. Церковная музыка не должна звучать, как в опере или в концертном зале. Верующие должны приходить к Божью алтарю с вознесенными сердцами, с чувством таинственного и с радостью. Чистота и благородство возвысят их души и окажут мощное влияние на мир.

НАУКА И ИСКУССТВО КАК ПОМОЩНИКИ БОГОСЛУЖЕНИЯ

Реальность и сила в богослужении связаны с самой его основой, с его внутренними духовными компонентами. Внешние же проявления коллективного богослужения достигают красоты и действенности с помощью науки и искусства.

Многочисленные и значимые достижения науки связаны с физическими и практическими условиями, имеющими отношение к времени, месту и манере богослужения. Календарь, с его вычислениями даты Пасхи и связанными с ней днями и праздниками, определяется астрономией. Часы службы определяются хронометром, отрегулированным с астрономической точностью. Наши церковные здания, особенно построенные с использованием современных материалов и технологий, требуют применения инженерной науки и архитектурного искусства. Многие ремесла, — мастерство каменщика, плотника, стекольщика, кузнеца, и т. д. — требуют знания химии. В наши дни наука — это один из важнейших факторов в организации отопления, освещения и акустики.

Наука играет важную роль также и в организации составляющих публичного богослужения. Литургия обладает интеллектуальной силой и последовательностью, потому что она была составлена не литераторами, а богословами, обладающими литературным вкусом. Сборник гимнов был издан с использованием научного аппарата и метода. Органная музыка — это искусство, основанное на научных сведениях о том, как возникает и регулируется звук, о сочетании труб, о действии электрики и пневматики. Наушники, микрофоны и колонки также имеют отношение к сфере научного исследования и производства.

Наука обеспечивает условия и гарантирует действенность, и многие моменты, связанные с удобством и комфортом богослужения, так же как и с его красотой, зависят от той помощи, которую она нам оказывает. Однако живая форма богослужения, с его силой роста и развития, создается, в основном, с помощью искусства.

Союз религии и искусства всегда был очень тесным. Как только христианство утвердилось в культурных центрах греко-римской культуры, оно сразу взяло на вооружение искусство того времени, несмотря на значительное

влияние аскетических идеалов многих выдающихся христиан. Самые ранние росписи катакомб имели своей целью скрыть христианскую истину от глаз язычников, открывая тайный символизм лишь посвященным. Когда преследования прекратились и покровительство империи сделало возможным масштабные предприятия, Церковь построила свои базилики, украсила их мозаиками, смело используя монограммы имени Спасителя и другие символы новой веры.

Христианство отвергло языческий храм вместе с самим язычеством. Язычество было религией открытого пространства. В его храмах большое внимание уделялось внешней красоте. Христианство сосредоточило свое внимание на внутреннем убранстве церковных зданий, уделяя особое внимание условиям, необходимым для собрания молящихся.

Церковь росла и усиливалась в окружении интенсивных политических и интеллектуальных течений в таких центрах, как Антиохия, Александрия, Коринф, Карфаген и Рим. Когда империя пала и цивилизация разрушилась под ударами вторгшихся варваров, Церковь стала фактором стабильности и единства. Когда языческое влияние классической эпохи ушло в прошлое, искусство стало христианским по своему духу. Церковь, с ее учением, таинствами, церемониями и дисциплиной, объединила людей различного происхождения и языка в одно великое моральное единство.

Со временем силу обрели монашеские ордена. Они приютили под своим кровом науку, образование и искусство, и те возвратили им свой долг тысячекратно. Искусство практически не имело сфер применения вне стен Церкви и ее институтов. Безвестные монахи трудились в своих обителях, начиная труд переписывания манускриптов и их украшения в ранней юности и оканчивая его в глубокой старости или даже передавая эту обязанность следующим поколениям. Искусство тогда еще не было коммерциализировано. Даже ремесленники, работавшие вне монастырей и объединенные в мощные гильдии, стремились превозносить Церковь и ее богослужение.

Так церковное искусство величественно перешло в период готики. Сила веры под руководством Церкви за несколько веков превратила варваров в художников, инженеров, строителей и ученых. Гордость принцев, епископов и мирян была важным фактором в культурных достижениях, но религиозная убежденность и поэтическое вдохновение были их подлинной движущей силой. Соборы и церкви, вознесшие к небесам свои украшенные колоннадами нефы, усиленные контрфорсами стены и резные башни, были изумительны, но эти здания были лишь тяжеловесным вместилищем неисчислимых богатств, скрытых внутри. Через прекрасные по рисунку витражи, искрящиеся яркими цветами, можно было увидеть превосходную резьбу по дереву и камню, изумительные алтари, запрестольные перегородки и хоры; потрясающие фрески, росписи по дереву и на холсте; купели и алтарные балдахины; литье из золота, серебра, бронзы, латуни, железа и свинца с эмалевыми украшениями; восхитительные реликварии, алтарные кресты, епископские посохи, кадила, сосуды для благовоний, ковчежцы, распятия, блюда,

чаши и потиры; а также множество богослужебных книг, изысканно переплетенных и украшенных драгоценными камнями. Нельзя не упомянуть также о шитье одеяний: бесчисленных ризах, епитрахильях, орарях, стихарях и митрах; о столь же великолепных фронталах и суперфронталах для алтаря. Талантливые мужчины делали их эскизы, а искусные и терпеливые женщины кропотливо трудились над их изготовлением.

Церковь поощряла все эти усилия. Она давала искусству темы и вдохновение, а ее литургическая жизнь определяла его формы. Церковь подчинила своей воле все искусства и сделала так, чтобы они несли ее призыв миру. Эмиль Маль, возможно, более ясно и полно, чем кто-либо другой, показал, как христианская история и вера отражались в скульптурных фронтонах средневековых соборов и как искусство стало учителем и проповедником Евангелия через использование христианских символов¹³.

Поэзия длительное время обретала свое выражение в литургии, в гимнах и секвенциях Церкви. Под ее патронажем музыка вступила в поздний, но изумительный период расцвета, параллельный развитию архитектуры. Основываясь на греческих ладах и речитативе, григорианская система облекла литургию в мелодию. Развивая формы гармонии и контрапункта, музыка расцвела в обаянии голландской школы в пятнадцатом веке и в духовной красоте школы Палестрины в шестнадцатом. Количество и техническая проработанность этих произведений были поразительны. Эдвард Диккинсон недалек от истины, когда говорит: «Мир никогда не видел и, похоже, никогда не увидит ничего более прекрасного и величественного, чем та возвышенная структура, состоящая из архитектуры, скульптуры и живописи, сопровождаемых наставлением в поэзии и музыке, которую Церковь создала в Средние века и представила в качестве постоянного образца восхищенному изумлению последующих времен»¹⁴.

Ренессанс привел в движение всю общественную структуру, до самых ее оснований. Он оказал глубокое влияние на искусство и на Церковь. Гуманизм и возрождение классических форм раскрыли забытые элементы и спровоцировали интеллектуальный и художественный прорыв вне церковной сферы. Искусство стало явлением профессиональным, полным стремления к самовыражению, признанию и вознаграждению. Став менее зависимым от церковного учения и традиции, искусство в большей степени оценило природу. Таким образом, развивая свою технику в духе индивидуализма, оно утратило многое из своего духовного наследия.

Реформация, в целом, сосредоточилась на вопросах учения и церковной реформы и уделяла искусству сравнительно небольшое внимание. Дух цвинглианства и кальвинизма был определенно враждебен к литургии. Он преобладал в Швейцарии и в Голландии, им прониклись диссентерские элементы Шотландии и Англии. Хотя со временем он утратил свою силу, он ясно показал, что там, где литургия была разрушена, литургическое

¹³ Emile Mâle, *Religious Art in France, XIII Century*, New York, 1913.

¹⁴ Edward Dickinson, *Music in the History of the Western Church*, p. 74.

искусство, всегда коллективное по своему духу, гибло вместе с самой литургией, равно как и любое желание возродить ее. Религиозное рвение, направленное на одни лишь вопросы учения, без принятия других ценностей, настолько интеллектуально и индивидуалистично, что дух богослужения слабеет, а искусство богослужения приходит в упадок в создавшейся атмосфере сухости.

Лютер и его последователи ценили искусство и его место в богослужении. Лютер сохранил литургию и литургические принципы. Он продолжал использовать многие образцы древнего григорианского пения; он выискивал народный элемент в богослужении и удостоил его положения, которым он не обладал с послеапостольских времен; он перевел литургию на разговорный язык и дал людям возможность спеть ее. Когда он работал над переводом псалмов, «дух псалмопевца и пророков снизошел на него», как говорит Кох, и свои ранние гимны он писал как искреннюю, спонтанную молитву. Так он заложил основы немецкого хора, который стал более популярен и влиятелен, чем старинное пение, и, подобно ему, давал вдохновение и материал для более поздних полифонических композиций для хоров и органа. Лютер также знал и ценил лучшие мотеты и пламенно отстаивал хоровое пение. Служба, которую он сослужил церковному искусству, неопределима, и церковь, которая носит его имя, всегда приветствовала и использовала в своем богослужении самые разные виды искусства.

В период пиетизма и рационализма как формальное богослужение, так и церковное искусство были крайне слабы. Литургическое возрождение девятнадцатого века, получив поддержку романтизма, вновь пробудило интерес к литургии и заново открыло великие сокровища Церкви в архитектуре, музыке, живописи и других искусствах. Церковное сознание и углубленное молитвенное чувство привели к убежденности в том, что дом Божий должен снова стать прекрасным. Искусства и ремесла вновь нашли в Церкви свое применение и оказали значительное влияние на возрождение богослужения. Возрожденный интерес к готической архитектуре, а также движение прерафаэлитов и связанных с ними художников в Англии повлияли на схожие движения на континенте. Гимнология, особенно в Англии, в эпоху Реформации получила особенно сильный толчок к развитию. Церковная музыка переживала период расцвета и вдохновения как в Римской, так и в Лютеранской и Англиканской церквях.

Этот обзор показывает, что искусство и Церковь разделить невозможно. Радикальные возражения цвинглиан и пуритан лишь подчеркнули силу этого союза, и духовные наследники борцов с церковной музыкой сегодня ревностно отстаивают использование искусства в богослужении. Общеизвестно, что, помимо практических и утилитарных соображений, можно говорить также об убеждающей и истолковательной силе искусства, которое облачает богослужебные формы уместностью, достоинством и красотой¹⁵.

¹⁵ Более подробное рассмотрение этого вопроса см. в статье автора "Church Art," *Lutheran Church Review*, Vol. 29 (Oct., 1910), pp. 765–788.

Искусство поддерживало долгие и тесные связи с богослужением в силу определенных качеств, которыми оно обладает. Искусство связано с полнотой, цельностью жизни. Религия, как опыт высочайших в жизни ценностей, включает в себя благо, истину и красоту. Эти три аспекта суть проявления Самого Бога. Они являются основополагающими идеалами Царствия, которые нельзя отделить один от другого, не нанеся вред целому. Удалив или исказив любой из этих аспектов, невозможно не исказить другие два. Сама жизнь, если она полноценна, должна быть прекрасна, равно как истинна и блага. Точно так же и богослужение без красоты, каким бы искренним оно ни было, несовершенно, поскольку страдает неполнотой.

Истина, благость и красота — житнетворные качества, которые постоянно творят новые и значимые формы, основанные на их природе. Некоторые из этих форм — интеллектуальные (богословские), некоторые — практические (социальные и благотворительные); другие же — богослужebные (литургические). В литургии именно искусство позволяет истине и благости христианской веры обрести значимое и прекрасное выражение.

Искусство обладает наивысшей выразительной силой. Наука статистична. Она собирает, утверждает и объясняет факты. Она, прежде всего, имеет дело с протяженностью и с количеством вещей. Искусство, как и сама религия, занимается по преимуществу внутренним духом, отношениями, моральными и духовными ценностями. Оно имеет характер дескриптивный, репрезентативный и интерпретативный. Оно подмечает и истолковывает качества жизни.

Философия и наука рассматривают вселенскую истину безлично. Великое искусство тоже объективно, но, различая качества в людях и предметах, оно выражает истину с чувством и различает ценности даже в конкретных истинах. Литургическое искусство черпает свое вдохновение в христианской вере, а его эмоциональная сила, подкреплённая этой верой, возвышает его духовное восприятие, а также усиливает и облагораживает его формальное выражение. Здесь присутствует вера в определенные вещи, людям и поступкам приписываются определенные качества, а выражение этой веры и этих чувств не только прекрасны, но и жизненно важны.

Таким образом, искусство выражает, воздействует, пробуждает. Профессор Ханс Пройсс показывает, насколько ясно Лютер осознал эту убеждающую, призывающую силу музыки¹⁶. Музыка и искусство вообще не только объективизируют и выводят в эмоциональную сферу наши собственные представления, но также пробуждают в других положительную реакцию соответствующего качественного характера.

Каноник Стритер в своем замечательном исследовании говорит об искусстве прежде всего как о методе, посредством которого мы наделяемся способностью чувствовать качество вне пределов нашего собственного опыта, погружаясь в опыт более тонкий, глубокий и широкий, чем наш собственный. Он объясняет, как количественная сила науки может произвести точную карту Венеции с ее каналами, мостами и зданиями; но также

¹⁶ Hans Preuss, *Martin Luther, Der Künstler*.

каким образом качественная сила искусства может дать превосходное полотно, подобное работе Тэрнера, которое воссоздает в каждом, кто повидал Венецию, и созидает в каждом, кто ее не видел, подлинный образ, саму жизнь и атмосферу этого города¹⁷.

Литургическое искусство в особенности обладает этой динамической, напоминающей силой. Никейский символ веры — это богословская формулировка, которая ясно утверждает божественность нашего Господа. *Te Deum* — это великий гимн, который выражает те же самые истины в богослужебной, живой, динамичной форме. Красота текста окрыляется силой музыки. Он возносится над высокими плато интеллектуальных определений и восходит на высочайшие вершины объективного, совместного, эмоционального опыта.

Аугсбургское исповедание и декреты Тридентского собора устанавливают теологическое осмысление и определение вечери Господней. Месса и святое причастие, будучи совершаемы и преподаваемы как в римских, так и в протестантских приходах, являют образ того, как наш Господь преломил, благословил и раздал хлеб и вино Своим ученикам, и живо наводят на мысль о значении этого таинства для всех верующих. Исторические литургии представляют собой один из лучших подходов к пониманию наиболее важных учений Церкви. Студенты-богословы могут с пользой исследовать их как изложение догмы в эмоциональной форме, полной живого благочестия.

Именно эта власть воздействовать и внушать делает литургическое искусство столь ценным служителем храма. Помня об этом факте, Вильгельм Лое говорил: «Церковь остается тем, чем она является, даже без литургии. Она остается царицей даже в нищенских лохмотьях. Лучше отдать все, сохранив лишь чистое учение, чем с блеском и пышностью проводить роскошные службы, которые лишены света и жизни по той причине, что учение утратило свою чистоту. Но одевать Церковь в нищенские лохмотья нет никакой необходимости. Гораздо лучше, если ее молитвы, ее гимны, ее порядок, святые мысли ее литургии будут оказывать на людей свое благотворное влияние...»¹⁸

Разве осознание уникальных и позитивных ценностей публичного богослужения не должно привести Церковь к тому, чтобы она сосредоточила больше усилий в этой сфере и культивировала, используя все доступные ей средства, искусство богослужения? Подавляющее большинство верующих искренни и способны к духовному восприятию. Они стремятся обрести и ценят торжественность, достоинство и красоту формальной службы Церкви. Люди могут осознавать и уважать такой тип религиозного опыта. Вера отдельных христиан, а также искренность и солидарность всей Церкви, несмотря на многочисленные угрозы нашего беспокойного времени, будут обретать все большую силу, если не за счет чего-то иного, то уже благодаря духовным и общественным ценностям литургического богослужения и, в конечном счете, святого причастия.

¹⁷ Burnett Hillman Streeter, *Reality, A New Correlation of Science and Religion*, pp. 23–48.

¹⁸ *Three Books Concerning the Church*, pp. 198–199.

Значимость литургии

Не учитывая немногочисленных и кратковременных исключений, христианское богослужение в целом было и остается литургическим. Это означает, что оно упорядочено, следует предписаниям, касающимся его плана и содержания, и принято к использованию в приходах, которые могут находиться далеко друг от друга, но при этом организационно объединены. У исторических церквей — Восточной, Римской, Лютеранской, Англиканской и у некоторых малых общин — есть свои исторические литургии. Так называемые «свободные церкви», определенно составляющие меньшинство в христианстве, разработали более или менее стереотипные формы местного и ограниченного употребления. Они варьируются от суровой простоты до сложных «программ», основанных на пространственных заимствованиях респонсориев, песнопений, молитв и т. д. Из исторических литургий и из другой богослужебной литературы вселенской Церкви. Наше исследование будет касаться в первую очередь литургии Лютеранской церкви, хотя многое из того, что будет сказано, приложимо также и к официальным службам других общин, так как у репрезентативных исторических литургий много общего.

«Литургия» — это общее обозначение официально предписанных служб церкви. Это название происходит от греческого слова *leitourgia*, которое означало общественное деяние или долг, исполняемый отдельными гражданами на благо всего государства. В узком смысле этот термин обозначает утвержденный требник совершения евхаристии. В более широком значении, а именно таково его общее употребление, слово «литургия» означает всю систему формальных, предписанных служб, включая текст, периоды и праздники церковного года, предписанный церемониал и т. д.

В обоих смыслах литургия — деяние большого масштаба и вселенской значимости. Это не «богослужебная программа» или сборник таких программ. Эти последние, будучи подготовлены отдельным пастором для использования в отдельном приходе на одной службе, развивают некую тему в соответствии с определенной «психологической моделью». Чтения и прочие литургические отрывки, гимны, литании и молитвы набираются из различных источников и украшаются вкраплениями органических и хоровых номеров. Такая «программа» обычно составляется как «вводная» к проповеди, в которой тема, избранная священником, разбирается наиболее конкретно. Такая богослужебная программа, какой бы сбалансированной, красивой и назидательной она ни была сама по себе, неизбежно имеет лишь временное и местное значение. Подготовленная частным образом и проведенная лишь в одном месте, она никак не связана ни со службами других приходов, ни с другими службами того же прихода. Любая подобная связь с прошлым или преемственность вскоре нарушаются и предаются забвению.

Литургия, особенно в смысле исторической службы святого причастия, есть нечто совершенно иное. Это не букет красивых желтых листьев,

а благородное, живое дерево. Это труд и собственность всей Церкви. Она была тщательно подготовлена и разрешена к употреблению Церковью как целым. Ее используют тысячи приходов на огромных континентальных пространствах. Ее план охватывает весь годовой цикл. Она включает в себя определенную устойчивую модель каждого богослужения в году, но вводит дополнительные моменты, уместные в определенные праздники и дни. Верования, нужды и чаяния всех людей обретают свое выражение в неизменном порядке исповедания, *Kyrie*, *Gloria* и других хвалебных песнопений, префации, гимна *Sanctus*, молитвы Господней и слов установления, формулы преподавания, благодарственного коллекта и благословения. Так называемые «проприи» развивают тему конкретного дня или периода в разнообразных чтениях, интроитах, градуалах, коллектах и молитвах, префациях проприя, в проповеди, а также в соответствующем совместном исполнении гимнов и хоровой музыке.

Каждая конкретная служба обладает гармоничным и самодостаточным порядком, но каждая служба связана с другими службами периода и годового цикла. Подобно спице в колесе, каждая служба — это отточенная и изысканная часть целого; но колесо есть нечто, пребывающее в самом себе, нечто большее, чем совокупность спиц. Непрерывно вращаясь, это великое колесо литургического года влечет Церковь вперед в публичном богослужении, из века в век, от берега к берегу, в неразрывной цепи исторической преемственности. Основываясь на древнем и глубоком фундаменте исторического христианства, литургия обладает измерением глубины. Всеобъемлющий характер и масштаб применения свидетельствуют о ее широте. Ее совершенные формы, в разработке которых в течение многих веков принимали участие возвышенные умы, придают ей вдохновение, жизнь и силу, которые повсюду возносят общие молитвы христиан к небесному престолу Божию.

Тем не менее важно, чтобы мы не рассматривали формальное совершенство как основное качество литургии. Несомненно, что многие люди относятся к ней как к «красивым выражениям». Так оно и есть, литургия — это совершенная и гармоничная форма богослужения, монументальная в своих пропорциях и прекрасная в деталях. Однако ее сущностная важность заключается скорее в ее содержании, чем в ее форме. Она представляет собой полное и прекрасно организованное изложение христианской веры и жизни как основу совместного размышления, молитвы и благодарения. Литургия — это изложение символа веры и катехизиса в молитвенной форме. В полном цикле литургического года она раскрывает Божий план спасения в жизни, учении, смерти и воскресении Иисуса Христа, Господа нашего. Она вновь и вновь напоминает «о совершенно известных нам событиях». Она говорит об истории Церкви и об очищающей и укрепляющей силе Святого Духа в жизни и поведении верующих. В отличие от подготовленных частным образом богослужебных программ, она не упускает ни одной важной составляющей Еванге-

лия. Благодаря своему конфессиональному характеру и тщательной подготовке, литургия остается живым, истинным выражением фундаментальных основ веры Церкви.

Тот факт, что содержание и тон литургии основаны на Писании, является одним из ее ярких отличительных черт. Драгоценные камни из псалмов, пророков, четвероевангелия и многих других книг Нового Завета помещены в золотую оправу литургии, в окружении белоснежных жемчужин молитвы, в исповеданиях и благодарениях, в песнопениях и коллектах. По своему тону и чувству они также основываются на Писании. Воплотившись в букве и духе прекрасных исторических служб вселенской Церкви, литургия возрастает в неугасимой славе, даруя духовную благодать и силу всем, кто слышит ее и внимает ей.

В дополнение к этому богатому и полному в молитвенном отношении изложению Слова, литургия предлагает регулярное совершение великого поминовения в отправлении и преподании святого причастия. Ее высшая цель — представлять и преподавать со всем возможным достоинством, красотой и святой радостью божественные дары благодати в Слове и таинстве, проявляя ответное благоговение и благодарность в объединенной молитве и благодарении верующих. Таким образом, литургия есть метод установления общения между Господом и Его Церковью, одобренный опытом. Или, принимая более сильное утверждение аббата Хервегена, литургия — это «средство передачи содержащей в себе жизнь благодати Христа Его Церкви».

Литургия — это произведение и собственность вселенской Церкви. Она хранит в себе веру и опыт каждого века и континента. Следы иудейского богослужения сохраняются не только в использовании ветхозаветного материала, но также в позе и расположении молящихся и в разделении между священным и таинственным, которое делает священник, когда обращается к алтарю в молитве и к народу — в благословении. Христиане-язычники установили воскресенье как день общего богослужения и сыграли ведущую роль в формировании христианского года. В Восточной церкви оформились *Gloria in excelsis*, общая молитва, префация и *Sanctus*, а также установился обычай стоять во время чтения Евангелия. Западная церковь разработала *Confiteor* (сильно измененный в период Реформации), последовательности интроитов, градуалов, коллектов и префаций проприя, с респонсорными литургическими чтениями в том виде, в каком они нам известны. Реформация упростила и очистила текст литургии, установила использование разговорного языка, активное участие прихода, восстановила проповедь в службе в ее правах, а также спровоцировала расцвет конгрегационального пения, создание огромного количества коллектов и молитв, а также высокохудожественной хоровой музыки. Англиканская церковь дала англоязычному миру благородные переводы исторических коллектов и других литургических текстов. Исследования в области литургии, вкус и практические навыки руководителей в Америке восстановили исторические службы

Лютеранской церкви в репрезентативной и полной форме Общего богослужения и «Книги Общего богослужения».

Таким образом подобно благородному собору где-нибудь в Старом свете, литургия Церкви созидалась Церковью во все века — молитва на молитву, песнопение на коллект, приглашение и назидание, заступничество и благодарение попеременно, Слово Божие и ответ человека — из всего этого строилась живая духовная структура. Если бы мы жили в одном из городов Старого света и приходили на богослужение в такой собор, мы бы знали каждый его уголок, каждую балку и колонну, длину нефа и высоту сводов, историю его резного портала и рисунки в каждом окне. Мы стремились бы узнать, кто был основателем хора, кто украшал резьбой хоры, кто построил шпиль и кем и когда каждая из этих частей были отреставрированы.

В литургии также записаны и история, и биография. Она также несет в себе следы веков и местами отметины, полученные в сражении. Слово и таинство, которые она содержит в себе, вскормили и до сих пор питают всю веру земли. Ее *Te Deum* и *Magnificat* славят Всемогущего во все времена; ее коллекты, литании и духовные песнопения в течение многих веков приводили души людей к Богу; ее исповедания и *Gloria* все мощнее бьют в набат против всякой лжи и заблуждения; ее благоговеиная атмосфера — это самое чистое из всего, что изведал человек. Если возвышенные функции литургии действительно таковы, то разве не естественно для Церкви желать, чтобы ее сыновья и дочери знали план литургии, изучали ее составляющие и воспринимали ее дух?

И еще одно важное убеждение Церкви заключается в том, что литургия вечно молода, несмотря на свою древность. Она — нечто большее, чем просто наследие. Это живой, гибкий и мощный инструмент современности.

Литургия приходит к нам, как она приходит к каждому поколению, как дар прошлого, как нечто, обладающее авторитетом и ценностью. Это сокровище, которое мы обрели и стремимся передать потомкам неискаженным и обогащенным. Мы восхищаемся ее красотой и осознаем ее ценность как репрезентативного выражения исторического христианства и нашей общей веры сегодня. Это монументальное и славное творение искусства. Понимание благодатной воли Божией и владение вселенским христианским опытом придали ей совершенные пропорции. В силу своего отношения к сфере прекрасного она породила литургическое искусство. Благородная архитектура построила для нее дом. Музыка даровала ее текстам крылья мелодии. Проповедь сделала ее обращение к человеку личным. Облачения и церемониал придали ей достоинство и изящество. Таким образом, обретя поддержку всех искусств, литургия стала даром христианских веков нашему времени. Современная Церковь, изучая и используя эти прекрасные формы, находит, что они преисполнены жизни и силы.

Литургия являет объективное, вселенское и вечное, а не временное и личное. Однако для конкретного верующего она обладает огромной цен-

ностью. Она придает его личным и неорганизованным мыслям адекватное выражение в более богатых и полных формах, чем те, которые он способен выработать сам. Она объединяет его в духовной близости и порыве с другими верующими в ужасном и в то же время благодатном духовном опыте общения со всемогущим Богом. Эта сила единства и консолидации — одна из величайших функций литургии. В более полной мере, чем любой другой инструмент, находящийся в распоряжении Церкви, литургия развивает общее церковное сознание и понимание Церкви как «общения святых». Она помогает молящемуся осознать свое место и место своих верующих собратьев в христианской Церкви. Она поднимает общину выше приходского и местного уровня к пониманию Церкви как единого целого, со всеми ее нуждами и трудами. Она приводит современную Церковь к осознанному общению с Господом, с пророками и апостолами, с исповедниками и мучениками древности. В уверенности и надежде она возносит Церковь воинствующую на земле к духовному общению с Церковью торжествующей, со святыми на небесах и с Самим Христом, нашим небесным Царем.

Литургия знакомит юношество с наиболее важными истинами Слова Божия; она налагает на них обязанность и дарует им честь коллективного богослужения. Литургия со свойственной ей силой убеждения усиливает истины, которые образование стремится насадить более непосредственным образом. Следует отметить также, что ее формы удовлетворяют молитвенные нужды и чаяния зрелых христиан любого социального положения и интеллектуального уровня. Она является гибким и мощным инструментом укрепления единства и верности в широкой программе разумного пастырства и совместного труда на благо Церкви. Ее невозможно признать влиянием, ограниченным лишь своей собственной специальной сферой. Ее постоянное и разумное употребление усиливает и делает возвышенным каждый этап христианского мышления и жизни.

Изложив эти предварительные соображения относительно мысли и опыта Церкви в данной сфере, мы готовы проследить развитие литургии и литургического богослужения с самых ранних времен до сегодняшнего дня.

ГЛАВА I

БОГОСЛУЖЕНИЕ И ЛИТУРГИЯ В РАННЕЙ ЦЕРКВИ

Значение исторических установлений часто можно осмыслить наилучшим образом, анализируя поздние добавления и раскрывая наиболее ранние принципы и формы. Наши современные службы содержат в себе элементы, возникшие в различных частях Церкви и в различные периоды ее истории. Сравнительная простота ранних форм вскоре была затемнена более сложными структурами и добавлениями. Некоторые из них развивали литургию; другие лишь увеличивали ее объем; некоторые из них искажали ее суть.

Средневековую Церковь часто считают наивысшим выражением богослужения. Ее богатые литургические, архитектурные, церемониальные и декоративные формы были впечатляющими. Но простоту, чистоту, силу и убеждение мы находим в периоды формации и реформации Церкви.

Время с первого по третий век было героической эпохой. Христианство было религией меньшинства, окруженной морем язычества, страдающей от враждебности и преследований. Быть христианином означало большую ответственность. Вера и богослужение обладали реальностью, и формы, которые пришли к нам из этих ранних времен, несут на себе отпечаток вдохновения и искренности. В век Реформации произошло возрождение духовного восприятия и силы, которые позволили Церкви, по крайней мере в некоторых группах, очистить свое учение и богослужение, реформируя древние и развивая новые формы в значительных исповеданиях и службах.

ДРЕВНЕЙШЕЕ ХРИСТИАНСКОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ

Размышляя о заре христианского богослужения, мы должны прежде всего рассмотреть в высшей степени значимый пятидесятидневный период между первой Пасхой и Пятидесятницей. В то время, как никогда позднее, небольшая группа верующих обладала великой и страшной привилегией общения с воскресшим Господом, чье реальное присутствие было явлено им в их общем собрании. Из этого уникального и мощного опыта развились четкие концепции, которые определили будущее публичного богослужения.

Единство христианского мышления и жизни рано развилось в коллективную личность, «одно тело», о котором говорит св. Павел (Еф. 4:4, 1 Кор. 10:17). Регулярные собрания и службы сохраняли живым воспоминание о смерти и воскресении Христа, а также об обетовании Его постоянного присутствия среди верующих. Это публичное богослужение с использованием некоторых форм евхаристической службы с самого начала стало наиболее выразительной чертой христианской веры и жизни в любом месте и в любое время.

Новый Завет свидетельствует о двух ранних типах богослужения. В иерусалимском, более древнем типе, верующие продолжали «единодушно» посещать храм и синагогу. Они также ежедневно проводили свои собственные собрания. На них имели место совместная трапеза, молитва, псалмы или гимны, назидание, и, в той или иной форме, евхаристия (Деян. 2:42, 46; 4:24; 5:42; 6:2–4, и т. д.). Некоторые иудейские формы продолжали использоваться, но новый дух был очевиден в истолковании Писания, в осознании присутствия Иисуса и силы Духа, в ожидании второго пришествия и в повышении оценки служения деятельной любви.

Языческий христианский тип развился двадцатью годами позже в Коринфе и в Малой Азии. Антиохия и церкви, которые насаждал Павел, были сравнительно далеки от иудаизма. Иудейский церковный год как таковой утратил свою силу. Возникла совершенно новая концепция того, что называли *ecclesia*, верующие стали ясно призывать и исповедовать «Господа Христа». Вместо ежедневных собраний день Господень стал выделяться как время собрания и богослужения (Деян. 20:7, 1 Кор. 16:2). День Господень и вечера Господня стали основными установлениями, которые исполнялись повсюду еще до того, как были написаны книги Нового Завета. Новыми названиями евхаристии, кроме «вечери Господней» (1 Кор. 11:20), были «преломление хлеба» (Деян. 2:42) и, возможно, «причастие» (1 Кор. 10:16 [Греч. *koinōnia*, в русском синодальном переводе «приобщение». — Прим. перев.]).

Первая часть службы носила общий характер, и на нее допускались нехристиане. Вторая часть предназначалась только для верующих. Элементы богослужения включали в себя чтения из Ветхого Завета и посланий апостолов, пение псалмов (в том числе «славословий и духовных песен», Кол. 3:16), молитвы (1 Тим. 2:1), научения и пророчества. Так называемые *charismata*, или дары и сила Святого Духа, которыми Он наделял отдельных верующих ради назидания Церкви, были уникальной чертой. Крещение совершалось регулярно. Принимались также пожертвования для бедных.

Агапэ, обычный ужин полурелигиозного характера, предшествовала евхаристии. Это совместное принятие пищи в христианских кругах было продолжением обычая иудейских общений, состоявших в трапезах социального и религиозного характера, связанных с собраниями иудеев.

Христианское мышление постепенно схватывало жертвенное значение смерти Господней и ее спасительной цели, и постепенно акцент сместился от воспоминания о тайной вечере к соблюдению вечери Господней как установления формального и церемониального характера и вселенской значимости. Однако в первые десятилетия христианства мужчины и женщины приносили свои собственные продукты и ели их в обществе своих верующих братьев. Богатые приносили много пищи, и, вероятно, ели много; бедные приносили мало, чем и довольствовались. Св. Павел в своем Первом Послании к Коринфянам (главы 11–14) стремится исправить злоупотребления, которые возникли в связи с агапэ и с более или менее спонтанным поклонением, которое следовало за евхаристией¹.

Службы эллинистической синагоги включали в себя, помимо Псалтири, гимны и другие песнопения, связанные с псалмами по жанру. Многие пассажи из посланий св. Павла и Книги Откровения являются, вероятно, фрагментами таких гимнов, молитв и других литургических форм, основанных на синагогальных моделях, но, несомненно, скомпонованных для христианского употребления². (Греческий текст этих стихов, как и целого ряда других, имеет ритмизованную структуру, характерную для поэзии того времени. — *Прим. перев.*) Вот несколько примеров:

«Так поступайте, зная время, что наступил уже час пробудиться нам от сна. Ибо ныне ближе к нам спасение, нежели когда мы уверовали. Ночь прошла, а день приблизился: итак отвергнем дела тьмы и облечемся в оружия света» (Рим. 13:11–12)

«Посему сказано: встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос» (Еф. 5:14).

«И беспрекословно — великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе, показал Себя Ангелам, проповедан в народах, принят верою в мире, вознесен во славе» (1 Тим. 3:16).

«Но, как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его» (1 Кор. 2:9).

«Верно слово: если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас; если мы неверны, Он пребывает верен, ибо Себя отречься не может» (2 Тим. 2:11–13).

«И поют новую песнь, говоря: достоин Ты взять книгу и снять с нее печати, ибо Ты был заклан, и Кровию Своею искупил нас Богу из всякого колена и языка, и народа и племени, и соделал нас царями и священниками Богу нашему; и мы будем царствовать на земле... Говорили громким голосом: достоин Агнец закланный принять силу и богатство, и премудрость и крепость, и честь и славу и благословение» (Отк. 5:9–10, 12).

¹ Об агапэ см. работу Hans Lietzmann, *Messe und Herrenmahl*. Гл. 12.

² Об интересном вопросе литургических цитат см. книги John Mason Neale, *Essays on Liturgiology and Church History*, гл. 15, и Warren, *Liturgy and Ritual of the Ante-Nicene Church*, pp. 30 ff. Обширное собрание латинских и греческих текстов см. в издании Cabrol and Leclercq, *Reliquiae Liturgicae Vetustissimae* (Paris, 1900) I:1–51.

ВТОРОЙ ВЕК

Вторым веком датируются многие упоминания о публичном богослужении. День Господень был временем собрания и евхаристии. Будучи связанной с последними и самыми важными днями жизни нашего Господа, она оставалась центральной и отличительной чертой богослужения.

Прошлое, настоящее и будущее сливались в единый процесс поклонения, когда молящиеся вспоминали о том дне, когда Господь преломил и благословил хлеб для Своих учеников, когда они обретали убежденность в Его постоянном присутствии и когда они размышляли о том, что Он говорил по поводу небесного пира, который будет приготовлен, когда Он возвратится. Службы включали в себя пение гимнов и длительную молитву благодарения за благословения в творении и искуплении. Эта молитва вводила слова установления. Греческий язык — язык Нового Завета и образованных классов — был также и языком литургии, даже в Риме, где он сохранял свои позиции вплоть до четвертого века. Еще в восьмом веке чтения в Риме звучали по-гречески, некоторые псалмы также пелись на этом языке.

«Первое послание к Коринфянам» св. Климента, написанное в 97 г., предполагает существование общих представлений об организованном богослужении в Риме и Коринфе. В этом послании евхаристия непосредственно не упоминается. В нем приводится возвышенная и торжественная молитва, отзвуки которой ощущаются в более поздних «Апостольских правилах» и других литургических сборниках. Вот краткий отрывок из этого текста:

«Ты открыл очи нашего сердца, дабы мы познали Тебя, Единого Вышнего среди вышних, Святого, покоящегося посреди святых... Тебя, нашу помощь в беде, Тебя, спасшего нас от отчаяния, Творца и Смотрителя всех духов; Тебя, умножившего народы земли и избравшего из них те, которые любят Тебя через Иисуса Христа, Твоего возлюбленного Раба, Которым Ты наставил, освятил и почтил нас. Мы молим Тебя, о Господь, будь нашей помощью и поддержкой. Будь Спасением для тех из нас, кто пребывает в скорбях; смилуйся над униженными, подними падающих, откройся пребывающим в нужде, исцели нечестивых и наставь тех, кто сбился с пути... избавь тех из нас, кто страдает в узах, исцели болящих, утешь малодушных... не вспомяни греха Твоих рабов и рабынь, но очисти нас Своей истиной и направь наши пути, дабы мы ходили в святости сердца... Ты — Господь, даровавший нашим князьям, которые правят на земле, царскую власть... Даруй им, Господь, здравие, мир, согласие и постоянство, дабы они беспрепятственно осуществляли ту власть, которую Ты вверил им»³.

В послании Плиния, правителя Вифинии, направленном императору Траяну в 110 г., говорится, что христиане этой провинции встречались в определенный день (воскресенье?) перед рассветом и антифонно исполняли гимн (или псалом) Христу как некоему Богу.

³ Этот текст в переводе можно найти в издании Duchesne, *Christian Worship*, 1904, pp. 51–52. Дюшен справедливо привлекает внимание к тому, как «христиане в Риме молились за императора совсем вскоре после безумных репрессий Домициана».

В *Didache*, сборнике наставлений, составленном, вероятно, в самом начале второго века⁴, и, пожалуй, самом важном документе ранней Церкви, описан иудео-христианский тип богослужения, в котором сочетались агапэ и евхаристия и в котором чаша благословлялась прежде хлеба. «Господень день Господа» указан как день собрания, когда верующие «преломляли хлеб и возносили благодарения, исповедовав свои грехи, дабы их жертва была чистой». Там же приведены формы благодарения над чашей и хлебом. Среда и пятница — постные дни.

В этом документе приводится также молитва, которая, помимо эсхатологических представлений, показывает видение Церкви, весьма серьезное для той ранней эпохи. Идеи этой молитвы постоянно повторяются в коллектах и молитвах всех эпох. Вот что в ней говорится:

«Мы благодарим Тебя, наш Отец, за жизнь и знание, которые Ты явил нам через Иисуса, Твоего Раба: да будет Тебе слава вовеки. Как этот преломленный хлеб был рассеян (в зернах) по горам и стал единым, пусть соберется и Церковь Твоя от концов земли в Твое Царствие; ибо Твоя есть слава и сила через Иисуса Христа вовеки»⁵.

Здесь же находим и замечательную молитву после причастия:

«А исполнившись, воздайте благодарение так: “Мы благодарим Тебя, о Святой Отец, за Твое святое имя, которое Ты сокрыл в наших сердцах, за знание, веру и бессмертие, которые Ты явил нам через Иисуса, Твоего Раба: да будет Тебе слава во веки... Помни, Господь, о Твоей Церкви, избавляй ее от всякого зла и сделай ее совершенной в Твоей любви; собери ее от четырех ветров освященной для Твоего Царствия, которое Ты приготовил для нее: ибо Твои суть сила и слава во веки”»⁶.

Иустин Мученик, философ, принявший христианство и позже претерпевший мученическую кончину, около 165 г. написал свою «Апологию», обратив ее к императору, где он защищал обычаи христиан. Это произведение было создано спустя приблизительно семьдесят лет после смерти св. Павла, и в нем мы находим живое описание собраний и богослужений того времени. Здесь мы также впервые находим неразрывную связь между службой святой вечери и службой Слова в христианском богослужении.

Служба Слова включала в себя чтения из Ветхого Завета и «Воспоминаний апостолов» (Евангелий), проповеди председательствующего, совместных молитв, произносившихся стоя, и поцелуя мира. На службе причастия в собственном смысле торжественная молитва благодарения и посвящения (со словами установления) произносилась «обстоятельно» и «в соответствии со способностями священника».

⁴ За последнее десятилетие многие исследователи — Эрмитадж Робинсон, Дж. Муиленбург, дом Р. Х. Коннолли (Armitage Robinson, J. Muilenburg, Dom R. H. Connolly) — предложили значительно более поздние варианты датировки *Didache*. Каноник Б. Х. Стритер, Дж. М. Крид (Canon B. H. Streeter, J. M. Creed) и другие отстаивали более раннюю и общепринятую датировку. Об этой дискуссии см. статью Э. С. Ратклиффа (E. S. Ratcliff) “Christian Worship and Liturgy” в книге Kenneth E. Kirk, *The Study of Theology*, pp. 425-26.

⁵ См. перевод Филипа Шаффа в книге *The Teaching of the Twelve Apostles*, p. 57. Греческий текст — в издании Lietzmann, *Messe und Herrenmahl*, p. 231.

⁶ Schaff, *op. cit.*, p. 58, и Lietzmann, *op. cit.*, p. 231.

Внимание, уделяемое молитве и благодарению, напоминает центральное действие иудейской синагогальной службы. Представление о христианской общине как о «едином теле» настолько сильно, что принимаются меры даже к тому, чтобы отсутствующие также получили часть хлеба и вина, благословленных на службе.

Вот несколько отрывков из «Первой апологии» Иустина (LXV–LXVII), в которых говорится о богослужении.

«В день, именуемый воскресеньем, все живущие в городе или в деревне собираются в одном месте, и тогда кто-нибудь читает вслух воспоминания апостолов или писания пророков, насколько позволяет время; затем, когда чтец умолкает, председательствующий устно назидает и наставляет присутствующих, призывая их подражать этим благим вещам. Затем мы все встаем и молимся... Но воскресенье — это день, в который мы все сходимся на общее собрание, так как это — первый день, в который Бог, произведя перемену во тьме и материи, сотворил мир; Иисус Христос, наш Спаситель, в тот же день восстал из мертвых...»

После описания службы крещения Иустин говорит:

«Окончив молитвы, мы приветствуем друг друга поцелуем. Тогда председательствующему из братьев приносят хлеб и чашу вина, смешанного с водой; и он, взяв их, возносит славословие хвалу Отцу мира, через имя Сына и Святого Духа, и приносит довольно длительное благодарение, за то, что мы были сочтены достойными принять сие из Его рук. И когда он заканчивает молитвы и благодарения, все присутствующие выражают свое согласие, произнося: “Аминь”. Это слово на еврейском языке означает: “Да будет так”. А когда председательствующий воздаст благодарение и все присутствующие выразят свое согласие, те, кого мы называем диаконами, дают всем присутствующим причаститься хлеба и вина, смешанного с водой, над которыми было произнесено благодарение, а тем, кто отсутствует, они относят их часть.

И эту пищу у нас называют евхаристией, причащаться которой не разрешается никому, кроме тех, кто верит, что вещи, которым мы учим, истинны, и кто был омыт омытием, предназначенным для отпущения грехов и для возрождения, и кто живет так, как заповедал Христос. Ибо мы принимаем ее не как общую пищу и общее питье; но как Иисус Христос, наш Спаситель, сделавшийся плотью по Слову Божию, имел как плоть, так и кровь ради нашего спасения, также и мы были научены, что пища, которая была благословлена молитвой Его слова и которой наша кровь и плоть питаются по превращению, есть плоть и кровь того Иисуса, Который сделался плотью. Ибо апостолы в написанных ими воспоминаниях, которые называются Евангелиями, передали нам то, чему были научены; что Иисус взял хлеб, и, возблагодарив, сказал: “Сие творите в Мое воспоминание, сие есть тело Мое”; и что, таким же образом взяв чашу и возблагодарив, Он сказал: “Сие есть Моя кровь”; и дал их только им. И этому проклятые бесы подражают в мистериях Митры, заповедуя совершать то же самое. Вы знаете или можете расспросить о том, что у них хлеб и чаша с водой используются, наряду с некими песнопениями, в мистических ритуалах посвящения»¹.

В течение первых двух веков христианское богослужение было по преимуществу общинным, с гимнами и респонсориями. Община была вселенским священством. Под руководством признанных лидеров она совершала свои духовные жертвы молитвы, хвалы и благодарения и приносила свои дары хлеба и вина для евхаристии и раздаяния бедным. Когда

¹ *The Ante-Nicene Fathers*, edited by Roberts and Donaldson, Vol. I, pp. 185–186.

употреблялось слово «священник», оно означало служение, а не сан. По меньшей мере до середины второго века службы характеризовались спонтанностью и рвением, в особенности из-за «пророков» и других людей, наделенных особыми «дарами» Духа.

На главной, воскресной, церковной службе, когда совершались «Господни обряды», имела место общая молитва, организованная по типу литании. Люди молились стоя, с поднятыми руками, лицом на восток. Исповедь предшествовала евхаристии. Чтения включали в себя избранные места из Пророков, Апостола и Евангелий, с попеременным пением псалмов между ними. Префация и призывание Святого Духа (*epiclesis*) имели место повсюду. Вечеря Господня мыслилась не только как благодарственное приношение народа («евхаристия»), но также как средство, через которое верующий наделялся жизнью Христовой. Епископы, которых стали регулярно избирать, заняли место прежних «пророков». После смерти Поликарпа (155 г.), почитание мучеников обрело новый стимул. К четвертому веку празднование годовщин смерти мучеников (их «дней рождения») стало важным фактором в развитии церковного календаря.

Святые Писания естественным образом стали первыми записанными частями службы. Краткие восклицания народа, такие как «Amen», «Hallelujah», «Kyrie eleison», были более или менее спонтанными. Привычка и запоминание установили общий порядок задолго до того, как были написаны первые служебники. Некоторые респонсории и простые формы литании стали использоваться очень рано. Например, псалмы и молитва Господня произносились по памяти. Длинные молитвы произносились спонтанно, без предварительной подготовки текста. Во втором веке исчезают агапэ и пророчества («говорение на языках» и т. д.), и развивается более формальный тип богослужения.

В заключение этого раздела мы хотели бы привлечь внимание читателя к оригинальному и удачному очерку христианского богослужения первых двух веков, данному каноником Перси Дирмером. Следующие строки (с. 88) особенно интересны:

«Христианское богослужение зарождалось тогда в застольном общении, освященном присутствием Самого Господа, в благочестивом и радостном пире любви, который был одновременно и домашним ужином, и, как говорил св. Павел, причастием тела и крови Христовых; молитвы были по преимуществу благодарственными, предмет богослужения составляло приношение Богу хвалы и любви, а также обретение Его Духа в новом виде божественного общения; свою вершину служба поначалу обретала в экстатических проявлениях духовности. С течением времени, когда количество верующих стало увеличиваться, богослужение утратило многое из своих домашних, частных свойств; к концу второго века агапэ была отделена от евхаристии; в третьем она еще сохранялась в качестве похоронного застолья, а потом постепенно исчезла. В течение третьего века евхаристия естественным образом развилась в величественную службу, в которой прихожане, все более многочисленные, предстояли трапезе Господней, вокруг которой служили священники, предводительствуемые епископом, который во время службы покидал свое место в конце церкви и выходил вперед, лицом к прихожанам, чтобы принести великое благодарение, которое явля-

лось освящением Даров. Поскольку все это следовало совершать (по слову св. Павла) достойно и упорядоченно, развился церемониал, действенный, широкий и величественный, свободный от мелочных деталей, все еще содержавший в себе большое количество импровизации, и свободно варьировавшийся в разных частях Церкви. Развитие было необходимо и законно, и принципы христианского богослужения не были утрачены. Нам, христианам двадцатого столетия, положение, достигнутое в тот период, кажется практически идеальным»⁸.

ТРЕТИЙ ВЕК

Одним из наиболее важных источников для этого периода является «Апостольское предание» Ипполита. Этот римский епископ первой четверти третьего века много писал на экзегетические, доктринальные и практические темы. Его «Предание», широко принятое в Церкви, особенно в Сирии и Египте, состоит в основном из законов, касающихся церковной организации, и из указаний по проведению богослужения. Поскольку задачей Ипполита было увековечение уже принятых обычаев, отвержение всех нововведений, в его книге, судя по всему, представлено состояние Церкви, значительно более раннее, чем то, которое существовало при его жизни. Этот труд отмечает окончание периода свободы и спонтанности, а также начало признания формальной схемы обряда, по крайней мере для центральной части евхаристии.

Евхаристическая молитва (*anaphora*) Ипполита дает нам наиболее раннюю форму того, что позднее развилось в канон мессы. Она включает в себя не только молитву освящения, но также и краткое изложение христианской веры. После предписания использовать приветствия и *Sursum corda* («Вознесите сердца ваши») — последнее в пространной редакции, как на греческом, так и на латинском языке — следует такая молитва:

«БЛАГОДАРИЕ: Мы благодарим Тебя, Боже, через Твоего возлюбленного Раба Иисуса Христа, Которого в конце времен Ты послал к нам Спасителем, Икупителем и Вестником Твоего совета. Который есть Твое Слово, неотделимое от Тебя; через Которого Ты сотворил все, и в Котором Твое благоволение. Которого Ты послал с небес в чрево Девы, и Который, пребывая в ней, сделался плотью, и явился как Твой Сын, родившись от Святого Духа и Девы. Который, исполняя Твою волю, и приобретая для Себя святой народ, простер Свои руки, когда шел на страдание, дабы Его смертью освободить тех, кто веровал в Тебя. Который, когда был предан на добровольную смерть, дабы уничтожить смерть, разрушить узы диавола, попать ногами ад, дать свет праведным, установить пограничный столб и явить Свое воскресение.

ПОВЕСТВОВАНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ: Взяв хлеб и возблагодарив Тебя, сказал: “Приимите, ядите, сие есть тело Мое, за вас ломимое”, также и чашу, говоря: “Сие есть кровь моя, за вас изливаемая. Когда только будете творить сие, творите в Мое воспоминание”.

АНАМНЕСИС: Итак, помня о Его смерти и воскресении, мы приносим Тебе хлеб и чашу, вознося Тебе благодарение, ибо Ты счел нас достойными стоять пред тобой и служить Тебе.

ЭПИКЛЕСИС: И мы молим Тебя, чтобы Ты послал Духа Твоего Святого на приношение Твоей святой Церкви; чтобы Ты, собрав ее воедино, даровал всем Твоим

⁸ Percy Dearmer, *The Church at Prayer and the World Outside*, pp. 60–99, 103–120.

святым, которые участвуют в исполнении Святым Духом, утверждать веру в истине, восхвалять и славить Тебя. Через Раба Твоего Иисуса Христа, через Которого да будет Тебе слава и честь, со Святым Духом в святой Церкви ныне и присно и во веки веков. Аминь»⁹.

Довольно-таки фрагментарные замечания в трудах Тертуллиана и Киприана (а позднее Оптата и Августина) позволяют нам составить представление о развитии литургии в североафриканской церкви. Тертуллиан описывает агапэ, или вечернюю общую трапезу, и упоминает о том, что евхаристия совершается рано утром. Он говорит о чтениях из Закона, Пророков, Евангелий и Апостола; а также о молитве общины за императора и за всех начальствующих, за мир и благоденствие во всем мире. Молитвы по воскресеньям и в любой день в период с Пасхи до Пятидесятницы произносились стоя.

Киприан, епископ Карфагенский, претерпевший мученичество в 258 г., был первым сторонником «высокой церкви». Он видит Церковь установленной на единстве епископов и заявляет, что вне Церкви нет спасения. Он также свидетельствует о том, что евхаристия совершалась утром. Он упоминает о *Sursum corda*, которое после этого времени вводит молитву освящения хлеба и вина на каждой литургии. Он упоминает также о *Kyrie eleison*, восклицании «Благодарение Богу», и о молитве Господней, которая следовала за освящением. В его писаниях говорится также о «смешанной чаше», то есть о добавлении воды в вино. Во время чтения Евангелия народ стоял. Дары принимал прежде священнодействующий, за ним прочий клир, затем миряне — сначала мужчины, а потом женщины. Приблизительно в это время развился дополнительный церемониал, связанный с принесением Евангелия с алтаря на то место, где происходило чтение, а также с принесением Даров на алтарь.

Так называемая «молитва верных» была важным элементом в службе того периода. Ее прошения включали в себя не только нужды Церкви, но также молитвы об оглашенных, кающихся, болящих, странствующих, пребывающих в узах и т. д., равно как и об императоре и о должностных лицах государства. В период Средневековья она выпала из собственно литургии, но Реформация восстановила ее в форме общей молитвы после проповеди. Ко времени Киприана также день Господень был освобожден от ограничений иудейской субботы и утвержден как радостное празднество. Мысль о единстве Церкви и ожидание скорого возвращения Господа пронизывали богословские представления об искупительной жертве, которые позднее приобрели большую значимость.

Христианское богослужение этих первых трех веков характеризовалось сравнительной простотой и свободой выражения; в нем мы можем проследить общую схему и многие детали, которые позднее пышно расцвели в литургических системах Восточной и Западной Церквей.

⁹ Перевод из издания Burton Scott Easton, *The Apostolic Tradition of Hippolytus*, pp. 35–36. О «Предании» см. также G. Dix, *The Treatise on the Apostolic Tradition of St. Hippolytus of Rome*, 1937.

РАЗВИТИЕ БОГОСЛУЖЕНИЯ В ПОСЛЕНИКЕЙСКИЙ ПЕРИОД

Декрет Константина 313 г. принес мир в Церковь и положил начало развитию новых аспектов литургии. Церковь быстро росла. На восток она продвигалась быстрее, чем на запад, и наиболее благоприятную почву она обретала в больших городах. К 325 г. стало возможным созвать великий собор Церкви, и в империи на тот момент было, судя по всему, несколько миллионов христиан.

Трудно охватить все аспекты, обогатившие богослужение в ту эпоху, все те черты, которые были впервые введены в употребление именно тогда. Пожалуй, ни один период церковной истории не засвидетельствовал таких великих изменений за такой короткий период. Никейский собор сопровождался пышными литургиями. Испанская аббатиса Этерия описала празднества, проводившиеся в Иерусалиме в середине этого века¹⁰. В Риме и в других местах воздвигались базилики, которым император посылал щедрые дары. Процессии, шествия и паломничества впечатляли своим размахом. В течение одного-двух поколений Церковь облекла публичное богослужение, и особенно преподавание таинств, достоинством и красотой, которые не только давали духовное удовлетворение верующим, но также производили огромное впечатление на языческий мир. Шатобриан описывает зарождение многих из этих черт сильной и даже немного помпезной фразой: «Благовония, цветы, злотые и серебряные сосуды, светильники, венцы, огни, полотно, шелк, музыка, процессии, праздники перешли от алтаря побежденных к алтарю победителя. Язычество пыталось заимствовать идеи из догм и этики христианства; христианство же отобрало у язычества его украшения»¹¹.

Однако эти черты позволяют составить представление лишь о внешней стороне вопроса. Если мы тщательно рассмотрим все факторы, то картина получится примерно следующая.

Прежде всего, разрушение Иерусалима в 70 г. и рассеяние еврейского народа поколебали установления Моисеева закона и приготовили путь более свободному развитию христианских форм жизни и поклонения. Тем не менее иудейское и особенно синагогальное воздействие чувствуется в оформлении первой части христианской службы — в Службе Слова — с ее непрерывным чтением и экспозицией ветхозаветных Писаний, использованием еврейских слов и выражений и молитвенным употреблением псалмов и гимнов. Псалмы читались (вероятно, нараспев) во время вигилий, похорон, собраний аскетов и так далее, равно как и на самой литургии, между чтениями из Ветхого и Нового Заветов.

Следует отметить, что христиане были очень разборчивы как в использовании, так и в отвержении тех или иных иудейских черт. Они сохранили ветхозаветное учение о едином истинном Боге и вообще все, что не противоречило христианской вере. Помимо еврейских формул, таких как

¹⁰ M. L. McClure and C. L. Feltoe, *The Pilgrimage of Etheria*.

¹¹ Цитируется по: F. Cabrol, *The Prayer of the Early Christians*.

«Аминь», «Аллилуйя», «Осанна», «Мир тебе», доксологий и так далее, они восприняли соблюдение недели и великих праздников, Пасхи и Пятидесятницы, хотя и наполнили их другим содержанием. Были сохранены и менее значимые детали, такие как омовение, использование масла и благовоний, наложение рук и молитва стоя. С другой стороны, черты иудаизма, несовместимые с христианской верой, решительно отвергались — например, соблюдение субботы, новолуния, национальных праздников, обрезание, кровавые жертвоприношения, храмовый церемониал и т. д. По сути, первые христиане, бывшие прежде иудеями, применяли те же самые консервативные принципы отбора, которые деятели лютеранской Реформации позднее применяли в отношении средневекового богослужения.

Второе по важности из тех влияний, которое испытало на себе христианское богослужение, было влияние эллинистической цивилизации, в среде которой христианство росло и усиливалось. Язычество вовсе не было здесь столь важной формообразующей силой, как о том говорят Хэтч, Буссе и Райнах. Некоторые общие представления, такие как жертва, искупление, спасение, очищение и так далее, были общими для всех религий и некоторые формы и детали обряда могли сыграть свою роль в общем развитии, особенно это касается мистерий. Но ранняя Церковь резко отграничивала себя от язычества и от всего, что было с ним связано. Она отвергала все, имеющее отношение к поклонению идолам. Ее оглашенные должны были отречься от сатаны и от лжерелигий. Она совершала обряды очищения и освящения над всем, что было каким-либо образом связано с языческими ритуалами. Она постоянно молилась об обращении язычников. Однако после четвертого века, когда стало ясно, что язычество утратило свою власть над душами людей, имели место некоторые заимствования и адаптации, такие как разделение гражданского года, названия месяцев и дней недели, назначение христианских праздников на дни языческих торжеств, а также восприятие некоторых местных обычаев в брачной и похоронной церемониях.

Греческая культура в широком смысле также оказала сильное влияние на жизнь и богослужение ранней Церкви. Вступив на путь мирового миссионерства и распространившись в Антиохии, Коринфе, Афинах, Эфесе и Александрии, Церковь принесла с собою и греческий Новый Завет. Богослужения проводились на греческом языке. Многие из влиятельных лидеров Церкви писали по-гречески. Греческие выражения стали частью литургической терминологии, например такие слова, как «евхаристия», «литания», «экзорцизм», «диакон», «доксология» и т. д. Греческая риторика оказывала влияние на проповедь. Усиливавшуюся тенденцию к символическим интерпретациям также следует отнести к этому источнику.

Третьей и воистину творческой движущей силой развития раннехристианского богослужения было взаимодействие христианской веры и жизни. Какие бы черты ни были взяты из иудаизма, они исполнялись новой верой во Христа как в Сына Божия, Спасителя мира, Господа людей. Он

занял первое и центральное место во всяком христианском богослужении. Прежняя иудейская сосредоточенность на книгах Закона уступила место более частому обращению к пророкам. Новозаветные послания и Евангелия — эти последние Ориген называл «венцом всего Писания» — вскоре стали играть в богослужении самую важную роль.

Христианское богослужение в самом начале своего существования установило также новые и уникальные черты, восходящие к событиям, которые имели место в той самой горнице, накануне Пасхи. «Преломление хлеба» воспроизводило то, что совершилось на Тайной вечере. Абсолютная вера в постоянное присутствие Господа на собраниях верующих, по Его обетованию, и в особенности соблюдение Воспоминания, которое Он установил, придавали возвышенный и неповторимый характер святому причастию и подвигали каждого верующего восклицать вместе с Фомой: «Господь мой и Бог мой!» И ничего подобного нельзя было найти ни в иудаизме, ни в любой другой религии того времени. В современном христианском опыте по-прежнему присутствует нечто уникальное и несказанно драгоценное.

Выбор воскресенья вместо субботы как дня богослужения, соблюдение крещения как обряда посвящения и возрождения, в соответствии с повелением Христа и во имя Его; признание отдельного служения, установленного на исполнение духовных функций молитвой и рукоположением; составление новых песнопений и гимнов во славу Христа и так далее, — все это было воплощением христианских идей. Жизнь и учение нашего Господа руководили мышлением и служением Церкви. Его пример и Его заповеди были фундаментально необходимы для постоянного использования таинств. Постепенное формирование канона Писания стабилизирующе воздействовало на ситуацию в целом. Соблюдение различных праздников, помимо дня Господня и Пасхи, свидетельствовало о силе любви и памяти и закладывало основание для христианского года более поздних времен.

С ростом Церкви публичное богослужение во все большей степени получало признание как совместное и значимое выражение преданности Христу и как средство проявления и преподания даров Его благодати. Оставляя в стороне необычную деятельность таких исключительных людей, как Павел и других миссионеров, можно сказать, что целью нормальной христианской общины было прежде всего назидание и благо сообщества верующих; во вторую же очередь — использование службы прихода как средства донести Евангелие и христианский образ жизни до тех, кто все еще оставался вне Церкви.

ЛИТУРГИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО

Яркой чертой богослужения ранней Церкви было ее поразительное единство. Несмотря на текучесть форм в различных местностях, существовало твердое единство содержания. Повсюду проводились службы

одного типа. Евхаристия была отличительной службой, которая объединяла христиан друг с другом и с их Господом. Августин (ум. 430), величайший духовный лидер Церкви со времен св. Павла, сформулировал всеобщее убеждение, когда говорил: «Без крещения и причастия вечери Господней никому невозможно достичь ни Царствия Божия, ни спасения, ни вечной жизни»¹². В святом причастии Августин одним из первых видел также приношение общины самой себя Богу как чего-то целого, в единстве с жертвой Христа.

Верующие повсюду собирались на свою главную службу в день Господень. Среды и пятницы считались днями покаяния. Некоторые формулы, обычаи и молитвы обрели всеобщее употребление. Повсюду евхаристическая молитва, содержащая в себе продолжительное благодарение, вводила повествование установления. На Востоке эта молитва была известна как Анафора («приношение»), а на Западе — как Canon («правило»). В ней всегда присутствовал *epiclesis*, или «призвание Святого Духа». Он исчез из западной литургии, когда латинский язык пришел в ней на смену греческому. После посвящения хлеб и вино преподавались верующим. Причастники принимали Дары стоя; и каждый из них отвечал: «Аминь» на простые слова священника: «Сие есть тело Христово», и: «Сие есть кровь Христово». Епископ или пресвитер преподавали хлеб, а диакон — чашу.

Повсюду стать членом Церкви можно было только через крещение и лишь после длительного периода наставления и надзора будущих крестных родителей. В крещении всегда использовалась вода и призывалась Троица. Довольно рано начало добавляться также возложение рук и помазание миром, сопровождаемое молитвой епископа и прихода. Крещение со всеми сопутствующими обрядами обычно следовало за первой частью евхаристической службы. После крещения начиналась вторая часть евхаристической службы, и новокрещенные принимали причастие. В некоторых местных обрядах от них требовалось также вкушение молока и меда, после принятия посвященного хлеба и перед принятием вина. Таким образом символизировалось их вхождение в Обетованную землю. Детали крещения и вечери Господней тщательно скрывались от слуха и взоров язычников. Эта «тайная дисциплина» (*disciplina arcani*) была введена повсюду в четвертом веке. Оглашенных не учили исповеданию веры и молитве Господней до тех пор, пока они не крестились. Нехристиане строго выпроваживались со второй части службы, на которой отправлялась вечеря Господня.

При всей своей оригинальности и спонтанности публичное богослужение ранней Церкви характеризовалось достоинством, простотой и сдержанностью. Ни преследования, ни нехватка институциональности не придавали ей мрачного оттенка. Ее формы были пронизаны духом мира, утешения, радости и благодарения. Суровое и сдержанное, оно обладало также богатством и теплотой, которых впоследствии так не хватало пуританам. Общий

¹² Достаточно полное рассмотрение этих и связанных с ними факторов см. в книге Cabrol, *The Prayer of the Early Christians*.

дух определял, что следовало, а чего не следовало делать. Авторитет руководителей, а также их согласие в основных принципах несомненно объясняют литургическое единство и вообще единство Церкви в более широком смысле, Церкви, которая исповедовала «одного Господа, одну веру, одно крещение» (Еф. 4:5). Уместно вспомнить здесь о сходном единстве принципов церковных орденов в век Реформации. В тот период также, вне зависимости от местных различий в частности, существовало общее согласие по поводу сути и содержания. И в этом также проявлялось общее принятие неких основных принципов руководителями Церкви той эпохи.

Литургическое единство Церкви впервые было нарушено, когда в четвертом веке латинский язык заменил греческий. Еще большее расхождение возникло с принятием в западном обряде принципа литургических переменных. Латинская служба стала чем-то большим, чем просто перевод с греческого. Со своей последовательностью чтений, коллектов, интроитов и т. д., с опущением древнего епиклесиса она превратилась в самостоятельную службу Западной Церкви. Между Востоком и Западом произошел четкий литургический раскол. Разница в литургии становилась все более и более явной, пока развитие событий не подошло к 1054 году, году окончательного разделения.

БОГОСЛУЖЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ ЦЕРКВИ

Задачи этой книги ограничивают наше исследование лютеранской линией литургической истории, которая определенно относится к западной части Церкви. Мы можем дать лишь краткий очерк основных черт своеобразного литургического развития на Востоке.

Самое раннее подробное изложение восточной службы мы находим в восьмой книге «Апостольских правил», которая датируется приблизительно 380 годом и представляет собой описание обычаев города Антиохии и, возможно, сирийской церкви в целом.

Антиохия и Александрия были важными культурными центрами. К третьему веку там уже четко оформились обычаи, связанные с литургией. В четвертом веке влияние этих центров метрополий расширилось. Благодаря миссионерской работе, на прилегающих территориях возникали новые приходы. Дочерние церкви взирали из своих провинций на центр, ища водительства, среди прочего, и в вопросах литургии. Таким образом, церковная и литургическая экспансии шли рука об руку, и во всей провинции обычаям центра подражали со всей возможной точностью.

Около 395 г. Константинополь стал престольным градом новой Восточной империи. Здесь византийская культура, с периодическими всплесками величия и длительными периодами затишья, процветала более тысячи лет. Из византийских мегаполисов Антиохия и Александрия в более ранний период, а позднее и Константинополь стали теми центрами, обычаями которых и породили различные семьи восточных литургий.

В наши дни большинство восточных церквей принадлежит к Греческой православной церкви или к национальным церквям, если только они не находятся в непосредственной юрисдикции Константинополя и не аффилированы Римом. Меньшинство восточных церквей — так называемые униаты — исповедуют подчинение Риму, и им позволено сохранять свои собственные литургии, свои национальные языки, преподавать причастие под обоими видами и т. д. Нынешний папа, в стремлении консолидировать католические силы по всему миру, поощряет изучение католическим клиром и прихожанами как униатских литургий, так и византийского обряда.

Восточные литургии делятся на два основных типа — сирийский и египетский. Египетский тип, происходящий из Александрии, включает в себя коптскую и абиссинскую литургии. Сирийский тип, развившийся в Антиохии, включает в себя три группы семей: западно-сирийскую (Антиохия и Иерусалим), восточно-сирийскую (Персия и Месопотамия) и каппадокийско-византийскую (армянскую и византийскую). От этих семей отделились некоторые «производные» типы, отличающиеся, как правило, второстепенными деталями.

Наиболее чистая форма антиохийского обряда сохранилась в греческой литургии, как она описана в «Апостольских правилах». Иерусалимскую форму западносирийского обряда находим в литургии св. Иакова. Она проводится на греческом языке раз в год в Иерусалиме, на Кипре и Занте. Ее используют также на сирийском языке сирийские яковиты и униаты. Восточно-сирийский обряд используется несторианами в Персии и Месопотамии. Христиане малабарского побережья Индии прежде использовали этот обряд, но португальские миссионеры в начале семнадцатого века адаптировали его к римской литургии. Армянский обряд используется на национальном языке армянами разных групп.

Византийский обряд постепенно распространил свое влияние из Константинополя (Византия) на все провинции Восточной империи и впоследствии вытеснил все более поздние обряды на Балканах, в России и на других территориях, контролируемых Восточной Православной церковью. Таким образом он стал вторым из широко распространенных христианских обрядов, которому (номинально) следуют около ста пятидесяти миллионов человек. В отличие от римского, его великого соперника, византийский обряд совершается на многих национальных языках, в частности на греческом, старославянском (используемом русскими, сербами, болгарам и словаками), грузинском, румынском и арабском. Миссионерская деятельность Русской церкви за последние сто лет обусловила перевод византийского обряда частично или полностью на эстонский, немецкий и литовский в Прибалтике, на китайский, японский, английский, и даже на эскимосский и индейский языки на Аляске и в прилегающих регионах. Нередко различные языки используются в одном и том же городе. В Палестине, где верховные иерархи церкви по национальности греки, литургия совершается на греческом и арабском языках. В Церкви Рождества в Вифлееме есть и греческий, и арабский хоры. Говорят, что в Иерусалиме, куда на большие праздники паломники съезжаются из всех стран мира, можно услышать, как некоторые песнопения исполняются сразу на нескольких языках на одной и той же службе¹³.

Восточные литургические книги составляют самую настоящую библиотеку. Для византийского обряда двенадцать из них признаны авторитетными. Наиболее важны следующие: *Типикон* включает в себя правила для всех богослужений (мессе и официю), совершаемых в течение года; *Литургикон* — ординарии месс литургии св. Иоанна Златоуста, св. Василия Великого и литургии преждеосвященных Даров (особый чин святителя Григория Двоеслова. — *Прим. перев.*), а также краткий чин (крещение, брак, исповедь и т. д.); *Евхологий* — sacramентов и sacramенталиев (благословений на

¹³ Очерк византийского обряда, с выдержками, см. в приложении на с. 553–556.

разные случаи); *Апостол* — книга для иподиаконов, в которой содержатся литургические отрывки из Четвероевангелия; *Псалтирь*, *Орологий*, *Октоих* и *Минея* содержат различные материалы по всему суточному богослужебному циклу.

Музыка византийского обряда в большей части стран является более или менее чистой разновидностью традиционного греческого литургического пения. В нем применяются четверти тона и другие интервалы, которых нет в западной музыке. Здесь встречаются быстрые перемены тональности, — даже в пределах одной мелодии. Как по этой причине, так и по ряду других эта музыка неблагозвучна для нашего слуха. Однако в России и в других славянских странах в девятнадцатом веке Римский-Корсаков, а вслед за ним Гречанинов, Рахманинов, Чесноков, Каталский и другие предприняли значительные усилия по гармонизации древнерусских песнопений. Эти талантливые композиторы создали интересный тип церковной полифонии для хоров мужчин и мальчиков, обогатив величественные службы Православной церкви. Они вписали выдающуюся главу в постоянно увеличивающуюся в объеме книгу музыки вселенской Церкви.

Не углубляясь в детальное рассмотрение богослужения Восточной церкви, мы можем сказать, что по сравнению с западными службами все восточные литургии характеризуются очень большой степенью объективности. Они проникнуты духом святоотеческого периода, в который они были составлены. В них ощущается духовный мир христианина, который размышляет и прославляет Бога. В противоположность сравнительно кратким и простым утверждениям западных служб, восточные литургии крайне подробно развивают доктринальные идеи, повторяя их снова и снова. В них выражается радость о славе творения, которое прославляется возвышенным и поэтичным языком. Восточная Церковь выработала особый тип христианского года, с особым почитанием ветхозаветных святых, патриархов и пророков. В мессе здесь проводится четкое различие между службой Слова и литургией верных. Особо выделяется диаконическое служение. В Восточной церкви никогда не было изменяемой части службы, подобной «проприю» западных литургий. Особенно горячо отстаивается представление о евхаристическом посвящении посредством призвания Святого Духа, а не посредством повторения формулы установления, как в римской литургии. Причастие преподается под обоими видами. Продолжительные молитвы характеризуются богатством воображения и поэтическим вдохновением. Большая часть огромного количества гимнов в литературном отношении — довольно среднего качества, но есть и настоящие жемчужины поэзии. Эти черты, как и некоторые другие, в частности роскошные интерьеры, театральность действия, облачения, огни и церемониальность, приковывают к себе внимание народа внешней роскошью, что и отличало восточные литургии от западных — с древнейших времен и до наших дней.

Богатые по содержанию и впечатляющие, восточные литургии в вопросах учения обнаруживают значительное согласие с многими верованиями и обычаями, которые мы осуждаем в Римской церкви — пресуществление, чрезмерное поклонение Марии, обращения к святым, заступничество за умерших и т. д. Их практическое значение для западного образа мысли ограничено из-за их чрезмерной длины, текстуальных и мелодических повторов, чрезмерной пышности стиля, неумеренного использования

символизма и преувеличенного значения, придаваемого внешним драматическим эффектам.

С другой стороны, их сосредоточенность на откровении трансцендентного Бога через воплощение вечного Слова, а также на значимости воскресения Господня как печати власти и надежды, запечатлевшей всю Его жизнь и обетование, — это живое напоминание о преобладающем типе мышления ранней Церкви. Диалогический характер восточного богослужения, его проникнутость радостным благоговением, его мистицизм, пронизанный духом Иоанна Богослова, его признание власти сверхъестественного в повседневной жизни, обширность его заступничества за людей в любом положении, его преподавание причастия под обоими видами и широкое употребление гимнов — все эти черты свидетельствуют о коллективном характере раннего христианского богослужения, восстановленного в евангельских богослужениях Реформации и в упрощенной форме присутствующего также и в современном лютеранстве.

К сожалению, «средний» верующий в любой общине — греческой, римской, лютеранской или англиканской — не способен осмыслить тот исторический и богословский материал, который содержится в литургии его церкви. Даже самый одаренный и образованный человек не может осознать его в полной мере. Как во время публичного чтения Священного Писания, когда одни люди, благодаря своей начитанности и пронизательности, способны извлечь для себя большую пользу, тогда как другие, менее одаренные, — меньшую (хотя она может быть также достаточно значимой), так и многие молящиеся в любой общине скорее «присутствуют» при литургической службе, чем в полной мере участвуют в ней. Чем проще и яснее структура литургии и выше интеллектуальный и духовный потенциал верующих, тем полнее будет их молитвенное удовлетворение и обретенное ими благо. Мы можем утверждать, что, в широком смысле, эти условия в наибольшей степени соблюдены в протестантских церквях. Чем сложнее и мистичнее литургия и чем менее развиты верующие, тем меньше вероятность того, что они будут активно в ней участвовать и получать благословения, внутренне присущие службам их церкви. В Римской церкви, и даже в гораздо большей степени, чем в Восточных церквях, литургия утратила свой общинный характер, и от лица прихода проводится священником, диаконом или другим служителем, а также хором. Все эти специально подготовленные люди проводят отведенные им части богослужения, тогда как верующие лишь сопровождают этот «священный диалог» молчаливой молитвой. Странники современного литургического движения в Римской церкви стремятся разъяснить богословские и духовные аспекты своей литургии всем, кто в ней участвует, — от клириков до самых скромных мирян, — чтобы те получали от нее большее духовное удовлетворение. Литургические исследования, проводившиеся в рамках Англиканского исповедания и в Лютеранской церкви в течение последних трех четвертей века в США, преследовали те же самые цели, каковые они последовательно и воплощали в жизнь, на благо как отдельных верующих, так и Церкви в целом.

ПЕРВЕНСТВО РИМА НА ЗАПАДЕ

На Западе варварские орды наводняли империю волна за волной, изгнав последнего из императоров в 476 году. Ислам, после отъезда Пророка из Мекки в Медину в 622 году, стал в Аравии влиятельной силой и вскоре распространился по всему южному побережью Средиземного моря. По-

среди этих социальных и политических катаклизмов, сопутствовавших разрушению классической культуры, Церковь не просто выжила, она обрела власть, причем благодаря лишь силе убеждения. Римские епископы смогли сохранить первенство за своим престолом. Обладая властью и способностями настоящих императоров, они управляли делами на все более расширявшейся территории, осуществляя широкую программу по защите учения, развитию литургического искусства, развитию миссионерской работы и расширению епископской власти. Из-за этого они непрерывно конфликтовали с правителями и с целыми государствами.

В четвертом, пятом и шестом веках в Римской церкви проявились такие дары, которые глубоко повлияли на западную литургию. Первым, кто применил принцип изменяемости молитв в каноне в зависимости от праздников и периодов календаря, традиционно считают папу Дамаса. Префации и коллекты того периода отличаются литературным изяществом, догматической значимостью и лаконичностью выражения. Римское и галльское представление о том, что формулы мессы и служб могут варьироваться в зависимости от праздника, на Западе не применялось к крещению и другим обрядам, а на Востоке вообще никогда не было принято ни в какой форме.

В четвертом и пятом веках проповедь занимала в богослужении важное место. Афанасий Великий, Ефрем Сирийский, Василий Великий, Кирилл Иерусалимский, Григорий Назианзин на Востоке, Амвросий, Августин, Иероним и папа Лев на Западе были великими проповедниками. К пятому веку соблюдение годовых праздников, дней памяти апостолов, мучеников и т. д. придали церковному году окончательный вид. Эпиклесис выпал из римского обряда, а слова установления (*verba*), возможно, из-за острого конфликта с ересью, были признаны формулой освящения хлеба и вина. К шестому веку повсюду соблюдались некоторые праздники, связанные с Марией, а призвание святых как покровителей и заступников постепенно привело к возникновению утонченной формы политеизма.

В течение первых пяти веков произошло развитие основных форм литургии и церковного года. В последующие десять веков чрезмерное внимание придавалось деталям; были развиты те нездоровые черты, зарождение которых относится к удивительно раннему периоду. Богослужение стало в меньшей степени общинным. Евхаристическая молитва приобрела большое значение. Натуралистическая концепция претворения Даров в тело и кровь Христовы пришла на смену прежним, более духовным представлениям.

К седьмому веку римский канон был совершенно иным, нежели соответствующая часть литургии в восточном обряде и более позднем галльском обряде на Западе. В вопросах литургии и церковной музыки большую роль сыграло влияние Григория Великого (папа 590–604). Помимо кодификации и унификации литургии он произвел в ней по меньшей мере три значительных изменения: использование *Kyrie* без литании;

добавление второй части к молитве канона, которая вызвала столько споров, и введение молитвы Господней перед причастием. Рим выкристаллизовывал и навязывал всему западному миру свои представления о священстве и жертве, а также свою программу централизованной власти. Функции диаконов были ограничены через опущение всех литаний, а власть священников соответственно усиливалась. Поцелуй мира, вместо начала мессы верных, как в других литургиях, был смещен в службе на более позднее время и поставлен в тесную связь с освящением и с жертвой. Молитвы заступничества были разбросаны во фрагментах по всему канону, а древняя молитва верных исчезла со своего первоначального места после проповеди. Римские ученые допускают, что современный римский канон имеет мало общего с его первоначальной формой и что это «переработка и, кроме того, почти наверняка фрагмент»¹⁴.

Иные пути развития на Западе

В четвертом веке, во времена правления Константина и его сына, в Галлии было основано много церквей. Между этой провинцией и Малой Азией существовали тесные торговые связи. В некоторых городах Галлии жители говорили по-сирийски. Христиане Южной Галлии поддерживали активные контакты с христианами Азии и Фригии. В четвертом веке богослужение в этих западных церквях испытывало сильное влияние Востока, хотя и не совсем ясно, в какой степени. Дюшен опроверг утверждение англиканских ученых старого поколения о том, что центром проникновения на Запад литургических влияний из Эфеса и Малой Азии был Лион. Он считает, что таким центром был Милан. Мы знаем, что в четвертом веке Милан играл очень важную роль. Под его влиянием находились почти все североитальянские города, он поддерживал регулярные связи с Константинополем и Малой Азией. Там находилась кафедра целой плеяды исключительно талантливых епископов, чье влияние ощущалось вплоть до Антиохии, Африки и Испании. В этом городе проходили соборы восточных епископов, а галльские и испанские епископы часто навещали туда с визитами.

До того как Августин прибыл в Англию в 597 г., древняя церковь Британии существовала в форме кельтских приходов в Уэльсе, Шотландии и Ирландии. Ее благотворная независимость от Рима существовала в течение еще нескольких веков. Кельтская литургия была галликанской по своему происхождению и форме, с некоторыми специфическими особенностями. Англосаксонская церковь в Южной и Восточной Англии на-

¹⁴ Adrian Fortescue, *The Mass*, p. 170. Наиболее значимые и конструктивные предположения в связи с этой проблемой были высказаны учеными-протестантами, среди прочих бароном Бунзеном (Baron Bunsen), послом Пруссии в Лондоне 1841–1854 гг., и особенно профессором Паулем Дреусом (Paul Drews) из университета в Халле. Фортескую излагает теории разных исследователей (с. 110–171). Ф. Д. Брайтман (F. D. Brightman) в приложениях к своей книге *Liturgies Eastern and Western* приводит гипотетические реконструкции.

ходила под гораздо более сильным римским влиянием, но тоже сохраняла определенные черты самостоятельности. Служебник Леофрика — один из значительных образцов ранней литургии. После тринадцатого века епархиальный обряд Солсбери (Сарума) пришел на смену другим ритуалам — Херефорда, Бангора, Йорка, Линкольна, Эксетера и т. д.

После пятого века монастыри приобретают значительное влияние. В каждой местности безбрачные общины становятся центрами веры и действия. Пожалуй, самым выдающимся достижением монастырской системы было совершенствование и распространение христианской культуры, а также ежедневное поддержание детально разработанных часов суточного богослужебного цикла.

Хотя центром христианского богослужения с самого начала было коллективное отправление евхаристии, ежедневное соблюдение часов со временем также приобрело большое значение для членов монастырских общин, а затем и для всего клира. Самые ранние прообразы суточного богослужебного цикла мы находим в уединенной молитве и в собраниях, или вигилиях, проводившихся в качестве подготовки к воскресным евхаристическим службам и в праздники святых. Эти всеобщие бдения вскоре развились в службы, проводившиеся в час возжигания светильников, и затем, после отдыха, на рассвете, с криком петуха. Среды и пятницы считались «днями покоя» и сопровождалась постом и молитвой, когда верующие «стояли на часах», остерегаясь зла. Монастырская традиция, основанная Бенедиктом Нурсийским (ум. в 543 г.) в его общине в Монте Кассино, способствовала распространению этих ежедневных молитвенных служб, которые св. Бенедикт называл «делом Божиим» (*Opus Dei*).

Также после пятого века на Западе от епископов, священников и диаконов стали требовать безбрачия. К следующему веку во всех орденах была принята тонзура. Использование клиром старого римского платья, после того как миряне приняли новый стиль, введенный варварами, придало особое значение старинным одеждам как официальным церковным облачениям.

РАННИЕ САКРАМЕНТАРИИ И УСТАВЫ

Письменные варианты литургии как таковые начинают возникать в середине четвертого века. До этого желание уберечь священные мистерии от насмешек и неуважения язычников удерживало клириков от письменной фиксации литургических форм. Кроме того, Церковь тогда еще не ассимилировала в полной мере различные элементы, заимствованные из иудейских, греческих и римских источников. Когда были записаны молитвы, использовавшиеся на евхаристии, то весь материал, требовавшийся епископу (или священнику), был организован в сборники, называвшиеся «сакраментариями». Три из них имеют особую важность: составленный при папе Льве, папе Гелазии и папе Григории. В этих сакраментариях мы находим не только полное описание западной литургии, но также и

большую часть ее современного текста, который, таким образом, остается неизменным уже около тысячи двухсот лет. Из наших коллектов на день целых четыре появляются в саkraментарии папы Льва, двадцать семь — папы Гелазия и тридцать семь — папы Григория.

Ренодо датирует возникновение первых литургических книг четвертым веком. Молитвы, содержащиеся в *Didache*, и другие ранние источники не доказывают существования литургических книг. Синод в Гиппоне, 393 г., запретил верующим использовать записанные молитвы других церквей, не показав их более сведущим братьям.

Одними из самых ранних письменно зафиксированных частей службы стали диптихи. Это были скрепленные петлями и переплетенные наподобие книг таблички, в которых были записаны имена людей, о которых следовало молиться. Древняя традиция чтения Писания до тех пор, пока епископ не даст знак остановиться, развился в чтение фиксированных отрывков (*pericope*). В особом указателе приводились первые и последние слова чтения (*capitulare*). Полный указатель, включавший в себя ссылки на гомилии, жития и т. д., содержался в сборнике, который назывался *comes*. В конце концов полные тексты чтений были собраны в особом богослужебном Евангелии, Книге посланий и Лекционарии.

Саkraментарий папы Льва был найден и опубликован Бьянкини в 1735 г. Он произвольно приписал его Льву I (папа 440–461). Дюшен относит его примерно к 538 г. Он представляет собой фрагментарное собрание молитв, в котором опущен ординарий и канон мессы. Это типичный образец римского обряда, без признаков позднейшего галльского влияния. Полный текст с критическими замечаниями приведен в издании С. L. Feltoe, *Sacramentarium Leoninum*. В книге Edward Burbidge, *Liturgies and Offices of the Church* приводятся отрывки, на материале которых автор стремится установить связь некоторых частей саkraментария с эпохой папы Льва.

Саkraментарий папы Гелазия — это более позднее и более полное собрание. Ранняя традиция приписывает его составление Гелазию I (папа 492–496). Этот сборник долгое время носит имя этого церковного деятеля, однако установить связь саkraментария с папой Гелазием невозможно. Дюшен и Бухвальд согласны в том, что его следует датировать временем между 628 и 731 гг. Книга содержит в себе римский обряд, подготовленный для использования в Галлии; в нем множество галльских добавлений. Стандартным изданием, основанном на коллациях многочисленных рукописей, является Н. А. Wilson, *The Gelasian Sacramentary*.

Саkraментарий папы Григория — документ еще более позднего происхождения; в нем также представлен римский обряд с галльскими добавлениями. Несколько копий этой книги были выполнены Карлом Великим. Она явно стала основой литургического обряда во всех церквах. Однако народ и клир были столь привязаны к местным обрядам, что при переписывании этих книг наиболее популярные местные формы также вводились в нее, в качестве приложений. В более поздних рукописях они уже сливаются с основным текстом. Эти манускрипты как раз и представляют саkraментарий папы Григория в том виде, как он использовался в церкви. Некоторые из этих местных добавлений смогли дойти до Рима и были включены в римскую литургию. Развившийся таким образом полный саkraментарий в конечном счете стал основой более позднего Римского служебника. Современного издания Римского саkraментария не существует. Стандартным текстом до сих пор считается текст Муратори, изданный во втором томе его *Liturgia Romana Vetus* (Venice, 1748).

Саkraментарии содержали в себе лишь краткие указания по проведению богослужения. Попытка устранить неопределенность и путаницу в практике была предпринята в так называемых *Ordines Romani*, справочниках, в которых было описано распределение обязанностей и ход службы. Самый ранний из них датируется восьмым веком. *Ordo Romanus Primus* был издан с предисловием и комментариями Е. Г. К. Ф. Этчли (Лондон, 1905). Саkraментарии со временем были заменены более полным сборником, который назывался миссалом (*Missale plenarium*). Он включал в себя чтения и

песнопения для хора (интроит, градуал и т. д.), равно как и молитвы священника. Миссал заменил сакраментарий к двенадцатому веку, хотя лекционарии и градуал все еще издавались отдельно.

Множество деталей богослужения и церковной жизни первых пяти веков можно почерпнуть из литературы, которую епископ Маклин собирательно обозначил как «древние уставы Церкви»¹⁵. Мы уже ссылались на некоторые из них. Это были частные руководства по наставлению и богослужению. Помимо *Didache*, следует отметить «Апостольское предание Ипполита», *Didascalia*, «Каноны Ипполита», «Апостольский церковный устав», «Завет нашего Господа», «Апостольские правила» и т. д. «Паломничество Сильвии (Этери)» и «Молитва Серапиона» также являются важными источниками информации. В этих книгах рассматриваются такие вопросы, как церковные строения; детали богослужения, особенно евхаристии; священничество; рукоположение епископов, пресвитеров и диаконов; крещение, конфирмация и их церемониал, праздники, посты, периоды церковного календаря.

ЦЕРКОВНАЯ МУЗЫКА И ЦЕРКОВНАЯ АРХИТЕКТУРА

О музыке ранней Церкви практически ничего не известно. Мы знаем лишь, что респонсории — ответы общины служителю — были одной из ранних форм богослужения. В Антиохии была принята практика антифонного пения, когда одна группа отвечала другой. Тот же обычай в Милане ввел Амвросий, писавший также гимны и поощрявший их исполнение, которое прежде было характерной чертой восточного христианства. Амвросий учредил в Милане также церковную хоровую школу и предпринял систематизацию церковных музыкальных форм. Инструментальная музыка, запрещенная на Востоке, поощрялась на Западе. Простейшая форма органа была введена в употребление в конце пятого века.

Григорий Великий продолжил и расширил эту инициативу. Он реорганизовал хоровую школу, которую в начале четвертого века основал папа Сильвестр. Он также издал материалы по так называемому «простому пению», разновидности исполнения в унисон псалмов, песнопений, гимнов и респонсориюв. Самые ранние вокальные формы и мелодии были, вероятно, заимствованы из еврейских и греческих источников. Благодаря трудам Григория, Рим занял ведущее положение в вопросах литургии и музыки.

До декрета Константина, который установил «мир Церкви» (313 г.), церковных зданий возводилось мало. Тем не менее в периоды, относительно свободные от преследований, несколько церквей были построены в Риме и в других местах. Они были конфискованы властями, но позже возвращены Церкви Константином. Чаще всего христиане древних времен собирались в просторных верхних комнатах в домах сирийского типа или во внутренних дворах частных домов — в римских атриях или греческих перистильях. Во времена преследований небольшие группы собирались на кладбищах или в подземельях катакомб.

Когда Церковь получила возможность совершать богослужения публично, она воздвигла величественные сооружения специально для этой

¹⁵ A. J. Maclean, *The Ancient Church Orders*.

цели. Церковь не могла использовать языческие храмы, даже если бы захотела, так как они не были приспособлены для коллективного поклонения. Они лишь служили обиталищем статуи языческого божества. Язычество было религией открытых пространств, с жертвоприношениями, совершавшимися вне помещений. Поэтому языческая архитектура уделяла большее внимание внешнему оформлению храмов. Для Церкви же было необходимо здание, где верующие могли бы собираться в большом количестве для назидания и преподавания таинств. Внушительные базилики, служившие залами судебных заседаний, — прямоугольные помещения с боковыми нефами — могли служить образцом помещений нужного типа. Ранние церковные здания часто были безыскусными и непритязательными снаружи, но впечатляющими и богато украшенными внутри. Мужчины располагались с одной стороны нефа, женщины — с другой. Клир занимал «бему», или платформу, и апсиду. Хор располагался внутри небольшого ограждения в центре нефа, около апсиды, напротив которого находился алтарь. Все необходимое для крещения было устроено в отдельных помещениях, которые назывались баптистериями; в каждом городе обязательно присутствовала одна большая постройка такого типа.

Литература по раннему периоду обширна. Упомянуть следует лишь немногие выдающиеся и легко доступные труды.

Книга Duchesne, *Christian Worship; its Origin and Evolution*, tr. From the third French ed. By M. L. McClure, second English ed., является главной работой по всему периоду до эпохи Карла Великого. Две статьи Чарльза М. Джейкобса (Charles M. Jacobs) в *Memoirs of the Lutheran Liturgical Association*, Vols. 6–7 охватывают апостольскую эпоху и период, последовавший непосредственно за ней. В книге F. E. Warren, *Liturgy and Ritual of the Ante-Nicene Church*, second ed. 1912, собрано большое количество материала по богослужению этого раннего периода. Работа Hans Lietzmann, *Messe und Herrenmahl; eine Studie zur Geschichte der Liturgie* является ценным источником по данной проблематике. В издании Georg Rietschel, *Lehrbuch der Liturgik* приводится очень хорошее краткое изложение материала, также как в книгах Oscar Hardmann, *A History of Christian Worship* и William D. Maxwell, *Outline of Christian Worship*.

Полезной следует признать работу A. J. Maclean, *The Ancient Church Orders*. Книга J. H. Strawley, *The Early History of the Liturgy*, несмотря на свою сухость, представляет большой интерес. Важны также: Adrian Fortescue, *The Mass; A Study of the Roman Liturgy*; Fernand Cabrol, *The Prayer of the Early Christians*, tr. by Ernest Graf, а также его *Liturgical Prayer; its History and Spirit*, tr. by a Benedictine of Sandbrook. В работе A. B. Macdonald, *Christian Worship in the Primitive Church* предпринята попытка «дать единообразное описание богослужebной практики... в связи с духовным опытом верующих». Evelyn Underhill в книге *Worship* дает интересный и полный анализ темы. Важна также работа D. H. Hislop, *Our Heritage in Public Worship*.

ГЛАВА II

СРЕДНИЕ ВЕКА

Как было показано, восточные литургии происходят от родственных обрядов Антиохии и Александрии. Поздние западные литургии отличаются от них и разделяются на две разновидности. В Риме и Карфагене развился общий тип, который мы называем «римским». Второй тип, возникший под влиянием восточных форм, которые проникли на Запад, вероятно, через Милан, распространился в различных городах Франции, Испании, юго-западной Германии, в Британии, Швеции и т. д. Литургии этого второго типа собирательно называют «галликанскими».

Нелегко распутать клубок западной средневековой истории. Рим постепенно усиливал свое влияние. Миссия Бонифация (ум. 754), «апостола Германии» и реформатора франкской церкви, позволила создать германскую церковь, связанную с Римом¹. Бонифаций трудился в Баварии, Тюрингии, Гессене и в Северной Франции. Около времени его смерти папа Стефан пересек Альпы, чтобы посетить двор короля Пипина Короткого, и окончательно договорился с королем о введении римского обряда во всех его землях.

Меньше чем через полвека появляется такая примечательная фигура, как Карл Великий. В 800 г. он был коронован императором Рима и проявил себя не только как удачливый завоеватель, но и как великий правитель. Заручившись поддержкой ученых, клириков, музыкантов, архитекторов и других выдающихся людей, он предпринял попытку объединить различные страны и народы в единую империю. Он поощрял проповедь, и для его клириков с этой целью были написаны специальные сборники. Будучи убежденным, что порядок и дисциплина Римской церкви могут быть полезны в деле унификации его владений, он обратился к папе Адриану I за помощью в вопросах музыки и литургии. Через Иоанна, аббата Равенны, Адриан послал ему экземпляр служебника, который использовался в Риме в тот период. Вероятно, это был так называемый Григорианский сакраментарий, основное ядро которого, судя по всему, было издано папой Григорием двумя веками ранее. Этот служебник был размножен и разослан по всем церквам. Так римский обряд, первоначально использовавшийся лишь в городе Риме, начал борьбу с местными литургиями Западной Европы.

¹ Albert Hauck, *Kirchengeschichte Deutschlands*, 3te Aufl., Bd. I, pp. 420, 484–494.

СТОЛКНОВЕНИЕ ГАЛЛИКАНСКОГО И РИМСКОГО ОБЯДОВ

Происхождение галликанских обрядов, их отношение к восточным литургиям и к римскому ритуалу представляют собой сложную проблему. На этот счет выдвигались различные гипотезы.

Литургия на Западе приняла законченный вид гораздо позднее, чем на Востоке. Богослужение на Западе было более конкретным и динамичным, менее созерцательным и проникнутым мистицизмом, чем на Востоке. Его священнодействия в большинстве случаев совершались на виду у прихожан и требовали точного и совершенного исполнения.

Как галликанские, так и римские обряды отличались от восточных литургий в важном вопросе проприев, то есть изменяемых частей литургии, которые варьировались в зависимости от дня церковного календаря. Эти проприи, неизвестные в восточной литургии (за исключением изменявшихся чтений и некоторых песнопений), представляли собой широкое разнообразие литургического материала, в котором на первый план выходили исторический и мемориальный аспекты публичного богослужения. Предполагают, что они являлись неким продолжением определенной свободы импровизации, существовавшей в древности. Как бы то ни было, галликанские обряды доводят эти «литургические переменные» до значительной длины. Фиксированная часть литургии четко ограничена, а иногда даже и части, соответствующие определенным местам римского канона, возникают в нескольких формах. Многие коллекты, префации проприя и другие молитвы очень длинные, их содержание образно, их стиль характеризуется пышностью слога. Молитвы освящения предваряются длинными и разнообразными вводными текстами².

Хотя такая изменяемость частей и ряд префаций проприя четко ставят галликанские литургии в один ряд с западной группой, эти литургии содержат также и следы более раннего восточного влияния. В них часто присутствует третье чтение (из Ветхого Завета), предшествующее Апостолу. Иногда в них встречаются серии кратких заступнических молитв (*preces*), сходных с диаконическими литаниями греческих литургий. Поцелуй мира в них помещен перед причастием, а не после освящения, как в римском порядке. В службах на определенные дни прослеживаются рудименты древнего епиклесиса, следовавшего за словами установления (*verba*). В них есть также молитвы оффертория и причастие, заключительные молитвенные формулировки и особые детали служб в вербное воскресенье и страстную субботу, отсутствующие в чисто римском обряде³.

Ответы и определенные изменяемые музыкальные элементы в галликанском обряде отводили народу более значительную роль, чем в римском.

² Примеры различных форм молитв посвящения приводятся в работе Arthur Linton, *Twenty-five Consecration Prayers, with Notes and Introduction*.

³ В издании А. Ebner, *Quellen und Forschungen zur Geschichte und Kunstgeschichte des Missale Romanum im Mittelalter, Iter Italicum* приводится скрупулезный анализ этих добавлений.

Диаконы имели большой вес, так же, как на Востоке. Они читали литании, призывали к тишине перед чтением Апостола и преподавали чашу (вплоть до двенадцатого века, когда причастие под двумя видами было упразднено). Молитва Господня перед службой причастия, вероятно, произносилась совместно. Многие из еще более детально разработанных и чувствительных черт мессы, таких как вознесение гостии со всеми сопутствующими церемониями, коленопреклонения, использование светильников, фимиама и т. д., а также определенные части обряда страстной недели первоначально развились именно в Галликанской церкви, и лишь позднее влились в более простой римский ритуал. Эти пышные и зрелищные добавления усиливали эстетическую притягательность службы.

Первоначальный римский обряд хотя и признавал общее для Запада представление об изменяемых частях мессы, определенно умерял их стиль. Префаций проприя было немного, все молитвы были краткими. Изысканные, сдержанные коллекты римских сакраментариев — превосходный пример римской объективности и суровости выразительных средств. Эти лаконичные молитвы никогда не пускаются в чрезмерное красноречие. Они ясно и четко испрашивают чего-то одного. Это «одно» может быть очень великим — прощением грехов, просьбой о покровительстве, о защите от врага, о разумном суждении, о душевном мире. Эта краткость часто связывается с влиянием Льва Великого. В любом случае, римский обряд шестого века, в сравнении с современными ему галликанскими обрядами, был довольно-таки безыскусен. Он проявлял качества стиля, который Бриллиот охарактеризовал как «отсечение излишеств». Помимо других причин, одним из важнейших оснований победы римского обряда на Западе была его сравнительная простота и сила.

Общий вид и основные компоненты римской литургической системы практически полностью сложились к концу восьмого века. Приблизительно в это же время канон стал произноситься про себя. В причастии начали использовать нектасной хлеб. Обычай (зародившийся в Галлии) помещать хлеб в уста верующих, а не давать его им в руки, вошел во всеобщее употребление. В этом веке в Галлии и Германии после проповеди начали проводить краткую службу на национальном языке, которая называлась «*Prone*»⁴. Она не была частью предписанного текста мессы, и ее содержание варьировалось в зависимости от конкретной местности. Часто она заключалась в призыве молиться, в исповедании и отпущении грехов, исповедании веры, молитве Господней и Десяти заповедях. Позднее использование прона помогло реформаторам заново ввести в службу общую молитву.

⁴ Английский литургический термин *Prone* происходит от фр. *Prône*. Филологи расходятся в интерпретациях его этимологии. Самую распространенную версию французский медиевист Лео Мулен излагает так: слово *prône* (старофр. *prosne*) «происходит от латинского *protinum*, а оно, в свою очередь, — от греческого *prothura*, которое означало коридор, ведущий от входа к внутренней двери, а в XII веке — решетку, отделяющую клирос от нефа, а уже затем и краткую речь, с которой кюре обращался к прихожанам, стоя как раз перед этой решеткой» (Мулен, Лео. Повседневная жизнь средневековых монахов Западной Европы X–XV века. — М.: Молодая гвардия — Классик, 2002, с. 313). За неимением русского соответствия данная часть мессы далее будет обозначаться как «прон» (*Прим. перев.*).

Фортескью в качестве важных изменений в литургии и мессе со времен восьмого века упоминает только введение исповедания веры, молитвы оффертория, вознесения Святых Даров, благословения и заключительного Евангелия, а также каждения, колокольного звона и прочих не столь важных деталей (*The Mass*, p. 177). Батифоль утверждает, что в суточном богослужебном цикле в Риме не происходило никаких значимых изменений со времен Карла Великого до конца двенадцатого века. Боймер пытается проследить некое развитие и перемены, которые он приписывает, в основном, Григорию VII (ср. Baudot, *The Roman Breviary*, pp. 93–101).

Рассмотрение вопроса о проне см. в работе F. E. Brightman, *The English Rite*, Vol. II, pp. 1020–1045. Также Vol. I, pp. cxlvi ff. Утверждение Брайтмэна о том, что реформатские богослужения в Страсбурге и в Женеве, а позднее и в Шотландии были определено основаны на проне, резко отвергает Максвелл (W. D. Maxwell, *John Knox's Genevan Service Book, 1556*, pp. 17–47; 66–76).

ПЕРВЕНСТВО РИМСКОГО ОБРЯДА

Окончательное торжество римского обряда над более пышными и даже напыщенными галликанскими формами стало естественным результатом римского влияния в целом и желания покончить с неразберихой. Обряд, который в конечном счете был принят повсюду, кроме Милана и Толедо, был в действительности «смешанным». Его основа и все основные черты были определено римскими. Вокруг нее были собраны элементы более или менее галликанского характера — рудименты местных форм и обрядов, полюбившихся клиру и народу, которые первоначально вводились в качестве дополнительного материала, а затем инкорпорировались в саму службу. Так развился текст, который в конечном итоге был принят повсюду во Франции, Испании, Германии и Англии. К одиннадцатому веку он одержал победу в Скандинавии, Моравии, Богемии, Польше, Померании и Венгрии. Крестовые походы на время распространили его на Ближнем Востоке, даже в Константинополе. В тринадцатом и четырнадцатом веках францисканские миссионеры занесли его в Центральную Азию и в Китай. Вместе с испанцами и португальцами он попал на Американский континент, а затем и в Индию. Св. Франсис Ксавье ввел его на Малайском полуострове, а через три года после смерти Мартина Лютера — в Японии⁵.

Вместе с характерными римскими чертами, ставшими повсюду частью мессы, — коллектами, градуалами, офферторием, канонем и т. д. — распространялись и римские идеи об умиловительной жертве, добрых делах, а также вера в локализацию евхаристического таинства в конкретном моменте времени и в конкретной части материи. Этот натуралистический взгляд возобладал над более духовными концепциями и в конечном счете привел к формальному принятию учения о пресуществлении на Четвертом Латеранском соборе в 1215 г. Это событие дало ход грубым народным заблуждениям о чуде мессы, которые привели к поклонению гостии и другим злоупотреблениям.

⁵ F. E. Brightman, *The English Rite*, Vol. I, pp. vi–vii.

Тем временем, благодаря влиянию Григория VII (Хильдебранда) и последующих пап, власть папства значительно усилилась. В начале тринадцатого века Иннокентий III (папа 1198–1216) вознес ее на небывалую высоту. Крестовые походы и основание нищенствующих орденов, в особенности Францисканского, также усилило влияние Рима. Фома Аквинский сформулировал учение Церкви в той форме, которая по сию пору является авторитетной. Потрясающее развитие церковной архитектуры за пять веков, с 1000 по 1500 г., прошло через эпоху романского (нормандского и английского) стилей и великолепие готики.

Прежде мы упоминали о теории Дюшена, которая объясняет различие между галликанским и римским обрядами влиянием на первый восточных литургий через Милан в четвертом веке. Фортескому и современные исследователи принимают точку зрения французских бенедиктинцев (Каброля, Кажена и т. д.) и профессора Древса. Он возводит галликанские обряды непосредственно к ранним литургическим традициям Запада, послужившим основанием как для поздней галликанской, так и для римской форм. В соответствии с этой точкой зрения галликанские обряды остались более верными ранней общей традиции, распространившейся по всей Италии, Испании, Галлии, на Британских островах и так далее, чем римский обряд. Этот последний, по крайней мере, в своем раннем развитии, был местным упрощением и переработкой более цветистых форм, которые произвела Западная Европа с ее более грубыми народами и менее развитой культурой. Более полное освещение этого вопроса см., помимо Duchesne, *Christian Worship*, и Fortescue, *The Mass*, Dom Fernand Cabrol, *The Mass of the Western Rites*; Archdale A. King, *Notes on the Catholic Liturgies*; Brilioth, *Eucharistic Faith and Practice*, pp. 70–78. Прекрасный анализ духа как римского, так и галликанского ритуалов с иллюстративным материалом можно найти у Эдмунда Бишоп (Edmund Bishop) во вводной главе его научного исследования *Liturgica Historica*.

СТОЙКОСТЬ МЕСТНЫХ ОБЫЧАЕВ

Но литургический порядок все еще не был единообразным. Все традиции имели под собой широкую григорианскую основу. Части мессы были одинаковыми по числу и порядку. Существовал стандартный текст канона и других постоянных частей, равно как и многих молитв и иных изменяемых компонентов. Но влияние местных епископов все еще было очень сильным. Каждый из них, после консультации с собранием каноников, был волен пользоваться своим *jus liturgicum* и устанавливать те или иные ритуалы и церемонии в рамках своего диоцеза. Для местных праздников развились особые молитвы и другие *propria*. Воздействие влиятельных центров диоцезов распространялось и на прилегающие епископства. Таким образом, непрерывно возникали мелкие различия в текстах интроитов, градуалов, чтений, молитв, префаций, благословений и — на местных праздниках — в использовании литургических цветов и т. д.

Стремление к абсолютному единообразию не приобретало широких масштабов до шестнадцатого века. Шведская лютеранская литургия (1531 г.), заменившая собой епархиальные обряды Стренгнеса, Лунда, Упсалы, Або и других, стала, пожалуй, первым национальным обрядом.

В 1549 г. «Книга общей молитвы» Англиканской церкви стала национальным обрядом Англии. Тридентский собор, созванный, чтобы реформировать и консолидировать Римскую церковь перед лицом растущей силы протестантизма, в 1570 г. издал *Missale Romanum*. В нем были устранены многие цветистые галликанские черты и приводился текст, в большей степени согласованный с ранними римскими формами. Сопровождавшая издание служебника булла папы Пия V повелевала оставить все иные обряды, помимо тех, непрерывное использование которых в течение не менее двух веков можно было подтвердить документально. Таким образом, сохранить свои особые формы среди монахов было позволено доминиканцам, кармелитам и картезианцам, а также церквам в Милане и Толедо.

Современный текст римской мессы практически не отличается от текста Служебника папы Пия V. Последующие пересмотры 1604, 1634 и 1884 гг. не внесли никаких важных изменений, помимо упрощения календаря, прояснения богослужебных правил и введения новых проприев для новых праздников.

В Средние века бенедиктинский и римский бревиари столкнулись в непримиримой борьбе, которая продолжается по сей день. Мозарабский бревиарий характеризовался необычным количеством и длиной гимнов и необычным типом коллектов, большая часть которых была обращена ко второму Лицу Троицы. Амвросианский бревиарий также отличался рядом своеобразных черт.

Кельтская литургия, по крайней мере, в важных деталях, удержалась в Шотландии и Ирландии вплоть до одиннадцатого и двенадцатого веков.

Амвросианский, или миланский, обряд — наиболее значительный из сохранившихся представителей галликанской группы, хотя в его современной форме многие из его отличительных черт были утрачены в процессе постепенной ассимиляции с римскими формами. Ранние рукописи этого обряда, опубликованные Памелием и Муратори, проявляют эти черты, многие из которых восходят к восточным литургиям. Среди них можно назвать добавление ветхозаветного чтения из пророков, требование тишины диаконом перед чтением Апостола, различные формы введений перед молитвой Господней и другие моменты, уже упоминавшиеся в качестве характерных для галликанских литургий в целом, — здесь мы можем отметить молитву после расстилания антимиаса, — литании, произносившиеся после интроита во время поста, расположение преломления перед молитвой Господней, принесение пожертвований мирянами с произнесением соответствующей формулы и т. д.

Карл Великий в своем стремлении унифицировать богослужение во всех своих владениях предпринял попытку искоренить амвросианский обряд и заменить его римским, как он сделал это во Франции. Он приказал уничтожить или увезти миланские литургические книги. Но его усилия увенчались успехом лишь отчасти. Лангобарды были сильно привязаны к своему обряду, и за них горячо вступился галльский епископ по имени Евгений. Важность миланской кафедры и упорство миланцев вынудили папу Александра VI в 1495 году формально одобрить продолжение употребления амвросианского обряда во всей миланской провинции.

Существуют любопытные следы использования амвросианского обряда в Средние века в Германии, в Регенсбурге и Аугсбурге (еще в 1584 г.). Когда Лютер по пути в Рим захотел совершить мессу в Милане, ему было отказано в этом местными священниками,

которые сказали: «*Nos sumus Ambrosiani, non poteritis hic celebrare*» («Мы — амвросиане, вы так не сумеете провести службу». — *Прим. перев.*)⁶.

Так называемый мозарабский обряд был национальной литургией Испании до конца двенадцатого века. Синод в Бургосе в 1085 г. ввел принудительное использование римского обряда на всем Иберийском полуострове, кроме Толедо, где было позволено сохранить древний епархиальный обряд. Он, однако, почти не использовался до шестнадцатого века, когда кардинал Хименес перепечатал содержащие его литургические книги и открыл колледж для священников, чтобы увековечить его употребление. Сейчас мозарабский обряд ограничен часовой кафедрального собора, семью приходскими церквами в городе и часовой в Саламанке.

Другими важными епархиальными обрядами галликанской группы были лионский, парижский и руанский во Франции; тревский, кельнский, майнцский, бамбергский и нюрнбергский в Германии; лундский и упсальский в Швеции; йоркский, линкольнский и солсберийский в Англии. Этот последний, известный также как сарумский обряд, был общепринятым во всей южной Англии после двенадцатого века. Эти и многие другие епархиальные обряды не следует рассматривать как нечто самостоятельное, подобно амвросианскому и мозарабскому, а скорее как местные разновидности римского обряда, которые согласуются с ним в главном, а различаются во второстепенном. Каждая значительная монастырская община имела свой собственный breviарий и свои характерные черты в литургии мессы. До смерти Лютера в 1546 г. целых 125 местных центров опубликовали собственные служебники, часто в роскошном оформлении. Едва ли можно найти две их разновидности, согласующиеся в деталях.

В последние годы исследователями литургики приложено немало усилий по исследованию этих обрядов, публикации текстов, классификации их деталей и взаимоотношений. Особенно многого достигли французские бенедиктинцы, миланские исследователи в Италии и англиканские ученые в Англии. Лютеранская реформа богослужения основывалась на епархиальных обрядах, которые существенно отличались от современного римского ритуала. Среди этих местных форм самыми значимыми были бамбергский и майнцский обряды в Германии и упсальский, лундский и стренгаский в Швеции. Точно так же и «Книга общей молитвы» в Англии в основном опиралась на солсберийский (сарумский) епархиальный обряд. Полный список печатных служебников, изданных до Тридентского собора, приводится в издании: W. H. J. Weale, *Bibliographica Liturgica, Catalogus Missalium Ritus Latini*.

ГЛАВЕНСТВУЮЩАЯ РОЛЬ МЕССЫ

Обзор ситуации в Церкви непосредственно перед Реформацией показывает две наиболее важные структуры средневекового богослужения: это собор с его величественными пропорциями и множеством продуманных деталей и месса, в распоряжении которой находились все средства искусства — свет и цвет, музыка, облачения, церемониал и утонченный символизм⁷. Упорядоченное богослужение в Церкви включало в себя также суточный богослужебный цикл, службы по особым случаям и определенную религиозную практику мирян. Последующие реформы затронули все три эти сферы.

⁶ См. Henry Jenner, статья "Ambrosian Liturgy and Rite," в *The Catholic Encyclopedia*, Vol. I, pp. 394–403. Амвросианская месса описана у Дюшена, в главе VII, и в книге Rietschel, *Lehrbuch der Liturgik*, Bd. I, pp. 303–308. Английский перевод с предисловием: E. G. C. F. Atchley, *The Ambrosian Liturgy*.

⁷ Генри Осборн Тэйлор (Henry Osborn Taylor) рассматривает оба эти явления в своей книге *The Medieval Mind* в одной главе. Генри Адамс (Henry Adams) в книге *Mont-Saint-Michel and Chartres* строит свой анализ средневекового мышления как на рассмотрении служб Церкви, так и на исследовании замечательных зданий, в которых они проводились.

Доминирующую роль, которую месса играла в средневековой Церкви, можно по достоинству оценить лишь будучи знакомым с основами теории мессы, которая была принята в то время и не потеряла своей значимости до наших дней. Она заключается в утверждении о том, что евхаристия — это умилоостивительная жертва, которую вся Церковь непрестанно приносит Богу через священство и которая может быть действенной, когда ее приносят за отсутствующих и даже за умерших. Во время мессы хлеб и вино чудесным образом прелагаются в тело и кровь Христовы божественной силой, которую может призвать лишь священник. Евхаристическая жертва и освящение хлеба и вина бескровно обновляют жертву нашего Господа на Голгофе. К освященной гостии на алтаре следует относиться с таким почтением, как если бы это было тело Христа на кресте. Она обладает качествами тела Христова и фактически является жертвой. Когда рукополагаемый священник получает патену и чашу, то произносятся следующие слова: «Получи власть приносить жертву Богу и совершать мессу как за живых, так и за мертвых». Размеренный ритм освящения, благодарения и причастия воскресных служб ранней Церкви были полностью утрачены в концепции мессы, основанной на умилоостивительной жертве⁸.

В рамках подобной теории вечера Господня перестала быть таинством, которое преподают, и превратилась в жертву, которую отправляют, пользуясь всеми возможными драматическими и символическими выразительными средствами. Постепенно чаши были лишены все, кроме священнослужителей. Из-за этого, а также по той причине, что служба считалась совершенной даже в том случае, если причащался один лишь священник, суеверное сознание сосредоточилось на освящении хлеба и вина и особенно на вознесении гостии как наивысшей точке службы. Людям казалось, что важнее увидеть вознесение, чем принять само причастие. Чудесного воздействия ожидали, даже просто увидев Освященное тело. При том, что большая часть службы произносилась священником про себя, месса все более превращалась в зрелище. Церемониал приобретал все возрастающую значимость, и внимание людей было в основном направлено на видимые действия⁹.

Слово месса происходит от латинского *missa*, поздней формы слова *missio*, «отпуст». Первоначально этот термин применялся к роспуску оглашенных в конце первой части службы (которая называлась *missa catechumenorum*). Позднее он означал конец службы верных, которая завершалась словами: «Ite, missa est», то есть: «Идите, се отпуст». После исчезновения литургии оглашенных он стал обозначать всю евхаристическую службу Римской и Галликанской церковью.

Нормальной разновидностью мессы была *missa solemnis* (так называемая «торжественная высокая месса»), со священником, диаконом и иподиаконом. Низкая месса была сокращенной формой, совершавшейся священником с одним служителем. Если присутствовал хор и литургия пелась, а не произносилась, ее называли *missa cantata*.

⁸ Полный текст ординария и канона мессы см. на с. 558 и далее в приложении.

⁹ Рассмотрение вопроса о вознесении гостии, которое было введено в тринадцатом веке, см. в книге: Fortescue, *The Mass; a Study of the Roman Liturgy*, pp. 337–345. Также T. W. Drury, *Elevation in the Eucharist*.

В Восточной церкви до сих пор только один алтарь, и ритуал требует участия помощников священнослужителя. В течение дня может быть совершена только одна служба. На Западе в Средние века рассудочное восприятие подтолкнуло к мысли о том, что если одна месса определенно имела значение умиловительной жертвы, то две мессы обладали вдвое большей ценностью. Таким образом, возникло требование, чтобы каждый священник произносил отдельную мессу, и была введена так называемая *missa privata* (разновидность низкой мессы). На ней причастие принимал только священник, хотя обычно на литургии ему ассистировал служитель. Среди священников распространился обычай совершать мессу ежедневно.

Распространение низкой мессы повлекло за собой увеличение количества алтарей в церквах и привело к созданию миссала. Эта книга содержит в себе полный текст каждой мессы — не только частей, произносимых священником, но и тех, которые на высокой мессе обычно поет хор. На низкой мессе священник должен был повторять тексты хора наряду со священническими разделами. Постепенно эта практика распространилась и на высокую мессу, и теперь на ней от священника требуют повторения текстов хора про себя (*secretis*), даже если их поет хор.

Теория умиловительности привела к практике определенной «цели» для каждой мессы. Общие представления более раннего периода, такие как мессы о хорошей погоде и об урожае, уступили место специфическим мессам — о пребывающих в узак, об усмирении эпидемий, о турецких завоевателях и т. д.; мессам об упокоении чьей-либо души и даже мессам, направленным на то, чтобы добиться смерти конкретного человека (осужденным на синоде в Толедо в 694 г.)! Денежных пожертвований на такие мессы, естественно, становилось все больше, и во все увеличивавшихся в размерах церквах и монастырских часовнях росло число алтарей и «центри» (церковных приделов, построенных на вклад, завещанный на совершение ежедневной заупокойной мессы. — *Прим. перев.*). В них часто совершались «уединенные мессы», на которых не было никого, кроме священника. Высокую мессу можно было совершать в церкви когда угодно, и в то же самое время священники могли произносить на других алтарях приватные мессы. Понтификальные и папские мессы предписывали особые формулы и церемониалы для епископов и папы соответственно. Капитулярные мессы произносились ежедневно в кафедральном соборе и в коллегиальных церквах. Брачные мессы содержали в себе особые молитвы для венчающихся; заупокойные — молитвы об умерших¹⁰.

В Средние века гостию стали «сохранять» на алтаре, чтобы впоследствии поклоняться ей, а также относить больным. В период, предшествовавший Реформации, ее обычно хранили в чаше (*pyxis*), подвешенной над алтарем и скрытой в сосуде в виде голубя, или в дарохранильнице в виде башни или дома с решетчатыми дверьми, около алтаря, с северной стороны. Во времена Реформации сложился обычай хранить гостию в ковчежце над алтарем.

Аллегория и символическая интерпретация безудержно разрабатывали мистические идеи. Одно из наиболее влиятельных изложений мессы с аллегорическими объяснениями ее частей принадлежит перу Амалария Медского, ученика Алкуина. Его идеи повторялись и в следующие века, как в проповедях, так и в популярном изложении. Другой важной работой было *Rationale Divinorum Officiorum*, написанное Вильгельмом Дюрандом, епископом Мендеским. В изложении этих мужей месса символизировала земную жизнь Христа. Антисфонное пение интроита символизирует голос патриархов и пророков. Епископ, выходящий из ризницы, — это как бы Христос, ожидаемый Спаситель, Который появляется из чрева Девы и входит в мир. *Gloria in excelsis* выражает радость на небесах после Господня воскресения. Восседание Христа одесную Отца обозначается восседанием епископа на его престоле. Апостол символизирует проповедь Иоанна Крестителя, а Евангелие — начало проповеди Христа. Двенадцать частей исповедания веры отсылают к призванию двенадцати апостолов. Когда совершается жертва, верующие полагают, что Христос входит в

¹⁰ Полный обзор церемониала всех месс см. в книге Fortescue, *The Ceremonies of the Roman Rite Described*, Part II. Также O'Connell, *The Celebration of Mass*.

храм, чтобы принести Себя Отцу. Чем дальше идет служба, тем изощреннее становится символизм. Здесь подразумеваются и детали страстей и смерти Христа, и снятие с креста, и положение во гроб, и воскресение, и вознесение. Таким образом, средневековая концепция евхаристии сильно отличалась как от представлений ранней Церкви, так и от учения позднейших реформаторов¹¹.

OFFICIUM DIVINUM

Еще один значительный пласт средневекового литургического материала связан с *Officium Divinum*. Так называли суточный богослужебный цикл, совершавшийся в монастырских общинах. Все монахи и священники, будь то «секулярные» (приходские) или «регулярные» (члены монашеских орденов), в силу своего рукоположения были обязаны соблюдать «канонические часы» и ежедневно читать необходимые службы. Часы состояли из заутрени, лауд, примы, терции, сексты, ноны, вечерни и комплетория. Литургический материал для такого количества служб, со всеми вариациями в течение года, вскоре стал очень велик. После одиннадцатого века все необходимые тексты были собраны в служебники, которые назывались бревиариями. Позднее бенедиктинский бревиарий был признан в качестве монастырского обряда; римский бревиарий стал популярен в среде секулярного клира.

Чисто молитвенные концепции, лежавшие в основе этой системы ежедневных служб, позднее слились с представлениями о «заслугах» и «добрых делах». Предполагалось, что монахи, клир и все «духовные» лица приобретают большую заслугу для себя и для Церкви, исполняя то, чего Бог не требует, но что все же Ему угодно. Эти деяния назывались «трудами суперэрогации». Так обязанности клириков становились все более обременительными, а службы все более сложными. Дни календаря варьировались по степени или разряду, которые определяли манеру рецитации. Гомилии, легенды и жития в часах практически заменили собой Писание.

Оффиций (то есть все части суточного богослужебного цикла, за исключением мессы. — *Прим. перев.*) был колоссальной системой ежедневных молитв для монахов и клира, которой соответствовала служба мессы у мирян. Каждый священник был обязан совершать мессу по воскресеньям и праздникам, а если возможно, и каждый день. Верующие были должны посещать ее, по крайней мере, по воскресеньям и по другим «обязательным дням». Кроме того, все церковно- и священнослужители, от иподиакона до папы, должны были ежедневно, в среднем по два часа в день, читать канонические часы. Так главной обязанностью клира стал надзор за ежедневным совершением жертвы на мессе и за непрерывностью вращения «молитвенного колеса» Церкви в оффиции¹².

¹¹ Краткое изложение труда Амалария приводится в книге Brilioth, *Eucharistic Faith and Practice*, p. 83. Генри Осборн Тэйлор (Henry Osborn Taylor) в работе *The Medieval Mind*, пересказывает концепцию и Амалария, и Дюранда.

¹² Более подробное рассмотрение суточного богослужебного цикла см. в главе XXII, на с. 345 и далее.

Третий тип литургического материала представлен в богослужениях по особым случаям. Некоторые из этих служб, такие как крещение, венчание, погребение и так далее, были описаны в сборнике под названием *Rituale*, или учебник приходского священника. Другие — конфирмация, освящение церквей, рукоположение и так далее, — которые мог совершать только епископ, были собраны в книге, озаглавленной *Pontificale*.

Другие сборники, известные как «примарии», содержали в себе молитвы на местных языках и другие несложные формулы, которые народ обычно произносил, пока священник читал латинскую службу. В этих примариях содержались также «Малые часы блаженной Девы», сборник заступнических и иных молитв, построенный как параллель каноническим часам клириков.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ МУЗЫКА

В течение всего Средневековья музыка в церкви предназначалась лишь для священника и хора. Восьмой век на Востоке стал периодом величайшего расцвета литургических гимнов; на Западе в это время получила распространение григорианская музыка. В основном ее развивали в музыкальных школах при монастырских общинах.

В григорианской музыке, в отличие от современной, не было гармонии и отсутствовали композиционные части. Мелодии были свободными, без тактов и размеров. Вместо наших мажора и минора существовало восемь ладов — так называемые «церковные лады» — которые, в определенном смысле, давали большее разнообразие, чем в современных мелодиях. Задачи этой музыки были литургическими, а не артистическими. Высшей целью было облечь текст в достойную мелодическую форму. Все части литургии, произносившиеся нараспев священником или пропевавшиеся хором, были положены на эти мелодии.

Музыкальная нотация в том виде, в каком мы ее знаем, зародилась в девятом веке. Первым обозначением была одиночная красная черта (фа), проведенная поперек страницы, чтобы помочь певцу прочесть невмы, систему музыкальной записи, располагавшуюся над текстом. Затем была добавлена желтая черта (до), а позднее ввели еще две дополнительные линейки. Так появилась четырехлинейная структура, которая была общепринятой в течение семи веков и все еще применяется в григорианском пении. (В современной музыке применяется система из пяти линеек.)

Литургические песнопения в конечном счете оформились в сборники, известные как *Graduale* и *Troperium*. В *Graduale* была записана музыка для хора, исполнявшаяся во время мессы, — в частности, изменяемые интроиты, градуалы с «Аллилуйя», оффертории и коммунио. *Troperium* содержал в себе части, вставлявшиеся между регулярными текстами *Kyrie*, *Gloria in excelsis*, *Sanctus*, *Agnus Dei* и т. д. В них содержались также секвенции и «прозы» (лат. *prosaе*, длительные по времени и сложные по форме медитативные

песнопения, особенно популярные в XI–XIII вв., первоначально с нерифмованными текстами, основанные на секвенциях; наиболее известны прозы аббатисы Хильдегарды из Бингена, 1098–1179 гг. — *Прим. перев.*). К тысячным годам в соборах и монастырских общинах эти мелодии регулярно переписывались в служебниках Церкви. Псалмы исполнялись антифонно во время часов по системе, известной как «григорианские тоны». Существовали также и гимновые мелодии более свободной формы.

Церковная музыка в своем развитии прошла столь же выдающийся путь, что и архитектура. Она созревала медленнее и, пожалуй, в большей степени, чем архитектура, была чадом Церкви. Она и оставалась дольше под ее покровительством. Вся григорианская система испытывала сильное влияние старинных греческих ладов и греческого речитатива. Но внутри Церкви она развила свои собственные дух и формы. Мелодичность и молитвенный дух стали ее дарами Церкви и миру.

После двенадцатого века, когда архитектура приближалась к периоду своего величайшего расцвета, в музыке начались процессы, приведшие к возникновению ее современных форм. Влияние, оказанное на культуру трубадурами и миннезингерами, было в большой степени обусловлено активной поддержкой состоятельных классов во Франции и в Германии. В это время Церковь вела в развитии гармонии и контрапункта, которые, после того как архитектура пережила свои самые блестящие достижения, расцвели в нидерландской школе пятнадцатого века и достигли своей кульминации в красоте римской школы Палестрины.

Миру известны великие памятники средневековой архитектуры. Но мир практически ничего не знает о большом наследии литургической музыки пятнадцатого и шестнадцатого веков, об интеллектуальной силе и духовном богатстве этих произведений. Их количество и техническое мастерство поразительны. Контрапункт прошел стадию простого и двойного, увеличенного и уменьшенного, прямого, обратимого и возвратного, пока не затемнил мелодию и слова и практически обрушился под тяжестью собственного веса. Эдвард Диккинсон совершенно прав, когда говорит: «Мир не видел большей преданности единому художественному идеалу, и не существовало со времен золотого века греческой скульптуры другой формы столь возвышенной по содержанию и совершенной по технике, как полифонический церковный хор в период его зрелости»¹³.

Лучшие образцы этой музыки характеризовались мелодической красотой и литургической объективностью. Она никогда не шла с миром на компромисс и не стремилась утвердиться вне Церкви. Ее ценность и отличительные признаки в рамках Церкви завоевали ей постоянное место, и сегодня ее ревностно культивируют во многих центрах.

После безраздельного тысячелетнего господства, григорианское унисонное пение прошло через этапы органума, контрапунктической импровиза-

¹³ Edward Dickinson, *Music in the History of the Western Church*, p. 133.

ции и контрапунктической полифонии. Эта последняя заключалась во множестве голосовых партий, построенных по известным правилам. Такая чисто вокальная музыка достигла совершенства в мессах и мотетах композиторов нидерландской школы, Жоскена де Пре, Орландо ди Лассо и их современников. В сочинениях Палестрины (1526–1524 гг.), Аллегри и других композиторов римской школы контрапунктическая музыка достигла в шестнадцатом веке той вершины, в которой сочетание технического блеска и духовной действенности было доведено до совершенства. Венецианская школа дала более свободную трактовку старинных церковных ладов и ввела инструментальный аккомпанемент. Вена, Мюнхен, Париж и Королевская часовня в Англии также были важными центрами музыкального развития. Инструментальная музыка, в том числе псалтирь, арфа и другие струнные, трубы и орган все чаще встречались в западной церковной музыке. Однако в Риме орган был запрещен.

Благое и дурное

Изучая Средневековье, мы находим в нем много благого, истинного и прекрасного. Слово Божие и христианская вера были сохранены, хотя они и смешались с явлениями дурными и ложными. Общение с Богом, представления о набожности и благоговении, равно как и дух бескорыстной жертвы, не угасали. Все самые великие личности и умы того времени были в Церкви. Великие богословы, архитекторы, художники и администраторы построили сложную цивилизацию, которая поддерживала честь и достоинство христианства и подчинила своей власти множество народов. Крестовые походы, монашеские ордена, огромная миссионерская работа, сила интеллекта, возведение великих соборов и развитие христианской литургии свидетельствуют о силе и таланте. Утонченные образцы контрапунктической музыки, религиозной живописи и латинской гимнологии на редкость выразительны и технически совершенны. Тринадцатый век и более поздний период, вплоть до Реформации, были временами великих свершений. Тринадцатый век в особенности, с его абстрактной схоластикой и народным романтическим духом, наложил неповторимый и своеобразный отпечаток на все последующие эпохи. Возрождение образования дало толчок развитию интеллектуальных сил. Система Коперника, открытие Америки, новый путь в Индию расширили европейские горизонты. Изобретение печатного станка стало новой движущей силой культурного развития.

Несмотря на свою зрелищность и эмоциональность, средневековое богослужение не было чем-то пустым и бессмысленным. Оно твердо основывалось на богословских принципах и отражало глубокое понимание человеческой природы. Логика и взаимопонимание позволили построить огромную структуру с четко очерченными, но разнообразными требованиями, предъявлявшимися к различным группам, существовавшим внутри Церкви. Священники и прочие «духовные лица» исполняли наложенные

на них суровые обязательства; ряд четких требований предъявлялся и к мирянам; все вносили свой вклад в молитвенную работу Церкви и участвовали в вознаграждении, которое Церковь гарантировала. От самых нищих до самых благородных, все люди чувствовали свое место в огромной «системе благодати», все понимали, что совместно можно достичь гораздо большего, чем в одиночку.

Средневековая система богослужения впечатляла своим единством и универсальностью. Единообразие литургии и литургического языка объединяло страны и народы. В каждой деревенской церкви, так же как в огромных соборах, среди разных народов ежедневно совершались одни и те же службы и церемонии. Все это свидетельствовало о непререкаемом авторитете Церкви, и в этом следует искать ключ к пониманию средневекового мышления в целом. Любой человек, сведущий в проблематике, связанной с этим историческим периодом, — а он длился дольше, чем века, прошедшие со времени Реформации до наших дней, — не может не признать величия его достижений.

И все же, восхищаясь этими достижениями, мы не должны закрывать глаза на ошибки средневековой Церкви. Благое и великое было смешано в ней с заблуждениями и злоупотреблениями. Многие из них были очень серьезными. Церковь стала чем-то большим, чем просто «общение святых». Это была мощная организация, построенная на священнических, иерархических и имперских принципах. Постановления соборов и пап считались такими же авторитетными, как Писание. Внешняя сторона богослужения, подобно деталям готических соборов того времени, была перегружена украшениями. Сама ткань богослужения была ослаблена нечистотой учения и практики.

Слово Божие с его ясным и простым планом спасения было затемнено из-за отсутствия переводов Писания и службы на национальные языки, а также из-за ухудшения состояния проповеди и наставления. Предания, легенды и истории о святых в среде неграмотных масс заменили собой Библию. Образованные люди погружались в темные глубины символических и аллегорических толкований. Представление о спасении делами царило во всех умах. Мир и уверенность, которые вошли в души людей с учением об оправдании верой, в тот период были утрачены. Месса была умиловительной жертвой, а не подлинным таинством и даром благодати. Ее совершение было добрым делом, позволявшим приобрести благоволение Божие. Учение о пресуществлении привело к лишению причастников чаши и к другим суеверным и не основанным на Писании обычаям. Поклонение Марии и святым бросало тень на честь и поклонение, принадлежащие одному лишь Богу, а учение о чистилище лишало души уверенности в спасении. Поклонение изображениям и продажа индульгенций были еще одним злом.

Индивидуальное сознание было раздавлено преувеличенным авторитетом Церкви. Священничество верующих терялось под ужасающей властью

священников, епископов и пап, которые все умножали количество распоряжений, налагали все больше обязательств и все больше обогащались за счет народа. Все службы совершались на чужом языке. Мораль и духовность редко встречались в среде прихожан и часто отсутствовали у клириков. Календарь был переполнен праздниками в честь святых, чьими мощами после эпохи крестовых походов торговали все более разнузданно. Среди позднейших праздников следует упомянуть также Corpus Christi и другие общие торжества. Множество популярных религиозных обрядов, таких как сохранение гостии, освящение и экспозиция святых Даров в монстранце, святое Сердце, святое Имя, розарий, этапы крестного пути, культ Девы Марии и другие, затемняли первоначальную композицию римского богослужения с его немногочисленными задачами и суровой красотой.

Священнический celibат и монашество уводили тысячи умнейших людей от семейной и общественной жизни. Религиозные ордена обрели колоссальные богатства и власть. Они учили народ примитивным концепциям и распределяли благодать Церкви. Они обогащались за счет вкладов, завещаний и привилегий. Они давали кров искусствам, которые практически никак не могли проявить себя вне церковных стен. В монастырских скрипториях велась работа по копированию и иллюстрированию рукописей; монахини-золотошвей создавали изумительные произведения, над некоторыми из них работало несколько поколений мастериц. Короли и знать щедрой рукой наполняли церковную казну, считая, что тем самым они искупают совершенные ими акты несправедливости, насилия и угнетения. У ремесленников были свои цехи и гильдии, но они еще не основывались на коммерческих принципах. Большинство из них были настолько же религиозными, насколько ремесленными организациями, и у каждой был свой святой покровитель. Мастера безвозмездно даровали свои лучшие произведения Церкви, довольствуясь очень скромной заработной платой и считая престиж гильдии и одобрение Церкви несравненно более важными.

Два таинства, установленные нашим Господом, задолго до того были увеличены в числе до семи (за счет добавления миропомазания, священства, покаяния, брака и соборования), и для каждого из них были разработаны особые службы. Вера в то, что совершил Христос, была затемнена необходимостью исполнять все то, чего требовала Церковь. Предание затмило собой Писание. Люди все реже приходили к причастию, то есть все реже в действительности получали его. Обычной практикой было причащаться приблизительно один раз в год.

Хотя клирики и получали в монастырях основы образования, в целом они были людьми малосведущими. Лишь немногие из них достигали определенной широты взглядов и начитанности. До изобретения книгопечатания массы, испытывавшие политическое, социальное и церковное давление, в большинстве своем были неграмотны. Они были лишены возможности принимать активное участие в богослужении, а фундаментальные истины подменялись для них суевериями и легендами.

Собор выполнял функции школы, библиотеки, музея, концертного зала, клуба и церкви. Каждой части церковного строения было присвоено аллегорическое или символическое значение. О фундаменте говорилось, что он есть невидимая вера; четыре стены были евангелистами; крыша — благодатью, покрывающей множество грехов; башни — проповедниками и прелатами; дверь была Христом; колонны — епископами и докторами. Скульптура, резьба и витражи живописали сцены из библейской истории, притчи и чудеса, или же мифических птиц и животных.

Остается высказать еще одно важное утверждение. Изучая Средние века, мы должны помнить, что они представляют собой часть истории нашей Церкви. Лютеранская церковь — это не творение шестнадцатого века. Она является итогом реформации и очищения исторической Церкви. Мы — лютеране, но прежде всего мы христиане. Многим из наших ценностей в вопросах веры, богослужения и жизни мы обязаны бережному сохранению и творческому обогащению этих ценностей в Средние века. Как доброе, так и дурное в том времени принадлежало нашим духовным отцам. Мы не можем отнять у них этого даже если бы захотели, ибо мы обязаны возводить историю нашей веры и нашей церкви через Средние века к ранней церкви, а через нее к апостольским временам, а через них к Самому Господу, Основателю и Главе Вселенской Церкви.

Мы должны воспринимать те времена так же, как их воспринимали наши реформаторы. Радикалы не видели в них ничего доброго. Они игнорировали их и пытались создать новое христианство на основании Писания и апостольского примера. Консерваторы видели в них как дурное, так и доброе. Они считали, что никогда Дух Святой не отходил от Церкви полностью и что игнорировать полторы тысячи лет христианского опыта немислимо. Необходима была реформация, а не творение заново. Нужно было искоренить зло, сохранить благо и отыскать подлинные принципы для нового и более здорового роста. Именно этого они и добились. Сегодня мы чтим их, потому что они не порвали со вселенской Церковью, но очистили ее богослужебные формы, усилили в ней дух поклонения и совершили свой собственный, новый вклад в ее развитие.

ГЛАВА III

РЕФОРМА И РАЗВИТИЕ В ГЕРМАНИИ

Литургическая реформа была частью программы Реформации во всех странах. Обсуждение и прояснение учения было первым шагом. Реформа богослужения произошла только тогда, когда движение набрало силу и устремилось наружу и когда как руководители, так и народ убедились в ее необходимости.

ПЕРВЫЕ ШАГИ

Уже в 1516 г. в проповеди на третью заповедь Лютер говорил о необходимости «слышания Слова Божия» в противовес «слушанию мессы»¹. В 1520 г. он отстаивал причастие под обоими видами «ради полноты символа», возражал против проговаривания слов установления про себя и указывал на различие между сакраментальным и жертвенным аспектами службы, которое признавалось значимым во всех последующих богословских дискуссиях. Заявляя, что человек не может «начать и заложить первый камень», он говорил, что прежде Бог «должен прийти и дать человеку обетование. Слово Божие есть начало, основание, скала, на которой впоследствии должно созидать все дела, слова и помыслы человеческие»². Несколько месяцев спустя в своем «Вавилонском пленении» он резко осудил упразднение чаши, учение о пресуществлении и концепцию мессы как доброго дела и жертвы³.

В этих работах, как и позднее, Лютер протестовал против неевангельских черт, но он никогда не стремился уничтожить исторический порядок и создать новую евангелическую службу. Он относился с почтением к формам, созданным верой, которые бережно хранили Установление Господне. Он признавал, что церемониальная система Церкви глубоко укоренилась в сознании народа, и был убежден, что требовалось очищение, а не уничтожение. Пример Карлштадта, анабаптистов и других радикалов утвердили его в этом убеждении⁴.

Практика радикальных реформаторов вынудила Лютера тайно покинуть Вартбург в марте 1522 г. В тот период он произнес восемь проповедей

¹ *Luthers Werke*, Weimar Ausgabe, Bd. I, p. 443.

² *A Treatise on the New Testament, that is the Holy Mass. Works of Martin Luther*, Vol. I, pp. 294 ff.

³ *Works of Martin Luther*, Vol. II, pp. 170 ff.

⁴ Обзор этого развития см. в статье "Luther on the Principles and Order of Christian Worship," by Edward T. Horn in the *Lutheran Church Review*, Vol. 10, pp. 217–256.

в приходской церкви в Виттенберге, в которых он рекомендовал умеренную, консервативную реформу богослужения. Он настаивал на том, чтобы священники пропускали те части мессы, которые повествовали о причастии как об умиловительной жертве. Но саму службу с ее одежаниями он сохранил, равно как и исполнение латинских песнопений.

На неделе после Пятидесятницы 1523 г. Лютер исполнил обещание, данное приходу в Лейзинге⁵, и опубликовал брошюру из восьми страниц, озаглавленную *Von Ordnung Gottesdiensts in der Gemeinde*⁶. В течение года она выдержала как минимум восемь изданий. В ней Лютер возражал против замалчивания Слова Божия, введения материала, не основанного на Писании, и против представления о службе как о заслуге перед Богом. Он критиковал постоянное увеличение количества дней поминовения святых и подчеркивал важность службы как особой формы Слова Божия. «Необходимо одно, а именно, чтобы Мария сидела у ног Христа и ежедневно слушала Его слово, что бы об этом ни думала Марфа». Тогда он еще не сделал проповедь регулярной частью мессы, но ежедневно проводил отдельные проповеднические службы.

Эти первые шаги были направлены на просвещение умов. Ими Лютер скорее утверждал принципы, чем предлагал определенные формы. Лютер не предпринимал реорганизации мессы до конца 1523 г., до тех пор, пока логика событий не привела его к составлению его Латинской службы. Как он сам, так и другие консервативные реформаторы не решались приступить к широкомасштабным практическим реформам и готовили для них почву через дискуссию. Они по достоинству ценили тот факт, что месса повсюду рассматривалась в качестве наивысшей формы поклонения, усовершенствованной веками размышлений и украшенной средствами всех искусств. Лютер, в частности, опасался, что новый тип службы станет рассматриваться как признак группы или как обряд последователей конкретного человека. Мистический опыт подсказывал ему, что если конкретные христиане были достаточно духовны, то они могли «поклоняться в духе»; и что формальные моменты церемониала имели особое значение для молодых, малообразованных и несведущих христиан. Это объясняет, почему Лютер ждал почти шесть лет, прежде чем предпринять серьезные литургические реформы.

Тем временем на этом поле возникли и другие фигуры. В 1522 г. Каспар Кантц, настоятель монастыря в Нордлингене, в Южной Германии, подготовил переработанный вариант мессы. Карлштадт предпринял радикальные изменения в Виттенберге. Новые обряды возникли в Базеле. Многие священники стали опускать спорные части канона, вставляли в текст евангелические молитвы и читали слова установления на национальном языке. Повсюду царили неразбериха и неуверенность. Лютера

⁵ Enders, *Dr. Martin Luthers Briefwechsel*, Vol. IV, p. 70.

⁶ *Luthers Werke*, Weimar Ausgabe, Bd. 12, pp. 31–37. Английский перевод с примечаниями — в издании *Works of Martin Luther*, Vol. VI, pp. 51–64.

все настойчивее просили разработать определенную программу. Решительнее всего действовал пастор Николас Хауссманн из Цвикау, которому Лютер и посвятил свою первую значительную работу по литургике.

Было бы несложно подготовить простой богослужебный обряд для использования вместо исторической мессы, как это сделал Цвингли и другие. Но Лютер решил реформировать мессу, а не заменять ее новой службой. Он понимал, что если благое будет уничтожено вместе с дурным, то многое из молитвенного, духовного и художественного наследия Церкви будет утрачено. Введение нового обряда не оказало бы большого влияния на наиболее выразительную и значимую черту средневековой системы. Понимая всю сложность задачи, он решился взять мессу, которая всеми считалась чем-то совершенным и законченным, и изменить ее так, чтобы она выражала мысль Нового Завета и первоначального христианства. Он хотел сделать ее служительницей Евангелия, а не хозяйкой Церкви. Отложив неоконченный перевод Ветхого Завета, он в течение двух месяцев работал над литургией и в декабре 1523 г. опубликовал свою *Formula Missae et Communionis*⁷.

Следует составить себе правильное представление о фундаментальном характере радикальной оппозиции. Речь шла не просто о проблемах вкуса или о второстепенных или малозначительных деталях. Все дело было в убеждениях, касавшихся природы богослужения и таинств, в соответствии с которыми значение объективных (сакраментальных) ценностей приуменьшалось или отрицалось полностью, а субъективных (жертвенных) — напротив, возвышалось.

Цвингли в своей работе *Fidei Ratio*, датированной 3 июля 1530 г. и через несколько дней представленной императору в Аугсбурге, говорит: «Я верю и точно знаю, что все таинства столь далеки от сообщения благодати, что ни в коей мере не передают и не распределяют ее... Ни канал, ни особые средства Духу не нужны»⁸. Лютеранское влияние изменило эту точку зрения в направлении, разделявшемся немецкими цвинглианами. Позиция Кальвина не была столь крайней, но он не ценил по достоинству высочайшие объективные сакраментальные ценности богослужения и евхаристии. Для обоих этих реформаторов проповедь стала главной составляющей. Но даже она мыслится как личное, субъективное изложение, направленное на свидетельство и увещание. Причастие было актом Воспоминания и благодарения, но не больше⁹.

FORMULA MISSAE

В этой брошюре, обозначив свою задачу как «очищение нынешнего употребления», Лютер дает исторический обзор развития мессы и упоминает о тех ее частях, которые хороши и не могут быть из нее исключены. Затем он обращается к спорным частям, обличает «испорченный и омерзительный канон»¹⁰ и «священническую монополию мессы» и заявляет: «Мы приведем доказательства и будем придерживаться лучшего».

⁷ Текст этой работы см. в *D. Martin Luthers Werke*, Vol. XII, pp. 197–220. Английский перевод с примечаниями — в *Works of Martin Luther*, Vol. VI, pp. 67–118

⁸ Н. Е. Jacobs, *Book of Concord*, Vol. 2, pp. 168 ff. Также Samuel Macauley Jackson and William John Hinke, *The Latin Works of Hildreich Zwingli*, Vol. 2, pp. 46 ff.

⁹ Рассмотрение лютеровской концепции психологии с многочисленными цитатами см. в работе Leonhard Fendt, *Der lutherische Gottesdienst des 16. Jahrhunderts*.

¹⁰ Слово «канон» означает «правило». Полный термин — *canon actionis*, «правило проведения», в соответствии с которым совершаются благодарение, освящение, жертва и заступничество.

Рассматривая порядок службы, он одобряет интроиты на день Господень и праздники Пасхи, Пятидесятницы и Рождества. Он не возражает против других празднеств, основанных на Писании, но предлагает отменить все праздники святых, не упоминающихся в нем. Он одобряет *Kyrie*, *Gloria in excelsis*, коллект («если только он благочестив, как обычно бывают те, что на воскресный день»), Апостол, градуал (предлагая лишь «петь дома» те из них, что превосходят по длине два стиха), Никейское исповедание веры, проповедь (в этом месте или перед интроитом), префацию, слова установления (произносимые вслух), *Sanctus* и *Hosanna* (такое местоположение впоследствии стало характерным для шведской литургии), вознесение («ради слабых»), молитву Господню, Рах и респонсорий, преподавание, *Agnus Dei*, причастный гимн, исполняемый хором, коллект, *Benedicamus* и Аароново благословение.

Далее следуют шестнадцать параграфов, посвященных таким предметам, как христианская свобода, одеяния (допустимые, но без роскоши), участие прихожан в богослужении, причастие под обоими видами, гимны на национальном языке, утрени и вечерни.

Formula Missae стала величайшим произведением Лютера, посвященным литургии. Эта работа была изложением его объективной критики исторического и жизненного установления. Он не ставил перед собой задачу, как впоследствии в своей Немецкой службе, ввести новую литургическую терминологию или пересказать отдельные части исторического порядка в немецких стихах для непосредственного использования в приходах, непривычных к активному участию в службе. Лютер не изучал литургику специально, как Кранмер, он просто взял местный обряд, вероятно, Августинианский служебник, и подготовил свою реконструкцию, не вдаваясь в дальнейшие подробности. Его *Formula* создавалась как местная программа, а не как общий порядок всей Церкви. Однако со временем стало очевидно, что она была его величайшим вкладом в общую литургическую реформу.

Если мы хотим понять смысл острой критики, высказанной Лютером, нам следует изучить служебники того времени. Августинианский служебник включал в себя не только обычные офферторий и канон, но также черты, характерные для местных и монастырских обрядов. Фендт, *op. cit.*, p. 375, цитирует некоторые из многословных интроитов, градуалов и префаций на дни святых в той форме, в которой они приведены в Августинианском служебнике 1501 г. Многие из этих спорных черт были исправлены в результате тридентской реформы.

Но и помимо этого, офферторий и канон всех служебников — как современных, так и той эпохи — дают основания для позиции Лютера. Он сам перевел канон мессы на немецкий язык и цитировал его в брошюре *Vom Greuel der Stillmesse*, написанном в 1525 г.¹¹

Канон следует за *Sanctus* и продолжается до молитвы Господней. Текст неизменен и содержит десять параграфов. Он должен быть произнесен священником про себя и при этом ни один слог не может быть изменен. В нем содержится заступничес-

¹¹ Текст этой работы см. в *Luthers Werke*, Weimar Ausgabe, Bd. 18, pp. 22 ff. Английский перевод в *Works of Martin Luther* (Philadelphia), Vol. VI, pp. 121–32.

кая молитва за живых, поминание апостолов и мучеников, молитвы о принятии и освящении приношения, слова установления, жертва (или приношение) и инвокация (то есть призвание, вместо древнего эпиклесиса), заступническая молитва за умерших и Молитва Господня. В «Отче наш» присутствует краткое введение и дополнение к последнему прошению (*embolismus*). Затем следует торжественное преломление гостии на три части, которое символизирует страдания и смерть Христа, смешение (*commixtura*), помещение небольшой части гостии в чашу, которое символизирует соединение тела и духа нашего Господа во время воскресения. Чтение текста священником сопровождается детально разработанным церемониалом — коленопреклонениями, возжением свечей, каждением и т. д.¹²

Критическая направленность «Формулы» проявляется в том, что в ней Лютер отвергает средневековые искажения и все то, что связано с идеями обязательности, жертвы и добрых дел. Кроме того, при желании сохранить исторический порядок мессы и большую часть ее текста подчеркивается принцип свободы богослужения. Проводится четкое различие между значимыми и незначимыми чертами. Одевания, свечи, каждение могут как использоваться, так и не использоваться; но офферторий и канон однозначно подлежали исключению из службы.

Однако при всей этой критичности «Формула» очень консервативна. Она вся исполнена духом Евангелия в противовес как Риму, так и радикальным экстремистам. Она призывает к умеренности и терпению. И ее консерватизм не робок, здесь чувствуется отвага и убеждение. Текст всей службы сохранен на латинском языке, за исключением проповеди и нескольких гимнов. Причина заключается в том, что Лютер очень ценил латинскую литургию, считал традиционный язык мессы в культурном отношении очень важным для школ и колледжей; он стремился также сохранить ту музыку, которая традиционно была связана с этим текстом.

«Формула» носит также конструктивный характер. Это видно из того, как в ней представлены основные принципы; из того, что в ней предлагаются гимны и проповедь на национальном языке; все богослужение видится скорее со стороны прихода, чем со стороны священника. Что же касается метода, то важно отметить педагогический аспект. Первичная цель богослужения видится в выражении веры; ее конечная цель, возможно, неоправданно узкая, — в созидании большей веры.

«Формула» — это лишь набросок. Если бы мы вставили в соответствующих местах интроиты, коллекты, Апостолы, градуалы, Евангелия и так далее, в соответствии с требованиями церковного года, а также разместили в ней те псалмы, антифоны, респонсории и другой материал, о котором в ней говорится с таким одобрением, то получилась бы работа, почти равная по объему «Книге Общего богослужения», и, кроме того, удивительно схожая с ней по содержанию и композиции¹³.

¹² Полный текст ординария и канона мессы приведен в приложении, на с. 558 и далее.

¹³ Критическое рассмотрение «Формулы» см. во Введении и в примечаниях Пауля Целлера Штродаха (Paul Zeller Strodach) к *Works of Martin Luther*, Vol. VI, pp. 67–81; 101–17.

ПЕРВЫЕ СЛУЖБЫ НА НАЦИОНАЛЬНЫХ ЯЗЫКАХ

Хотя Лютер часто говорил, что хочет проводить службы на немецком языке, он не стал первым, кто осуществил это намерение на практике. Еще до того как он опубликовал свою «Немецкую мессу» в 1526 г., службы на национальном языке возникли в более чем двадцати широко разбросанных регионах. Во многих случаях сохранялась большая часть латинской службы, за исключением канона. Единственными частями богослужения, проводившимися на немецком языке, были слова установления, а иногда также и чтения.

Обряды Кантца, Страсбургские мессы и реформатские службы Нюрнберга, Цюриха и Базеля были довольно свободными по форме и представляют собой значительный интерес. Евангелическая месса Каспара Кантца, настоятеля монастыря в Нордлингене, составленная в 1522 г., имела, пожалуй, скорее литературное значение. Среди прочих частей она содержала на немецком языке исповедание грехов, увещание и проповедь, префацию и краткую молитву освящения хлеба и вина, предшествующую словам установления: «Всемиловитейший Отче, милосердный вечный Боже, сделай (*hilf*) так, чтобы эти хлеб и вино сделались и были для нас истинным Хлебом, Непорочным Телом Твоего возлюбленного Сына, нашего Господа Иисуса Христа, Который, в ночь...».

В 1523 г. Томас Мюнцер ввел немецкую службу в Альтштедте, которая обладала множеством прекрасных качеств. Она была основана на пяти сериях проприев из Римского миссала (Адвент, Рождество, последние две недели Великого поста, Пасха и Пятидесятница). Исторический облик богослужения сохранялся практически полностью. *Gloria in excelsis* передавалась в прозаическом переводе. Эта служба широко использовалась в Брунсвике и после внесения незначительных поправок стала известна как «эрфуртский *Kirchenamt*». В 1525 г. герцог Альбрехт Прусский одобрил для своего герцогства службу, которая тесно примыкала к *Formula Missae*. Однако большая часть службы проходила на немецком языке.

Первая полная немецкая месса была проведена в Мюнстере, в часовне св. Иоанна, во вторник, 16 февраля 1524 г. Провел ее Теобальд Шварц (*Nigri*). Влияние Лютера здесь очевидно, хотя были сделаны важные независимые дополнения. Исповедание грехов и коллекты были новыми евангелическими молитвами, сориентированными на приход. В исповедании грехов есть одно или два предложения, которые спустя двадцать девять лет появятся в «Книге общей молитвы». Исторический порядок соблюдается по Исповедание веры включительно (все на немецком языке). Затем следует краткое назидание причастникам и молитва об освящении прихожан. Призвание Святого Духа и общая молитва стали значимой заменой оффертория и канона. *Nunc Dimittis* заменен на *postcommunio*.

В Нюрнберге одна группа верующих стремилась перевести всю службу на немецкий язык, а вторая — сохранить латинские формы везде, где только возможно. Фольпрехт, августинианский приор, и Дёбер, капеллан из монастыря при госпитале, представлявшие первую группу, составили службы, во многом подобные службе Кантца, использовавшейся в Страсбурге. Замечательное обращение к причастникам, взятое из этих служб, распространилось по всей Германии и в краткой форме введено в наш порядок публичной исповеди. Вместо интроита и градуала были помещены немецкие гимны; использовались также пересказы и переводы исповедания, *Sanctus* и *Agnus Dei*. Однако эти немецкие службы получили распространение лишь в узких кругах.

Нюрнбергский дух в основном выражался таким типом реформы, при котором латинская служба сохранялась по общему плану, изложенному в *Formula Missae*, но с чтениями (*lectio continua*) и с назиданием к верующим на немецком языке, как в

службе Дёбера. Причастие преподавалось под обоими видами. Воскресная служба с проповедью проводилась в соотношении с заутреней. Эта служба читалась после первой мессы — полностью на латинском языке, кроме чтений. После прона и проповеди совершалась вторая месса. Городской совет давал разрешение на проведение служб на немецком языке очень неохотно. Санкционировал их лишь Озиандер, сохранив латинские службы для школ. Но и он сохранял некоторое время латинский язык в церкви, «пока у нас не будет больше музыки». Такой тип службы на латинском языке, за исключением чтений, гимнов и проповеди на немецком, сохранялся в Нюрнберге в течение веков.

Фендт связывает все эти попытки составить службу на национальном языке с влиянием Лютера, который действовал через разных людей в разных местах. Он рассматривает всех их под символическим заголовком «Отклик»¹⁴.

Даже Сменд (Smend), который столь тщательно подчеркивает независимость от Лютера других деятелей, признает определяющее воздействие «Вавилонского пленения» Лютера. Ситуация была очень схожа с переводом Библии на немецкий язык: ведь до появления в 1522 г. лютеровского Немецкого Нового Завета было опубликовано не менее двадцати подобных переводов. В обоих случаях работа Лютера была настолько более качественной, а его личное влияние настолько велико, что его служба и его Библия, подобно его гимнам и его катехизису, полностью определили широкий путь будущего развития Лютеранской церкви и значительной части протестантского движения в целом¹⁵.

Этот обзор показывает, насколько общим было это движение в направлении богослужения на национальном языке и какой сильной была при этом убежденность в том, что подобный переход следовало совершать с величайшей осторожностью, так, чтобы не засорить пшеницу плевелами и не принести ценное наследие прошлого в жертву менее благородному и адекватному заместителю. Направление развития литургической реформы было результатом влияния духа Лютера и его Виттенбергских соратников. Реформатские группы в Женеве и Цюрихе руководствовались иным духом.

НЕМЕЦКАЯ МЕССА ЛЮТЕРА

Хотя Лютер был против проведения мессы полностью на национальном языке и в принципе не одобрял абсолютного единообразия, он, почти поневоле, все же подготовил немецкую службу. Выполняя эту задачу, он четко осознавал все те сложности, которые были с нею связаны, что едва ли можно было утверждать о большинстве, если не обо всех его современниках. С его точки зрения как музыка, так и текст должны были соответствовать «*eine rechte deutsche art*» («истинно немецкому духу». — Прим. перев.).

Нараставшее напряжение в обществе не позволяло решать вопрос постепенно. Лютер видел, как растет замешательство, но не мог одобрить того, что предлагали другие. И причина была вовсе не в уязвленном самолюбии, как намекает Сменд, а скорее, как предполагает Эдвард Т. Хорн

¹⁴ *Der lutherische Gottesdienst des 16. Jahrhunderts*, pp. 82–178.

¹⁵ Наиболее полный разбор этих попыток введения службы на местном языке можно найти в следующих работах Юлиуса Сменда (Julius Smend): *Die evangelischen deutschen Messen bis zu Luthers deutscher Messe* и *Der evangelische Gottesdienst*.

(Edward T. Horn), из-за того, что Лютер опасался неуправляемого развития радикальной реформы. Он с недоверием относился к поспешным и незрелым формам. Его вкус и чувство меры не принимали ни диких и нелепых формулировок, ни топорных версий изысканных латинских текстов, ни чрезмерной сентиментальности и изнеженности, ни (как это фактически случилось в Мюнцере) намеков на пантеистический мистицизм. Авторы страсбургских месс в своем чрезмерном стремлении к назиданию недооценивали значимость церковного года и исторического порядка чтений, и, судя по всему, стремились к новизне в ущерб стабильности¹⁶.

Уступая сложившимся обстоятельствам, Лютер призвал на помощь Бугенхагена и Йонаса и приступил к подготовке немецкой службы. Введена в употребление она была в приходской церкви Виттенберга, 29 октября 1525 г. В следующее воскресенье Лютер обратился к приходу с такими словами: «Поскольку огромное количество людей из разных стран присылают мне множество писем и многие даже пытаются применить ко мне мирскую силу, мы не можем более искать себе извинений и протестовать, но должны верить, что такова воля Божия». Начиная с Рождества эта служба использовалась, по крайней мере частично, в приходской церкви на утренних воскресных службах, «ради необразованных мирян». Латинская служба (*Formula Missae* Лютера) продолжала использоваться по будням.

«Немецкая месса»¹⁷ начинается с предисловия, в котором Лютер признает ценность немецкой службы, «учитывая необразованность простых людей и молодежи, которые должны ежедневно наставляться в Писании и Слове Божиим». О латинском чине Лютер говорит: «Я не хочу ни укорачивать его, ни изменять; но как мы его до сих пор совершали между нами, так мы вольны совершать его и в будущем, когда и где или мы того пожелаем или потребует необходимость».

Педагогическая точка зрения подчеркивается и далее, в разделе, посвященном поклонению. Затем следует глава о значении воскресного дня для мирян. «Мы допускаем использование на мессе одеяний, алтаря и свечей до тех пор, пока они будут полезны или пока мы не пожелаем отменить их. Если кто-то хочет поступить иначе, мы позволяем ему это».

Служба начинается с гимна или псалма на немецком языке в первом (григорианском) тоне. Эта часть замещала собой латинский интроит. Далее следует *Kyrie* (тремякратно). *Gloria in excelsis* не упоминается. Ричль (*Rietschel*) предполагает, что Лютер считал ее частью *Kyrie*. Коллект исполняется в фа мажоре, лицом к алтарю. Апостол исполняется в восьмом тоне, лицом к общине. Евангелие исполняется в пятом тоне. Лютер дает немецкий перевод Никейского исповедания, "*Wir Glauben all' an einen*

¹⁶ См. статью доктора Хорна "Remarks on Some of our Liturgical Classics," *Memoirs of the Lutheran Liturgical Association*, Vol. 6, pp. 17–22.

¹⁷ *Deutsche Messe und Ordnung Gottesdiensts*. Текст с критическими примечаниями в *Martin Luthers Werke*, Weimar Ausgabe, Bd. I, pp. 44–113. Английский перевод с примечаниями в *Works of Martin Luther*, Vol. VI, pp. 153–89.

Gott”, которое поют прихожане. Затем следует проповедь на Евангелие, парафраз молитвы Господней и увещание к причастникам.

Далее следует служба причастия. Все обычные молитвы мессы опущены. Слова установления поются вслух священником на мелодию, которую Лютер приводит здесь же. Он рекомендует преподавать хлеб сразу же после освящения, «до того, как благословят чашу»; Sanctus или иной гимн и Agnus Dei поются на немецком языке во время преподания чаши. Вознесение было сохранено (до 1542 г., когда его опустил Бугенхаген).

Книга о немецкой службе в еще большей степени, чем латинская служба Лютера, является скорее трактатом, чем точной инструкцией. Ее яркие черты — это использование немецкого языка по всему тексту и акцент на пении прихожан. Все части службы переведены на национальный язык, за исключением Кугие. Некоторые элементы, которые прежде пелись на латинском языке, — интроит, градуал, исповедание веры, Sanctus — переведены на немецкий в стихотворной форме и поются общиной, подобно гимнам. Префация опущена, а молитва Господня помещена перед *verba* и расширена в парафраз. Эта последняя черта особенно примечательна, учитывая, что Лютер был резко против любых изменений текста Писания в применении к *verba*. Коллекты и молитвы зафиксированы в определенной форме; их текст не зависит от вдохновения пастора. Повсюду чувствуется педагогический дух.

Очевидно, что для самого Лютера эта служба обладала скорее ограниченным, чем вселенским значением. Когда курфюрст захотел ввести немецкую мессу в приказном порядке, Лютер выступил против этого намерения¹⁸. Он не удалялся от того типа службы, который был изложен им в *Formula Missae*. Немецкая служба предназначалась для необразованных мирян, она была лишь упрощенным вариантом исторического обряда, приспособленным к нуждам и способностям части прихожан. Зрелые богослужебные представления Лютера отражены в его позднейших обрядах для Виттенберга, 1533 г. (подготовленных в основном Бугенхагеном), и для Саксонии, 1539 г. (подготовленных по большей части Йонасом). Задачей немецкой службы было поощрение участия прихода в богослужении при максимально возможном сохранении исторической службы. Она должна была использоваться в деревнях и там, где не было хорошего хора. Немецкая служба использовала уже зародившееся в народе движение и направляла в церковное русло стремление исполнять гимны на немецком языке.

Лютеранская церковь в целом одобрила многие черты немецкой мессы Лютера, в частности принцип службы на национальном языке, историческую схему службы, исполнение гимнов прихожанами и активное участие в службе всего прихода. Однако, за некоторыми исключениями, в основном на юге и юго-западе Германии, Церковь в конце концов отвергла многие из этих черт. Была опущена Gloria in excelsis, увещание к

¹⁸ E. L. Enders, *Dr. Martin Luthers Briefwechsel*, Vol. V, p. 257.

причастникам было заменено на древнюю и благородную префацию, парафраза молитвы Господней (который стал причиной тяжких злоупотреблений в период рационализма) был заменен на точный ее текст, отменено было также непрактичное разделение *verba* и двухчастное преподание Даров; возвращено было и отмененное прежде вознесение. К сожалению, перенос молитвы Господней на место перед *verba* получил широкое распространение, хотя многие более совершенные обряды никогда не принимали этой черты. Этот перенос привел к значительной путанице во всех последующих лютеранских обрядах; невозможно признать это решение мудрым и по многим другим причинам. Неудачей следует считать и введение рифмованных пересказов исповедания веры, Sanctus, Te Deum и т. д.; эту черту, к сожалению, вводили в службе довольно часто, и в результате прихожане лишались полных исторических текстов, а взамен получали весьма посредственные гимны.

К несчастью, во многих приходах Церкви было официально предписано использовать именно такой тип службы, который был представлен в *Deutsche Messe*. При этом не учитывалось мнение самого Лютера, который предназначал немецкую мессу лишь для необразованных мирян. Когда ее основные черты стали обязательными, увековечена была временная и ненормальная ситуация; будущему развитию были установлены жесткие ограничения. Эти приходы опустились до уровня простейших форм службы и так и не смогли отказаться от них. Те, кто поступал таким образом, считали, что следуют за своим лидером, но на самом деле ситуация была обратная: они не учитывали, что Лютер считал определенные формы очень ограниченными по своему значению; они также не исследовали предпочтений Лютера, которые были выражены в службах, введенных в Виттенберге и во всей Саксонии еще при его жизни. Эти службы представляли более полный тип литургии, чем тот, который получил всеобщее распространение, и в некоторых деталях более полный, чем тот, который представлен в «Книге Общего богослужения».

МАСШТАБ И ЗНАЧЕНИЕ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ РЕФОРМЫ ЛЮТЕРА

В числе прочих литургических реформаторских работ Лютера можно назвать обряд крещения (*Taufbüchlein*) 1523 г., значительно переработанный в 1526 г.; обряд венчания, 1529 г.; обряд рукоположения, 1535 г.; литанию, латинскую и немецкую, 1529 г.; многочисленные коллекты и молитвы с вводными версикюлами; тридцать восемь гимнов и различные предисловия к сборникам гимнов. Его огромную работу по переводу Библии также невозможно рассматривать в полном отрыве от ее значения для публичного богослужения.

Тот факт, что Лютер высоко ценил историческую преемственность классических и широко принятых форм выражения, обусловил его стремление сохранить в как можно более полном объеме как исторический поря-

док, так и содержание службы, в том числе музыку, одеяния, свечи и иные элементы, не противоречащие духу Евангелия. Дух Евангелия был принесен и мощно задействован через старые формы, которые были очищены и упрощены. Древнее равновесие между Словом и Таинством было восстановлено.

Веруя всей душой в «дарованность» Евангелия, Лютер придавал почти сакральное значение произносимому слову, возвещающему Божью волю и милосердие. В то же время почитание Таинства как печати прощения и средства благодати, в котором «Христос и Его святые приходят к тебе», обусловили единство Лютера с исторической Церковью в практике завершения основной службы каждого дня Господня и праздника вечера Господней. Обычай, распространившийся в лютеранских церквях двумя столетиями позже, состоявший в сведении воскресной утренней службы к проповеди с редким совершением святого причастия, как в цвинглианских и кальвинистских церквях, не следует возводить к Лютеру. Его возмутило бы редкое совершение святого таинства во многих современных лютеранских церквях.

Все это не было просто выражением консерватизма. Проводилась переоценка ценностей. Реформа бесстрашно устраняла нечистоту и ошибки и с равной решительностью сохраняла истинное, благое и прекрасное. Кроме того, проводилось четкое различие между существенным и несущественным и в последнем допускалась значительная свобода. Это очень важно. Принцип различения пронизывает все лютеранское учение и весь образ жизни, часто в резком противоречии с римским и англиканским традиционализмом с одной стороны, и с пристрастием к дословности и беспорядочным субъективизмом экстремальных протестантских групп с другой.

Конструктивные усилия Лютера также окончательно утвердили традицию проведения служб на национальном языке и активное участие прихода в богослужении. Проповеди было придано большее значение, чаша была вновь предоставлена мирянам, а причастие стало проводиться значительно чаще. Свобода была предоставлена новым силам, которые обогатили службу Церкви огромным количеством гимнов, хоралов и хоровой музыки, обладавших высокой духовной и художественной ценностью. В христианском поклонении началась новая эра, которая по мере своего развития обогатила все европейские страны и все протестантские исповедания на целый век и которая до сих пор, несмотря на длительные периоды упадка и небрежения, вдохновляет исследователей и лидеров, работающих в этой сфере.

В причастии Лютер резко сместил акцент с действия всей Церкви на индивидуальный опыт человека, участвующего в Таинстве. Его наиболее радикальным и самым спорным поступком было удаление из самого центра службы причастия всех молитв поминовения и благодарения, а также ограничение литургического материала в этой части литургии рамками молитвы Господней и слов установления. Ни в одной христианской литургии

такого прежде не было. Позднее никто, кроме лютеран, не последовал в этом за Лютером — и последовали его примеру далеко не все лютеране.

Влияние литургической реформы Лютера оказалось гораздо более сильным, чем он предполагал, и гораздо более великим, чем принято считать среди историков. Его экзегетические и доктринальные исследования — проповедь, наставление, написанные им книги, дискуссии, которые он вел, — составили мощнейший вклад во внутреннее духовное развитие протестантизма. Но их непосредственное воздействие ограничивалось образованными классами. Лютер принес значимость и силу Реформации в дом к простому человеку через свой перевод Библии, свои катехизисы, свои гимны и свою реформу литургии. Его богослужебные принципы стали главенствующими, а предложенные им формы служили ориентиром для других исследователей и реформаторов. Его службы были всего лишь схемами. Он не составил, подобно Кранмеру, полного перечня указаний на весь литургический год. Он лишь провозгласил принципы и указал на желательный материал в традиционном обряде Церкви. Его схематичные работы необходимо было дополнить материалом из старых литургических книг.

Тем не менее две книги Лютера по литургике составили основание для реформы лютеранских служб во всей Германии, Австрии, Дании, Швеции, в Балтии, Словакии и т. д. Вся литургическая система Церкви была очищена и упрощена на основе тщательного исследования. Историческая литургия с ее основными чертами и с большей частью проприя была сохранена, но в древние формы был привнесен новый дух. Добавлены были также новые, очень значимые черты. Лютеранская программа оказала значительное влияние на последующую литургическую реформу в Англии¹⁹.

Службы Лютера были частными, неофициальными трудами, которые скорее устанавливали принципы, чем вырабатывали конкретные формы. Практическое реформирование Церкви в ее организации, жизни и поклонении было осуществлено под влиянием правителей различных государств и свободных городов посредством официальных «церковных установлений» (*Kirchenordnungen*), о которых речь пойдет в следующей главе.

ДРУГИЕ ПРОТЕСТАНТСКИЕ РЕФОРМЫ

Мы не можем рассматривать здесь подробно литургические реформы Цвингли и Кальвина. Коротко о них можно сказать, что они были радикальными, особенно это касается Цвингли. Во многом соглашаясь с лютеранской программой, в частности в восстановлении общинного богослужения, использовании национального языка, устранении представлений, свя-

¹⁹ Доктор Эдвард Т. Хорн со свойственной ему живостью описывает труд Лютера следующим образом: Лютер «был литургом-практиком, так же как Кранмер, а позднее Козин. Он добрался до самого сердца римской мессы и вырезал из нее канон; он перевел Евангелия на национальный язык; он пересмотрел все молитвы; он подверг критике систему праздников; он положил конец нелепой практике переноса Богоявления на конец христианского года». («The Significance of Liturgical Reform,» *Memoirs Lutheran Liturgical Association*, Vol. I, p. 36).

занных с умиловительной жертвой и с главенствующей ролью священников, они обнаруживали резкое несогласие в ряде других аспектов.

Развращенность и злоупотребления, свойственные тому времени, побудили реформатских лидеров порвать с исторической Церковью и с историческим развитием. Они предприняли попытку возродить ряд аспектов раннего христианства. Однако они пошли вразрез с древней практикой, подчинив евхаристическое поклонение новому типу службы, которая состояла в основном из проповеди, увещания, пения псалмов и молитвы. Отвергнув принцип объективности наряду с историческими выражениями, они превратили богослужение в субъективную практику, в которой на первый план выходили общение, молитва, увещание и назидание и в которой главенствующую роль играли проповедь и другие личностные действия (молитвы и т. д.), выполняемые священником.

Цвингли, который был по существу гуманистом, опубликовал свой *De Canone Missae Epicheiresis* («Нападение на канон мессы») в 1523 г. В этой работе было сохранено сравнительно мало черт латинской литургии; чтения и проповедь предлагалось проводить на национальном языке. Четыре своеобразные молитвы замещали собою канон. Книга *Action, oder, Bruch des Nachtmals* («Употребление Вечери Господней») еще более радикальна. Именно она стала образцом для последователей Цвингли. Богослужение превратилось в службу проповеди с чтениями и длительными молитвами. Регулярные воскресные утренние службы словно бы составлены по образцу служения хора, а не евхаристической службы. Вечера Господня проводилась четыре раза в год и понималась как обычный поминальный пир. Алтарь сделался столом; Дары принимались сидя. Музыка попала под запрет.

Реформы Кальвина были менее революционными, но все же радикальными в широком смысле этого слова. После изгнания из Женевы в 1530 г. Кальвин встал во главе французской реформатской общины в Страсбурге. Там была в употреблении одна из версий сравнительно полной немецкой мессы 1524 г. Кальвин принял ее в несколько видоизмененной форме для своей общины. Когда он возвратился в Женеву в 1542 г., он ввел там службу, основанную на сочетании страсбургского ритуала с формами, которые использовались в Женеве Фарелем. Этот обряд был назван *La forme de priers et chanz ecclesiastiques avec la maniere d'administrer les sacramens* («Форма молитв и церковных песнопений, а также способ преподания таинств»). Он был богаче, чем цвинглианский ритуал, так как был основан на евхаристической службе, а не на служении хора. Очень многое было заимствовано из немецкой страсбургской службы. Поскольку Кальвин не читал по-немецки, он попросил одного из своих друзей помочь ему с переводом, чтобы подготовить окончательную французскую версию.

Требование крайней простоты, высказанное женевской магистратурой, побудило Кальвина значительно сократить страсбургский обряд. Он лично не стремился низвергнуть евхаристические формы с их места в качестве

кульминации служения дня Господня. К концу своей жизни он хотел проводить причастие еженедельно. Однако светские власти были против этого, и установили в Женеве причастие раз в три месяца. Со временем эта практика установилась в большинстве кальвинистских церквей в Шотландии, Франции, Южной Германии и Голландии. Английская община в Женеве, которую возглавлял Джон Нокс, преподавала причастие раз в месяц. Эта практика была принята в позднейших шотландских литургиях, хотя обычаем причастия раз в квартал в конце концов стал в Шотландии преобладающим.

Таким образом, обычная воскресная утренняя служба в соответствии с кальвинистским обрядом стала фактически службой проповеди со вступительными цитатами из Писания, с исповеданием, ритмизованными псалмами, коллектом, чтением, проповедью и заступническими молитвами. Изменяемые части службы были сведены к минимуму. Музыка была сведена к пению ритмизованных псалмов. В ежеквартальной службе причастия Таинство принималось стоя, и, чтобы принять его, прихожане подходили к алтарю. После преподания причастия пелся *Nunc Dimittis*²⁰.

В заключение следует сказать, что практика и общий дух, выдвинутые Цвингли, и, в меньшей степени, Кальвином и Ноксом, впоследствии разрушили историческую литургическую систему Церкви. Не только сама литургия, с ее текстами, церемониями и одеяниями, но и церковный год, церковная музыка и принятые традиции церковной архитектуры были отменены или заменены на нечто иное. В Швейцарии, Шотландии и Англии проявилась крайняя оппозиция историческому богослужению. Прекрасные здания были разрушены, хоры разбиты, органы сломаны, музыка упразднена, витражи уничтожены, а одеяния и украшения преданы забвению. Подход к вопросу в Англиканской церкви был совсем другим. Речь об этом пойдет в одной из последующих глав.

ЦЕРКОВНАЯ МУЗЫКА

Лютер был сыном Церкви и человеком культуры. Он высоко ценил исторические формы выражения и признавал тот факт, что литургическая и музыкальная система Церкви глубоко укоренились в сознании народа; это удерживало его в рамках отбора, перевода и адаптации. Его собственные оригинальные произведения ограничивались небольшим числом коллектов и гимнов. Его владение языком в целом и в особенности идиоматическими выражениями было превосходным. Но во всем, что он делал, он руководствовался скорее вкусом, чем некими базовыми принципами. Он осторожно ввел несколько замен для тех исторических форм, которые унаследовала его эпоха. Прежде всего он стремился очистить литургию от доктринальных ошибок, упростить и усилить ее структуру,

²⁰ Подробнее о службах Цвингли, страцбургском ритуале и реформах Кальвина см. William D. Maxwell. *An Outline of Christian Worship*, pp. 81–120.

вдохнуть в нее новый дух и сделать поклонение не священническим, а общинным и хоровым по своему характеру.

Лютер предполагал, что в его латинской службе будет использоваться традиционная музыка. Что же касается немецкой службы, то он проводил целые недели, составляя музыкальное сопровождение для текста на немецком языке вместе с музыкантами Иоганном Вальтером и Конрадом Рупффом.

Чин церковной службы часто представлял собой лишь краткую схему богослужения. Полные тексты с музыкой, особенно тех частей, которые пелись хором и приходом, были приведены в так называемых канционалах. Самыми известными из них были работы, подготовленные Шпангенбергом, 1545 г., Лукасом Лоссием, 1553 г., Элером, 1558 г., Кейхенталем, 1572 г., Лудеком, 1589 г. и другие.

Это были очень важные труды с широким диапазоном применения, сочетавшие в себе черты средневековых градуалов, псалтирей и антифонариев. В них приводились текст и музыка для проприев всего церковного года (интроиты, коллекты, Апостолы, градуалы, Евангелия, антифоны, респонсории и т. д.), одобренные реформаторами, но рекомендуемые лишь в качестве общего руководства. Эти лютеранские книги для хоров с их полными литургическими и музыкальными указаниями резко контрастируют с единственным подобным трудом того периода, разработанным Англиканской церковью: маленькой по объему и бедной в музыкальном отношении работой *Booke of Common Praier Noted* на 140 страниц, составленной Джоном Мербеком в 1550 г. В ней давалось лишь элементарное песенное сопровождение для респонсориив литургии и наставления архиепископа Кранмера, который запрещал музыкантам играть более одной ноты на один слог текста. Такой деспотичный и антихудожественный подход лишил даже те немногие старинные мелодии, которые были включены в сборник, какой бы то ни было выразительности и красоты. В этой работе не было предпринято даже попытки привести такие хоровые элементы, как интроиты, градуалы, антифоны или респонсории, так как в «Книге общей молитвы» они просто отсутствуют.

Создание книги Шпангенберга (*Cantiones Ecclesiasticae* [«Церковные песнопения» — *Прим. перев.*]), роскошного тома ин-фолио на 750 страниц с латинскими и немецкими текстами, было вдохновлено непосредственно Лютером, который очень торопил автора с ее подготовкой. Меланхтон написал предисловие к *Psalmodia* Лоссия — это был том ин-октаво более 800 страниц — книга выдержала множество изданий. Во все эти труды были включены мелодии старого обряда, на которые пелись чистые латинские тексты; к новым формам на национальном языке были адаптированы сотни древних интроитов, градуалов, антифонов, респонсориив и песнопений. Все вместе они свидетельствуют о любви немцев к музыке и о стремлении руководителей Лютеранской церкви всячески поддерживать эту склонность. Они показывают также, что немецкая Лютеранская

церковь шестнадцатого века считала себя законной наследницей литургической и музыкальной культуры Средних веков, а также хранительницей всего благого, чистого и прекрасного в великой традиции веры, поклонения и жизни западного христианства.

Помимо того, что Лютер интересовался гимнодией, как латинской, так и немецкой, и хорошо знал древнее григорианское пение и литургическую музыку, он был знаком также с огромным объемом сложной и интересной в художественном отношении музыкальной литературы, мотетов и других полифонических композиций. Лютер очень любил подобную музыку и всячески поощрял ее написание и преподавание в хоровых школах. Он призывал состоятельных людей и гражданские власти поддерживать эти школы материально. Он призывал курфюрста Иоганна не дать хоровым группам распасться, ибо «цари, князья и господа должны поддерживать музыку»²¹.

Лютер считал музыку одним из величайших даров Божиих. Это его убеждение было одной из составляющих его личного благочестия и его программы церковной реформы. Этим он резко отличается от других реформаторов.

Цвингли был прекрасным музыкантом, гораздо более профессиональным, чем Лютер. Он не только пел, но также играл на лютне, арфе, виоле, флейте, кларнете и трубе. И при этом он запретил инструментальную и вокальную музыку в церкви. Кальвин сделал важнейший шаг, когда ввел пение псалмов в среде своих последователей. Однако из-за того, что его взгляд на Писание был очень буквалистичным, он не мог допустить применения на службе ничего иного, кроме исполнения метрических переложений псалмов; церковная музыка в созданной им традиции развивалась очень слабо. Кранмер дал англиканской церкви великолепную литургию. Однако он ничего не сделал для развития музыки в Церкви. К счастью, после первого шока Реформации она продолжала жить в соборах и часовнях, где ее существование поддерживали приходские священники и музыканты. Впоследствии музыка в Англиканской церкви в значительной мере восстановила утраченные ею позиции.

Лютер же, напротив, считал музыку вдохновляющей, творческой силой и желал, чтобы она, наряду с другими искусствами, была «на службе у Того, Кто даровал и сотворил их»²².

Таким образом, несмотря на то, что Реформация была прежде всего сосредоточена на фундаментальных моментах, на доктрине и жизни, широкое движение вскоре освободило силы, которые нашли применение в реформировании и развитии многих других сфер. Творческий, новаторский труд Лютера открыл новую эпоху в христианском исполнении гимнов. Лютеранский сборник гимнов стал для прихожан также и молитвенником (во многом это было достижением, но в чем-то и потерей). Собрание гимнов на национальном языке, которые дышали горячей верой, благодарностью и смирением, обрело центральное место в богослужении. Эта черта стала значительным вкладом в богослужебную традицию всех исповеданий.

²¹ De Wette, *Dr. Martin Luthers Briefe*, III, p. 102.

²² Предисловие к сборнику гимнов Вальтера (*Geystliche Gesank Buchleyn*), 1524 г. (*Works of Martin Luther*, Vol. VI, p. 284). См. об этом также в статье, написанной автором этой книги, — "Luther and Congregational Song," *Papers of the Hymn Society of America*, N. Y., 1946.

Лютер не только учил немецкий народ петь в церкви, он открыл путь развития для немецкой культуры и художественных выразительных средств. Его труд со временем сделал возможным участие прихожан в богослужении во всех странах; исполнение общиной гимнов стало характерной и очень важной чертой протестантизма. Его усилия привели к такому стремительному развитию церковной музыки в течение двух веков после Реформации, что первенство в этой сфере перешло от Италии к Германии. Генрих Шютц начал то движение, вершиной которого стал труд Иоганна Себастьяна Баха. Сотни хоралов были написаны Крюгером, Хасслером, Николаи, Франком, Тешнером, Альбертом, Неймарком и другими. Их сила, достоинство и красота сделали их формой, идеально приспособленной для унисонного исполнения все общиной. Наряду с более древними григорианскими мелодиями они также дали материал для хоровых мотетов, кантат и органных композиций. Таким образом немецкий хорал приобрел историческое и музыкальное значение, которого никогда не имели ни мелодии кальвинистских псалмов, ни англиканские гимны. Освальд Шпенглер считает, что величайший вклад католицизма в искусство был совершен в сфере живописи, а протестантизма — в сфере хоральной музыки. «Можно сказать, что католическая вера относится к протестантству как живописный алтарь к оратории»²³. Вальтер, Эккард, Шретер, Кальвизий и Але в шестнадцатом веке, Преторий и Кайзер в семнадцатом веке, Бах, Телеманн, Краун и Хиллер в восемнадцатом веке стали теми композиторами, которые обогатили сокровищницу этих великолепных хоралов²⁴.

²³ *The Decline of the West*, Vol. I, p. 187.

²⁴ Более полное рассмотрение этих литургических и музыкальных черт см. в следующих работах: Ludwig Schoeberlein, *Schatz des liturgischen Chor- und Gemeindegesangs...*; R. Liliencorn, *Liturgisch-musikalische Geschichte der evangelischen Gottesdienste von 1523 bis 1700*; Hans Preuss, *Martin Luther der Künstler*; *The Choral Service Book* и *The Psalter and Canticles* ed. by Harry G. Archer and Luther D. Reed; см. также интересную работу римско-католического исследователя: Theobald Schrems, *Die Geschichte des Gregorianischen Gesanges in den protestantischen Gottesdiensten*.

СОКРАЩЕНИЯ

ЦЕРКОВНЫЕ ОБРЯДЫ, КАНЦИОНАЛЫ И СЛУЖЕБНИКИ

- Aust. — Австрия, 1571 г.
 В. — Бамбергский миссал, 1499 г.
 Bav. — Бавария, 1879 г.
 Bk. Com. Pr. — «Книга общей молитвы»,
 1549, 1552, 1661, 1928 гг., и т. д..
 Brand. — Бранденбург, 1540 г.
 Br. Nbg. — Бранденбург-Нюрнберг,
 1533 г.
 Bruns. — Брунsvик, 1528
 Br. Lün. — Брунsvик-Люнебург, см.
 Люнебург
 Br. Wolf. — Брунsvик-Вольфенбюттель,
 см. Вольфенбюттель
 С. — Констанцкий миссал, 1505 г.
 Calen. — Каленберг, 1542, 1569 гг.
 Cas. — Кассель, 1539, 1657 гг.
 Ch. Bk. — «Церковная книга», 1868,
 1878 гг.
 Cob. — Кобург, 1626 г.
 Col. Ref. — «Кельнская реформа», 1543 г.
 Com. Ser. — Общее богослужение, 1888 г.
 Com. Ser. Bk. — «Книга Общего богослу-
 жения», 1918 г.
 Deut. Mes. — Deutsche Messe, 1526 г.
 Elis. — Герцогиня Елизавета (Брунsvик-
 Люнебург), 1542 г.
 Erf. — Эрфурт (Deutsches Kirchenampt),
 1523 г.
 For. Mis. — Formula Missae, 1523 г.
 Hamb. — Гамбург, 1529, 1537 гг.
 Hes. Cas., см. Кассель, 1657 г.
 Hild. — Хильдесхайм, 1544 г.
 Kassel, см. Кассель
 Loss. — Лоссий, Psalmodia Sacra, 1553 г.
 Lieg. — Лигниц, 1534, 1594 гг.
 Lud. — Лудек, 1589 г.
 Lün. — Люнебург, 1544, 1564, 1569 гг.
 Mk. Bran. — Бранденбургская марка,
 1540 г.
 Meckl. — Мекленбург, 1540, 1552,
 1868 гг.
 Meckl. Cant. — Мекленбургский канцио-
 нал, 1868 г.
 Min. of Pa. — Министерiuм Пенсильва-
 нии, 1855 г.
 N. — Нюрнбергский миссал, 1484 г.
 Naum. — Наумбург, 1537 г.
 Nbg. — Нюрнберг, 1525, 1691 г.
 Nörd. — Нердлинген, 1538 г.
 Nbg. Off. Sac. — Нюрнбергский Offi-
 cium Sacrum, 1664 г.
 Oden. — Оденбург, 1573 г.
 Osnb. — Оснабрюк, 1543, 1652 гг.
 Pf. Neub. — Пфальц-Нойбург, 1543 г.
 Pf. Zwb. — Пфальц-Цвайбрюккен,
 1557 г.
 Pom. — Померания, 1535, 1542, 1563,
 1568, 1690 гг.
 Prus. — Пруссия, 1525, 1544 гг.
 Rh. Pf. — Рейн-Пфальц, 1557 г.
 Rom. Brev. — Римский бревиарий
 (*Breviarium Romanum*)
 Rom. Grad. — Римский градуал (*Gra-
 duale Romanum*)
 S. — Сарумский миссал
 Sax. Cob. — Заксе-Кобург, 1626 г.
 Sax. — Саксония, 1585, 1896, 1906 гг.
 Sax. Dk. Hen. — Саксония (герцог
 Генрих), 1539, 1540, 1555 гг.
 Sch. Hol. — Шлезвиг-Гольштейн, 1542,
 1546 гг.
 Schoeb. — Шоберлейн, Schatz, 1865 г.
 Sch. Hall. — Швебиш-Халль, 1526,
 1543 гг.
 Spang. — Шпангенберг, 1545 г.
 Strass. — Страсбург, 1525, 1598 гг.
 Swed. — Швеция, 1531, 1541 гг.
 Vt. Diet. — Вейт Дитрих, 1543 г.
 Wald. — Вальдек, 1556, 1565 гг.
 Witt. — Виттенберг, 1533, 1559 гг.
 Wolfb. — Вольфенбюттель, 1543 г.
 Würt. — Вюртемберг, 1536, 1553 гг.